

Дмитрий Санати

Гений
среди растений

Annotation

Ближайшее будущее, правда кое-что пошло очень не так. А человечество, как обычно — обречено.

Гений среди растений

Пик. Пик. Пишишиш.

Старая добрая свиридовская «время вперёд!», девять часов. Это значит...

— Коллектив программы «Время» поздравляет всех зрителей с Новым Годом! В студии Анжелика Свифт, главные события дня!

Ведущая зашелестела бумажками, пока на экране громоздились аляповатые плашки дайджеста, последний раз прочистила горло, глотнула водички...

— Ровно пятьдесят пять лет назад в эфир вышел первый выпуск нашей информационной программы с оформлением Георгия Свиридова.

— Новый полномочный представитель президента в агломерации «Путиловская»: хватит ли рук на госзаказ? Кадровые решения полпреда.

— Последний житель МКС. Поздравить с юбилеем космонавта Кирилла Безоцкого, который уже год несёт вахту на орбите. Наша программа подготовила особый подарок ветерану перед отправкой на Землю.

— Сезонная эпидемия: нарастить темп вакцинации на фоне роста заболеваемости — когда начнём давать лекарства больным, а не колоть здоровых?

— Утечка данных: хактивистская группировка «Экзюпери» выложила в открытый доступ личные данные, а также переписку ряда политических деятелей и телеведущих. Преступники, как обычно, не выдвинули никаких требований.

Оставьте ваш комментарий:

«Первый»: напоминаем, что если вы располагаете любой информацией по группировке — просьба обратиться в приёмную МЧС, ваше содействие поможет поймать преступников! > Shutiha Gitara: и это всё? Родина вас не забудет? > > Voogho Sapiens: Тебе мало? Лычки осведомителя — это, знаешь ли... > > > Shutiha Gitara: Очень смешно. Не обожаю, как государство на нас экономит. Сделайте за нас работу стоимостью в два ляма, а мы вам спасибо скажем! > > Yu-yoi: Экономика должна быть экономной! > > Masyama: Двуручная пила. jpg > > Hunter: Знал бы — не сказал. Обманут и не дадут. > > > HollowNight: Не госнаграда же. Через биржу, всё честно, в битках. > > Василь Петрович Ребята, о чём речь вообще? > > > Shutiha Gitara: За хакеров награду в сети повесили — вот о чём. 5к битков за всех целиком или по штуке за голову по отдельности. Эквивалент из госрезерва уже внесён. > > VoiceOfHereafter: ну да, ну да. У нас же других проблем нет и денег девать некуда. Давайте эквивалент двух мультов пустим на отлов правдолюбков вместо очистки безрайона!

...Развернуть обсуждение (1427 комментариев)...

«Слышал легенду, будто когда-то эту страну населяли гиганты...»

Лера слышала, что когда-то, не так давно, первого января всегда был снег. Всегда!

Отвернув от экрана красные воспалённые глаза, она слепо таращилась в темноту крохотной комнатки, вдыхала докучливый химический запах — а так хотелось распахнуть окно, впустить в дом свет, засмеяться хлынувшему в помещение зимнему, свежему — вкусному — воздуху! Хотелось жизни, снега и ветра в грудь. Так хотелось...

С кухни запищала радиоточка, грустно мяукнула сирена из-за окна, и низкое небо поморщилось, выдавливая из себя ещё чуть-чуть влаги для истерзанного города. В единственное окно меланхолично забарабанило, зашипели форсунки — по стеклу поползли вниз грязно-жёлтые клочья пены дезактивирующего раствора. Запах усилился, и Лера, поморщившись, поднялась с кресла, наощупь нашла переключатели фильтров вентиляции, переключила на «влажно», проверила запас дез-смеси, на всякий случай подлила ещё чуть-чуть. Бережёного, как говорится, бог бережёт, а небережёный — безрайон стережёт!

Во фляге оставалось на доньшке — неделя, если служба погоды снова не облажается, месяц, если дождей не будет... Или на один-единственный визит «чистовиков». Этих не интересовало ничего, кроме захвата цели — они вламывались в квартиру уже дважды, топоча грязными ботинками, оставляя активную пыль на бетоне. Проклятый след вместо дяди, вместо мамы! За что? Министерство никому не говорило — за что... Да мало ли? Угроза агломерации, гражданская пассивность, посещение неразрешённых ресурсов. Был бы человек, а статья...

Так или иначе, а Лера Бусловских, семнадцать лет, индекс благонадёжности 86 %, осведомитель, прекрасно знала, сколько потребуется химии для очистки жилища после посещения фигур в глухой чёрной броне — научила жизнь, заставила. Пол-литра после плановой проверки, три четверти после обыска. Два литра и полная утилизация пищи и воды после ареста. Простая арифметика.

По потолку хлестнуло ярким отблеском, снова мяукнула сирена, а девушка, дыша через раз, подошла к окну и, не касаясь подоконника, выглянула на улицу.

Усиленный наряд — две броне-шкатулки и патрульный «Грач» едва поместились между высокой стеной границы агломерации и домом. Должно быть, очередного неблагонадёжного берут. Возможно, даже с оружием — плывущие контуры силовиков казались ещё больше привычного.

По окну снова мазнуло светом, и она отшатнулась вглубь помещения, стиснув кулаки, вернулась за компьютер, покосилась на коммуникатор. А тот, будто ожидая взгляда хозяйки, зажужжал, заверещал, привлекая к себе внимание. Психологическая бомба, ч-чёрт. К счастью, бот заглушил звонок и добавил посторонний номер в чёрный список — но сердечко-то уже ух как ёкнуло! Замерло, будто в раздумьях — снизу хлопнула дверь — и заколотилось чуть ли не в горле.

Застыв, она прислушалась к творящемуся в парадном. Сама понимала, что глупо — «чистовика» нипочём не услышишь, они даже в своих тяжёлых брониках перемещались совершенно бесшумно — и всё же, всё же. Тяжёлые шаги — гражданские ботинки, просвинцованная ткань, первый этаж, второй, третий...

Горло сдавило спазмом, пальцы лихорадочно пробежались по клавишам, очищая

историю посещений, загрузки, соединения! Тут же вывели на экран домашнюю страницу с тошнотворной бело-голубой вёрсткой официально одобренной помойки с официально одобренными новостями. Мы катимся в светлое завтра, и всё будет в кайф, и, наверное, даже не надо будет умирать.

А шаги всё приближались.

Последнее действие — из сети прилетела сохранённая сессия с насквозь лояльным и стерилизованным образом поведения хомяка в сети. Года посещения разрешённого, сохранённые котики, переписка в комментариях под новостями.

Установщик подал сигнал — файлы заняли положенные им места — и одновременно шаги замерли под самой дверью. Лера отключила музыку, прислушалась — и застонала: даже сквозь герметизированную дверь явно послышалось характерное шипение.

«Очередной придурок! Так, что делать? Успокоиться для начала, взять себя в руки. Потом прогнать вандала от двери. Оружие? В чулане лежит официально зарегистрированная монтировка — дядина! — и если вдруг что...»

Но сначала всё по закону — индивидуальная маска, очки, перчатки. Теперь...

Увесистая ребристая железяка в руке придала уверенности, и девушка захохотала замками!

Разумеется, шипение тут же стихло, послышались суматошные тяжёлые шаги удаляющегося идиота, расписывающего стены под боком у патрульных.

«Опоздала» — вздохнула она, разглядывая пылающий ядовито-зелёный QR-код на чёрном крашеном пластике двери. Опять какая-нибудь помойка домашних оппозиционеров в луковой сети, за которую даже пальчиком не погрозят, но — гражданская активность — Лера застонала, почти воочию узрив, как соседи, поглядывая в видеоглазки, уже застучали ногтями по экранам коммов, как полетели отчёты по проводам, оседлали радиоволны и осели в приёмной местного отделения Министерства Чрезвычайных Ситуаций.

«А всё хорошо так начиналось, — глупо мелькнуло в голове. — Спасатели же, каждая жизнь ценна! Так, хорош, соберись, пока они тебя «спасать» не приехали!»

Сайт снова взломали — вместо привычной плашки «чистовиков» какой-то дурак повесил «Министерство Чистоты Сознания», и если первые пару десятков раз это было смешно, то... Но пошло в народ, пошло, ничего не скажешь. К счастью, функционал весь на месте, автологин, фотоснимок, геоданные — пусть приезжают, изучают и закрашивают, её дело маленькое. Пистон коммунальным службам, которые допустили в помещение человека, не приписанного к этой парадной, только на пользу пойдёт.

«Поздравляем! — неожиданно отреагировала приёмная. — Вы отправили более двух тысяч рабочих претензий! Ваш рейтинг благонадёжности увеличен до 90 %!»

— Спасибочки, — криво ухмыльнулась девушка.

Говорят, в Купчинской агломерации есть гражданин с рейтингом под сотню, и — вроде бы — у него целая куча предпочтений от Министерства. Но для этого нужно быть крайне склочной и недовольной всем бабкой, а Лера лишь начала постигать это дао.

И пусть кричат диванные оппозиционеры о свободах и правах — что-то ни один из них не снялся с места и не перебрался куда-нибудь за Урал, где не сыпалась с неба смерть, где есть чистый воздух и вода, а инцидент Снайдера прошёл незамеченным. Сидят в мегаполисе на пособии, раз в неделю принимают доставку всего необходимого и радуются жизни, наблюдая за зарёй с безрайона.

Лера предпочитала активность. В конце концов, два примера перед глазами, а дез-

смеси хватит всего на один визит участкового. Между криками о свободе и сытой жизнью в Невской Агломерации она предпочитала последнее. Громкую, крикливую, активную — растворяющуюся на общем шумном фоне, социально невидимую.

Из квартиры требовательно заорал домофон, и девушка поспешила снять трубку.

— Министерство! Откройте!

Оперативно работают. Должно быть, кого-то из «усиленки» прислали для личной фиксации. Живём! Кнопка с еле слышным щелчком утонула, и парадная тут же погрузилась в мёртвую — опасную! — тишину. В дом пришёл «чистовик». Как ни старалась Лера, как ни прислушивалась — а до момента, когда по последнему пролёту мелькнула чёрная размазанная от скорости тень, она так и не сумела засечь исполнителя.

— Бслвскхвлрнтвн? — с дикой скоростью спросило расплывчатое марево.

— Простите? — девушка невольно задрожала, пытаясь поймать взгляд постоянно искажающейся фигуры.

— Чтвгргднск. — Что-то негромко щёлкнуло, и фигура тут же приобрела массу и объём. Оперативник кашлянул басом и повторил снова, в этот раз отдельно. — Бусловских Валерия?

— Да, офицер, — кивнула девушка. — Вот, посмотрите.

— Документы, — потребовал «чистовик».

— Конечно. — Девушка достала загодя припасённую толстую карточку ID.

— Вторую руку опустить, документы держать перед собой на уровне подбородка, — привычно отгарабанил чёрный, а Лера так же привычно приняла требуемую позу.

Щёлкнул переключатель, по лицу, руке и паспорту прополз синий луч сканера. Чуть задержавшись, сменил цвет на зелёный, продолжил движение по фигуре. Лера незаметно поёжилась — сканер считывал фигуру сквозь одежду, а чувствовать себя голой перед посторонним человеком ей совсем не нравилось.

— Подтверждено. Пройдёмте в помещение. — Казалось, причина вызова «чистовика» вовсе не волновала.

Она скрипнула зубами. Разумеется, он не станет разуваться или хотя бы ополаскивать обувь в тазике с обеззараживателем, вот так напрямую пройдёт в дом, займёт единственное кресло. А ей потом это всё чистить!

— Офицер, начало месяца... — робко выдавила она.

— Не беспокойтесь. Местком дополнительно привезёт запас чистящих средств. — правильно понял её сомнения «чистовик».

Дверь, разумеется, он оставил полуоткрытой, и даже думать не хотелось, чего натащит в квартиру, если вдруг закончится дождь. Всю дрянь и пыль, что могли притащить с собой жильцы с улицы, занесёт автопродувкой... Оставалось только надеяться, что офицер уберётся раньше, чем закончится дождь.

— Кроме вас в помещении ещё кто-нибудь проживает? — разумеется, гад занял кресло.

— Нет, я одна.

— Хранится ли у вас что-нибудь из Списка — ваше или по просьбе?

— Только монтировка.

Офицер кивнул, просканировал и указанное орудие, продолжил допрос:

— Приходилось покидать границы агломерации?

— Раньше, пока не уволили.

— То есть, последние три года вы живёте, не покидая района?

Она кивнула.

— Хорошо. Чем зарабатываете на жизнь?

— Мониторингом границ.

— Почему к местному не приписаны?

— Мне нет восемнадцати.

— Логично. Запрещённые сайты, участие в ячейках, общественная деятельность?

«С нашим-то образом жизни и питанием? — поморщилась Лера, отрицательно качая головой. — Это вы, лбы, на высококалорийной диете, а мне едва хватит сил после тебя почистить жилище!»

— Проверим. — В универсальный порт компьютера тут же встал сканер, и Лера затаила дыхание. Конечно, она потёрла все хвосты, но...

Сканер зажжёт зелёный диод и едва слышно зажужжал.

— Слышали или видели что-то подозрительное?

— Сегодня мне нанесли код на дверь, — чуть резче, чем хотела, ответила она.

— Помимо этого? — спокойно среагировал «чистовик». — Ваши окна выходят на безрайон.

«На радиоактивную помойку они выходят, чурбан. Там такой уровень загрязнения, что тараканы с крысамидохнут».

— У меня слабое зрение.

— Да? — Офицер снова вывел досье, посмотрел. — Вижу. Вы бы не сидели в темноте с экраном, это бесполезно для зрения.

— Верхний свет мне не по карману.

— Дело ваше — чёрный пожал плечами, дождался, когда зелёный диод погаснет, и достал сканер. — Благодарю за содействие, гражданин. Рабочие придут через десять минут. Служите верно.

Чёрная тяжёлая фигура тут же расплылась в полупрозрачный чёрный туман и — исчезла. Мгновение спустя хлопнула дверь парадного. «Чистовик» отправился на службу.

Лера же, тяжело вздохнув, отправилась запирать дверь — дождь ослаб, и климат-служба вот-вот включит продувку парадных.

Десять минут спустя снова загомосил домофон, девушка запустила коммунальщиков, а сама полностью погрузилась в уборку, выскивая и безжалостно уничтожая всё, на что хоть чуть реагировал счётчик Гейгера.

Пылесос, счётчик, сканер, последние крохи диз-смеси. В дверь забарабанили:

— Да?

— Принимайте доставку, — отозвался женский голос. — Набо...

Фильтры автоматически переключились в состояние «сухо», заревели вентиляторы, и уборщица закашлялась, судорожно натягивая маску. Неудачно она поговорить решила, это точно.

Две минуты на первый продув сухим воздухом, чтобы пыль прибило к поляризующим контурам. Через несколько минут — влажный продув, прибивающий заразу в воздухе. Стоять и ждать завершения цикла уборщица явно не собиралась и снова заколотила кулаком в дверь.

«Ищи дуру, — фыркнула Лера. — Я дверь открою, и в этот раз все запасы на уборку уйдут. Нет уж, жди».

На экране коммa медленно переключались секунды, отсчитывающие время до

завершения первой фазы.

Три.

Два.

Один.

Замок негромко щёлкнул, цепочка легла в паз, и девушка чуть-чуть приоткрыла дверь — так, чтобы прошла канистра. Или нога.

— Забирайте, — недовольно пробубнила из-под маски уборщица. — Смесь, еда, таблетки. Распишитесь.

— Э? — Лера недоумённо покосилась на фигуру в бесформенном оранжевом балахоне. Зачем расписываться, если факт доставки уже зафиксирован видеонаблюдением и отправлен в местком?

— Давайте, у меня нет времени! — рывкнула уборщица, сунув девушке планшет под самый нос.

Возмущение умерло в горле, когда на экране планшета всплыл цифробуквенный код, который...

«Хитро работаете, — фыркнула она, незаметно снимая экран планшета камерой комма. — И, чёрт возьми, жутко рискованнее того дурака с баллончиком».

— Служите верно, — кивнула уборщица, повернулась и потопала вниз по лестнице.

Лера осмотрела дверь — от «художества» не осталось и следа. Быстро, чётко и по существу. Канистру со смесью к фильтрующей системе, сухпай в холодильник, таблетки в шкаф. Жизнь, похоже, налаживается!

— А в остальном, прекрасная маркиза... — промурлыкала она, возвращаясь за компьютер.

Разумеется, «чистовик» оставил в системе логгер, и его тоже придётся восстанавливать в следующую проверку, посему... «Жук» переместился в хранилище к «благонадёжному» образу, система ушла в перезагрузку, устанавливая привычное девушке окружение.

— Работаем.

Лис советовал использовать виртуальные машины — их не жалко, в случае чего можно легко грохнуть, не оставляя следов. Но камон — кто Лис, а кто она? Если его спросят — мол, зачем это вам, уважаемый, на компьютере «виртуалка» — он-то отбрешется. Работа такая, требует. А ей что говорить? Для наблюдения за периметром нужен только браузер, а что угодно кроме него автоматически вызывает подозрения.

К тому же убить профиль и поставить «хомяка» куда быстрее, чем судорожно сворачивать виртуалку. Это особенно важно, когда тебе уже колотят в дверь. Спасибо маме за науку, блин.

Браузер подвис на мгновение, запрос на подключение к необслуживаемому серверу, спрятанному где-то то ли на чердаке, то ли в подвале, предварительно должен был его запустить. Реальное расположение прокси их шайки обормотов реально было неизвестно, и вполне возможно, оно было даже не в соседних агломерациях. Нет-нет, больше никаких «человеческих» точек выхода в луковую сеть. А за эту науку спасибо уже дяде — апрель 2017, помним, скорбим.

Девушка включила комм, вывела на экран фотоснимок и тщательно, проверяя себя по нескольку раз, ввела шестнадцать символов цифробуквенного адреса, дописала точку. Onion. Ввод.

Логин-пароль, верификация кода самопальным приложением... Хорошо, хоть их не

сканируют.

В левой части тут же приглашающе замигала иконка чата.

Buss: Народ, вы не охренели коммунальщиков использовать?

Foxie: Привет, Роза!

Buss: Бабка твоя Роза! А если палево?

Lil'Prince: Не беспокойся. Это наш проверенный человек. Вовремя сигнал перехватил.

Buss: Что у вас сегодня?

Foxie: помнишь инцидент Снайдера?

Buss: Ну.

Foxie: А почему он случился, помнишь?

Buss: Эсдешники же.

Lil'Prince: Всё куда сложнее. «Свободный день» появились только в самом конце. Я скину ссылку на дарктуб, посмотри материал, потом продолжим.

В поле чата на секунду появилась ссылка — Лера едва успела кликнуть — и тут же исчезла.

Lil'Prince: двухчасовой фильм, запрещённый к показу на всей территории Федерации. Ты посмотри, сделай выводы. Буду через пару часов.

Lil'Prince покинул чат.

Foxie: Пока, Роза!

Foxie покинул чат.

— Pppp, — зарычала Лера, переключаясь на открывшуюся вкладку. — Деаноню и прибыю!

Раскрыла проигрыватель на весь экран, надвинула наушники поплотнее.

27 мая 2012 года. Инцидент Снайдера.

Play.

Мы так боялись войны, с таким страхом смотрели в сторону заката, что когда всё случилось, мы были просто не готовы.

Вспышка «ярче тысячи солнц», вынимающий душу вой сирен, ударная волна, разносящая в пыль всё на своём пути. Выжженный воздух, почти не препятствующий свету, и оттого резкие, рубленые «лунные» тени, залёгшие от устоявших зданий.

Если бы мы только думали, что творим, что несём... Что ж, теперь думаем. Думаем же. Правда?

Более миллиона живых, дышащих, уникальных людей мгновенно испарило. Ещё три миллиона умерли меньше, чем за год.

— Вы забыли, в какой стране живёте?! Мы не Союз, мы не можем завалить очаг телами! Алло!

— ...

— Я сказал: нет у меня двух тысяч! У меня лишней сотни человек нет! Что вы не расслышали? Ударом уничтожены три четверти личного состава, и чёрт знает сколько ещё пропали без вести! Я ни одного человека в столицу не отправлю!

— ...

Дядя Сергей — о, нет, на людях только Сергей Витальич, генерал гражданской службы и прочая, и прочая — со злостью грохнул бакелитовой трубкой о рычажки архаичного аппарата без кнопок или наборного диска, добыл зубами сигарету из пачки, вопросительно качнул головой.

Он тут же зажёг спичку, поднёс начальству.

— Такая вот херня, Андрюха, — грустно вздохнул Витальич. — Кремль требует, чтобы мы все бросились грудью в первопрестольную как на второй Чернобыль. А что нам самим жить в долг приходится — им параллельно.

Он неопределённо повёл плечом — столица же. Ничего нового.

— Как дрянь приживается?

«Пуговка» прививки, будто почуяв, тут же зачесалась. Андрей неосознанно пошкрябал ногтями плечо.

— Работает, — неопределённо ответил он, — но я как будто в другом мире, и...

— Не ты один, Андрюх, не ты один...

Спецкниги, особая формула сигарет, тлеющих вдвое быстрее... Да что там — синдромом эпохи стало крохотное изменение привычного уже всем видеоплеера на Ютубе. Мир принял их, подстроился.

А справились ли они?

Нет, надо вернуться чуть раньше.

— *Мы не выстоим сами, понимаешь? Мне самому поперёк горла, что из меня жандарма делают — я другому учился! Но, блин! Нам нужен либо кровавый тиран, либо новые орды гуннов. Империя прогнила и катится в ад, а история учит, что гнилую империю всегда сжигают дикари. Ты думаешь, я от большого удовольствия не выхожу на пенсию и штаны тут просиживаю?*

Андрей покачал головой. Дядька любил говорить глупые и злые вещи. И нисколько не легче оттого, что правдивые. Оттого, что волонтерские организации, центры помощи —

снесены и проданы. Места имени человечности и взаимопомощи не приносят прибыли, вот и живут недолго. Последним оплотом помощи ближнему своему осталось место, куда его давным-давно зазывал батин брат. Министерство Чрезвычайных Ситуаций, спасатели.

Что ж, дозволялся. Человек в смертельной опасности ищет лишь убежища и пропитания, а поисками виноватых можно заняться и потом. Лишь звучали порой из радиоточки разрозненные имена: «Свободный День», интернет-апокалипсис, «Экзюпери», Снайдер...

Он знал, что если хватит дури открыть окно и поднять освинцованный щит, то прямо под окнами так и будет висеть перекошенная рожа очередного партийного святого. Этот-то явно жив, на чистой воде и воздухе, на сухом госрезерва, размахивает корочками и требует «прислать и разобраться».

Тьфу.

«А как же мы? — пусть и не так ярко, как раньше, но ворочалось внутри. — Разве мы не заслуживаем жизни и помощи? Полезное дело делаем, работаем...»

Им всё равно. Главное — бабки, бабки, не в обесценившихся деревянных и дохлых президентах, а в евро. Желательно, в новых. И кто-то очень неплохо наварил капитала на уничтоженных районах города, заработал славу, репутацию, пока присланные военкомом перепуганные солдатики тысячами дохли от радиации и «прививки».

Он сам был таким, выбравшим гражданскую службу в спасателях — средний, невыразительный, кинь взгляд на улице — забудешь через мгновение. Повезло лишь с родичем под погонами. Ну и, конечно, с тем самым необъяснимым в крови, что позволило пережить инъекцию.

Простая арифметика: Чернобыль тушили и чистили более полумиллиона человек. Справились еле-еле, потеряли ЧЗО. И это была победа.

Сейчас же на весь город осталось две штаб-квартиры МЧС, в строю не более двух сотен сотрудников. Сколько из них пережили «укол», Андрею не сообщали. Но вряд ли больше десяти процентов. Районы безвозвратно потеряны, обнесены бетонными стенами, накрыты надувными куполами, чтобы не разносили заразу. Люди живы. И всё равно это — поражение.

До того, как начали выпадать волосы и ногти, всё было просто: офицер сказал — вот лопата — копать, вот завал — разбирать. В компанию ему поставили коротко стриженную девушку, при знакомстве отрекомендовавшуюся как агент Дэ. Она не лезла в душу, не задавала лишних вопросов, работала не меньше Андрея, а, может, даже и больше — и за то он был благодарен напарнице. Может быть, у них и получилось бы подружиться, познакомиться поближе, вот только, несмотря на горстями жрущийся «Б-190», на защитные комплекты, на всё то, что только смогло придумать человечество с 1986 года против открытой радиации...

Дядя устроил форменный скандал — сначала узнав об анализах племянника и его развивающейся лучевой, потом — в ответ на приказ об обязательной вакцинации. Наорал на кого-то из чинуш, столичному хрену в рыло дал. И первым же подставил плечо под пневмошприц. Родственники же, если он выживет, то Андрей точно справится. Выжил.

— *Имперские порядки, мать их, — уже не так истово делился он в курилке, выйдя из затяжного обморока. — Лишь в нашем великом государстве могли испытывать необкатанную вакцину с кучей побочек на тех, что держат последнюю линию обороны. Андрюха, если хочешь — у меня есть знакомые в Европе, самая лучшая клиника...*

Андрей был вторым в отделении, кто пережил инъекцию. Хотя даже не в числе первого

десятка. Коллеги с севера зашевелились чуть раньше.

На самом деле, идея такая же шикарная, как и всё в империи. Давайте относиться к радиации и заражению как к болезни! Один хрен мы не умеем ничего лечить, только указывать таблетками, кого фагоцитами травить. Пускай теперь организм сам проверяет уровень заражения и борется с ним. А мы ему покажем пальцем.

Вышло, правда, как всегда. Бред, запредельные температуры и почти стопроцентный шанс отправиться в морг в обмен на что? На ускорение обмена веществ? Оказалось, облажались и здесь. Операция, ещё одна, восстанавливающая терапия — и однажды он открыл глаза в крайне медленном мире.

Медленном и равнодушном. Будто ледяной барьер встал вокруг, отсекая от боли, горечи. Дом, испарившийся вместе с семьёй, любимая девушка, друзья, знакомые, перспективы — всё это больше не трогало, не заботило.

— *Вы будете новым человеком. Человеком думающим. Когнитивным.*

Остался только пустой, выхолощенный разум. Обезличенный до почти полной утраты собственного «я». Даже не порадовало известие о том, что алтарь золотого тельца всё же снесло ударом, и он больше не уродует образ города. Во-первых, ни в чём «Газпром» не виноват, а во-вторых... После случившегося хуже уже просто не будет.

В мире беспросветного равнодушия чем-то значимым осталась лишь учёба. Учёные изучали его, проверяли реакции, способности к обучению, здоровье, самочувствие, потихоньку повышали нагрузки. И давали лишь полезные, прикладные знания: по переделке и консервации домов, по дезактивации почвы и воздуха, по оказанию первой медицинской помощи. Утратившего личность безымянного нарекли однобуквенно. Эс. Одного из двадцати выживших — с «А» до «У». Отправили помогать городу, разбирать завалы, хоронить уцелевшие тела, эвакуировать неактуальные более автомобили, собирать заражённую почву и асфальт, упаковывать в пластиковые чехлы и вывозить на один из радиоактивных пустырей — так называемых «безрайонов».

И городить, городить всё новые и новые стены, перекраивать карту города, разбивать бывшие районы и улицы, сносить дома, которые уже никак было не спасти. Что-то пытались, что-то не могли, где-то улица фонила так, что счётчик захлёбывался, а где-то просто удачно проходила граница новых районов — агломераций. Живучесть агентов позволяла им спасать истерзанный город, отводить людей в относительно безопасные места, расселять по подготовленным под новые реалии домам.

И спасли! Спасли-таки! Может, год, может, больше — но однажды оказалось, что выжившие гражданские живут и жить будут, налажены поставки рационов, лекарств и дезактивирующей смеси, восстановлены насколько можно коммуникации. Война закончилась, оставив лишь пострадавших.

Одним из таких пострадавших оказался и Эс. Инвалид по сути, живущий будто на другой планете, неспособный ни на что, кроме выживания в условиях радиоактивного заражения, не умеющий ничего, кроме разбора завалов. Правительство отдалось цидулькой и наградными часами, списало инвалида в запас и умыло руки. Зачем? Почему?

Первое время агент чувствовал себя странно. Не сделав ни единого выстрела, он, тем не менее, превратился в ветерана войны со всеми присущими — бессонницей, посттравматическим расстройством и полной непригодностью к жизни в гражданском обществе. Раньше он встречал таких людей, видел их взгляды. Чаще всего на инвалидной коляске, с гитарой в руках, с песнями о том, как краснели снега от рубиновой

крови. И он сам такой.

Только вот в переходе не встанешь — завалили все переходы. И в метро не походишь по вагонам — затоплено радиоактивной жижой без шанса на восстановление. Человек-никто, человек-низа чем каждый день вспоминал войну. Пытался спиваться — разогнанный организм нейтрализовал алкоголь чуть ли не быстрее, чем тот попадал в желудок. Пробовал другие способы забыться — с тем же результатом.

Помог, как ни странно, всё тот же Сергей Витальич. Точнее, агент А. Однажды условной ночью-2, что у инвалидов начиналась с шести часов утра, он набрал агента.

— *Бездельничаешь, служба? Списали?*

— *Списали, — равнодушно подтвердил Эс.*

— *Мы тут с ребятами посидели, подумали, и появилась у нас идея. Интересует работа по специальности?*

— *Да.*

— *Тогда подходи через час по старому адресу. С собой айди, комм и зарядку.*

— *Понял.*

«Ребят» осталось восемь, включая Эс и его дядю. Зато специалистов, желающих с ними поработать...

Он с таким остервенением вцепился в новые знания, что, не разбираясь, поглощал всё, что ему подсовывали. Криминалистика, рукопашный бой, разведка и контрразведка — набор странный, но агента это интересовало мало. Раз дают — значит, так нужно. Зарплата капает, невостребованная на полном коште, преференции в силе. Учись и ни о чём не парься.

Выходя из комнаты лишь восемь раз в сутки на приём пищи, он почти не общался с другими агентами, включая дядю. Лишь обмен парой слов за столом, новости — города начали откалываться в собственные автономии, особенно активно — после рассекречивания переписки между министрами, где те предлагали просто бросить людей; Штаты предлагают договор о взаимном сотрудничестве — очень уж им глянулась эффективность работы агентов и «прививки»; у самой «прививки» появилась продвинутая версия, и смертность теперь всего шестьдесят процентов — правда, нафига она теперь, если ветеранов девать некуда...

— *Это всё ерунда, — говорил дядя, равнодушно крутя в руках сигарету. — Попомни моё слово — если мы разыграем карту, пополнение не за горами.*

— *Огоньку? — предложил агент.*

— *Не нужно. Я вроде как бросил.*

— *Вроде как?*

— *Привычка, Андрюх, штука такая — она либо есть, либо нет.*

— *О чём это вы?*

— *А ты проследи за собой, — дядя понизил голос, — обрати внимание на собственное поведение.*

Агент так и не понял тогда, на какую мысль его хотел натолкнуть родственник, а вскоре стало совсем не до того. Сначала учебная нагрузка возросла так, что в сутках стало семьдесят два, а чуть позже и девяносто шесть часов. Появились новые тренировки на разрыв и износ, чтобы мышцы и сухожилия не рвались от работы на сверхскоростях, спецдиеты, спецлекарства, спецжизнь...

А через месяц дяди не стало. Полная выработка ресурсов организма, объективный возраст — 72 года, субъективный — 102. Эс проводил его в последний путь, не чувствуя

ровным счётом ничего, а утром-3 его вызвали к начальству.

— Агент Эс, — поздоровался вечный зам Ка. — Ваша гражданская служба на этом завершается. Любое слово, что вы услышите после этого предупреждения, представляет собой государственную тайну. Вы готовы продолжить службу?

— Как завершается? А как же... — он осёкся. Всё верно, мог бы и догадаться! Слишком уж специфическими навыками его накачивали последнее время, а это пахнет то ли шпионскими организациями, то ли ещё какой эсбэ. — Готов.

— Подпишите о неразглашении, агент. — Дождавшись, когда Эс прикоснётся к дактилосканеру, проставляя подпись, Ка откашлялся. — С этого момента вы состоите на действительной военной службе Путиловской агломерации в статусе агента специального назначения МЧС. Ваш новый позывной — Хантер. Экипировку получите у интенданта Вопросы?

— Я не прошёл стрелковую подготовку...

— Поверьте, Хантер, в вашем случае это только на пользу. С вашим ускорением пуля из огнестрельного оружия — объект достаточно неторопливый.

— Жить я буду здесь же?

— Вам будет предоставлена служебная квартира в спецзоне.

— Больше вопросов не имею.

С войны не возвращаются. Даже если ни в кого не приходилось стрелять, это всё равно война — защита своих близких, своего дома. И человек, справляющийся с этим несколько лет кряду, почти не имеет шанса прижиться там, где не приходится ежесекундно бороться за выживание. Ему непонятно, тревожно, а тщательно забываемые в память навыки висят мёртвым, отвлекающим грузом.

Потому ветераны после возвращения на гражданку чаще всего идут либо в силовики, либо...

Хантер почти не удивился, обнаружив в секторе с его уровнем допуска личные дела агентов, дезертировавших с территории агломераций — тех, кого не успел вовремя выдернуть Сергей Витальич, тех, кто почувствовал себя заживо ненужным. Сейчас они где-то там, снаружи. Может, в безрайоне, может, вообще в других городах. Тем не менее, каждое дело агента украшал угрожающе-алый штамп: «подлежит немедленному устранению при контакте».

Не удивило его и назначение в полицейские силы — сытые люди, подстёгиваемые разными активистами и хакерами, начали задавать неприятные вопросы, создавать оппозицию — а Хантер помнил слова дяди: *в условиях почти конца света лишь диктатура власти спасёт от нашествия варваров.*

В первом же патруле вдоль границ Путиловской Хантер встретил агента Дэ...

Он резко вскочил в постели. Сердце, и без того разогнанное, колотилось как сумасшедшее. Простыни промокли насквозь и воняли специфически — запахом агента, силовика с «прививкой» первого поколения.

«Спокойно, — приказал себе Хантер, — это просто сон. Всё прошло, всё в прошлом».

Он бросил взгляд на специальные часы — двадцать четыре сектора, поделённые на четверо субъективных суток для тех, кто живёт на другой планете. Московское время половина второго ночи. Субъективное время — шесть утра-1. Спать ещё и спать.

Служба закончилась, его комиссовали по выслуге и субъективному возрасту, предлагали пенсию и синекуру в архиве, но даже одряхлевшее тело всё ещё требовало движения, разум

оставался ясен и чист, а скорость усвоения знаний не упала даже чуть-чуть. Так что после краткого интенсива по компьютерной безопасности агент Хантер получил назначение в отдел «К», где по сию пору и трудился.

И не просто так! «Привитых» копов как только не называли — и «ужаленными», и «чёрными флешами», и даже «дементорами». Последнее ему даже где-то льстило — нравилось чувствовать себя существом, внушающим ужас одним своим присутствием.

Только народная молва метка и безжалостна. Одним днём портал министерства кто-то взломал, поменяв всего лишь один элемент — название.

С тех пор Хантер ловил киберпреступников с неким эхом удовольствия — это всё, что он мог себе позволить, что в рядах «дементоров», что на пенсии.

«Чистовики», блин. Ну кто бы мог подумать.

Неизвестный

Тьму пронзили лучи света — видимые, как могли бы в крайне запылённом помещении или... В жидкости? Будто из-под толщи воды дьявол советует выжить, ускориться, достичь нужных кондиций, оставить этот бесполезный, проклятый мир...

— ...юнан должен быть осознанным, как смех, как признание в любви! Нужно работающее сознание!

— И к лучшему, Ри! Исчерпай он пределы (непонятное слово) — и даже ты не сумела бы его вытащить.

— Так кто ж виноват?!

— Никто. Слышишь меня? Никто не виноват. Понимаю, тебе никак без виновных, но здесь это лишь трагическая случайность.

— Тогда... Тогда я отменю эту случайность! Мы отменим! Я и (непонятное слово)!

Ахнуло над головой, и по телу сканирующей волной прокатилась боль, вымывая из затёкших мышц иглопочки, из мутных глаз — слепоту. Шипение, сильный удар — вдох. Он сделал первый шаг.

Присмотрелся к окружающей действительности, чуть кривясь от ломящегося в глаза непрошибаемого света чуть дальше по пути, принялся к влажному воздуху, распахнул сенсорнику, примеряясь к новому миру.

«Я живой» — пришло в голову.

Всё начинать сначала, чёрт. Привычно кивнув застывшему в камне пучеглазому идиоту, он сделал первый шаг навстречу неизвестности. Раньше играли, помнится — Менделеев был балбесом и вместо нормальной взаимопобеждающей схемы элементов накрутил их производных. Тут же всё просто, так просто! Вода, огонь, земля, воздух. Всё остальное — производные! Прои...

Каменную стену, свободную от сталагнатов, покрывала тонкая плёнка воды, превращающая простой гранит чуть ли не в зеркало. Он машинально коснулся груди, на которой мёртвой бесконечностью застыл вечный змей Уроборос. Осмотрел себя в поисках ещё чего-то необъяснимого, сам не понимая — что ищет. Рабское тавро? Ошейник? Порядковый номер или штрих-код?

Ничего. Только странная татуировка на левом предплечье — шесть треугольников, объединившихся таким урбанистичным стилизованным «цветочком» а-ля Корбюзье. Небольшое ожирение, бледная кожа любителя жить в берлоге за экраном, полное отсутствие как мускулатуры, так и каких бы то ни было навыков выживания. И всё же — живой.

В горле сильно запершило, и он подставил ладонь к стенке, набирая воды в горсть, жадно напился холодной, почти безвкусной жидкости. Вода. Привычно вода. Человек умирает от обезвоживания за три дня, от голода за месяц. Следовательно, нужно пить в десять раз чаще, чем есть. Примерим привычные двадцать четыре часа, три приёма пищи, тридцать глотков воды.

Примерим.

Левое предплечье больно толкнуло, будто какая-то дрянь цапнула, и он невольно хлопнул по коже. Видимо, попал по «цветочку» — тот тут же сменился стилизованным изображением человечка в позе по-турецки, медитативной.

«Хм, окей. Это игра, а я прохожу туториал?»

Он послушно отыскал относительно плоское место, устроил пятую точку на удивительно тёплых камнях, собрал ноги в асану.

В ушах хрустнуло, зашипело, как на стародавних записях, когда высшим мерилом цивилизации считалась магнитная плёнка.

Вдох.

«Высшая форма развития цивилизации — это максимально оптимизированные шаблоны, — заговорил вдруг голос с эффектом стерео. — Решения, понимание, знания! Мы шли к этому сотнями тысяч лет, прежде чем поняли, что на самом деле важно. Эффект дьявола двадцатого века сильно исказил действительно правильный путь — мы решили, что не всегда нужно решать, иногда можно и подогнать решение под ответ. Нагородили костылей, надстроек и условностей.

На самом деле всё гораздо проще. Не холодильники и тёплые сортиры нужно изобретать, а оптимизировать сбор того, что лежит дольше, усваивается лучше, и холодильники с сортирами ему не требуются. Калий в таблетках, кальций в растворе, энергия напрямую — вот ответ настоящего разума вызову природы.

Не модные обои на виниле клеить или выставлять анимированные заставки, а выбрать охру в спальню, а апельсиновый на кухню, чтобы всегда было солнце в доме. Не слушать безмозглую попсу, а подобрать правильный ASMR, разгружающий, восстанавливающий, воодушевляющий, усыпляющий и пробуждающий.

Мы слишком долго шли по пути, когда ничего не нужно делать, и человека почти полностью вытеснили его помощники. Но невозможно взять с собой в последний путь ничего, в последнем костюме нет карманов, лишь знания — можно просто натираться палочкой трут, а можно натянуть струну, чтобы на одно движение приходилось двадцать оборотов, можно пить воду из лужи, а можно собрать дистиллятор.

Автоматический ответ на любой вопрос нижнего уровня — вот, что делает правильное развитие. Или, проще говоря, цивилизация учит человека выбирать решение, а не делать или думать.

Это и есть правильная разгрузка сознания от соблюдения основания пирамиды Маслоу, чтобы высвобождалось время мысли на решение и поиск того, что раньше было недоступно, наблюдение над материями повыше, поиска законов природы, что нам в силу убогости недоступны пока... И не стоит смотреть на тех, что, освободившись от поиска хлеба насущного, тут же занимают растительное положение потребителя жвачки. Они не цивилизация, они статистическое поле — те самые слушатели попсы, потребители фастфуда в музыке, культуре и кулинарии, самые главные тестеры благ развития — необходимые думающему для закрепления ступеней познания и следующего шага вперёд».

Он пошевелился, и голос смолк, терпеливо ожидая, пока слушатель не устроится поудобнее. На предплечье продолжала светиться фигурка медитирующего человечка.

«Мы эндемичны реальности и водимся только здесь, но не стоит ожидать от природы костылей выживания — ни клыков, ни ночного зрения, ни яда или невероятной силы. Это путь в никуда, и попытки взывать к корням есть вопиющее неуважение к пути, что мы уже успели пройти. Пути эволюции. Да, он неслабо намусорил в нашем генокоде, конечно и всё же сделал нас нами. Наш путь — разум. Не надо улавливать запах воды в пустыне как степной волк — надо понять, где вода может быть. Не стоит бежать наперегонки с гепардом — достаточно просто сократить путь. Так, как умеет только разумный.

Я прошёл этот путь лишь на три четверти, прежде чем достиг своего предела, но я —

основание. Фундамент, на котором ты несомненно выстроишь куда более высокое и прочное здание. Модуль содержит весь необходимый набор шаблонов для выживания и развития, закрепления изученного и передачи грядущим поколениям.

Главное — не опускайся на четвереньки, не уподобляйся тем, что были до тебя, не пробуй сырое, не делай, не думая, не позволяй себя убить, не дай себя победить. Ты сможешь, потомок, ты справишься.

Одно лишь добавлю перед началом твоего пути — забудь про игрушки! Забудь про помощников, делающих что-либо вместо тебя! Забудь про машины, думающие вместо тебя! Мы уже выяснили, что это тупиковый путь, он приведёт тебя лишь к большей зависимости, к полной несамостоятельности. Сам, потомок, всё сам. Не повторяй моих — наших — ошибок!

Финальная точка достижений — юнан, осмотрись в их поисках. Твоя задача — продвинуться хотя бы на шаг дальше, перешагнуть их и найти новое решение.

Справишься?»

Человечек под кожей снова обратился шестёркой сомкнутых треугольников, а плечо защекоталось. Он, не двигаясь, аккуратно скосил глаза, уставился в упор на небольшую сизую птичку, безбоязненно чистящую пёрышки, поглядывающую на него шальным взглядом.

— Вот это наглость, — восхитился он.

Птичку как ветром сдуло! В какой-то момент она превратилась будто в вуалехвоста — с длинным шлейфом по пути движения, расщепилась сразу на пять параллельных искр, порскнувших в разные стороны. Кто в пол, кто в потолок и стены — и лишь одна из них вылетела наружу, в угнетающе яркое белое сияние.

Пять птичек, а наружу вылетела только одна. Обманка? Прощупывание вероятностей?

— Эндемики, хах? — он шевельнул правым уголком рта. — Не припомню такое чудо на матушке-Земле.

Поднялся на ноги.

— Вода.

Тату мгновенно зашевелилось, превращаясь в плавные обводы не то рыбки, не то знака бесконечности — родного брата того символа, что висел на лбу каменного балбеса... И на его груди.

Периферийное зрение уловило какое-то движение, и он повернулся к уже знакомой стене. В этот раз решил рассмотреть повнимательнее.

Да, несмотря на грубость конструкции, это всё же дело рук человеческих — слишком прямо, слишком ровно. В природе нет прямых линий, прямых углов, чистого чёрного или чистого белого, неразбавленных запахов или вкусов...

А тут под относительно ровной стенкой высечен прямой водоотводящий жёлоб, ведущий к круглой ямке в скале. Из-под воды мерцал знакомый символ «рыбки», и он коснулся стены — полуразмытые контуры тут же налились контрастом и зримой толщиной, а вода будто активнее заструилась вниз по камню.

— Игровая условность? — усмехнулся он, касаясь родного брата символа со стены на руке и возвращая привычный «цветочек». — Значит, я в виртуальной реальности?

По плечам шибануло сырым ветром, и он весь покрылся мурашками, обхватил себя, тщетно пытаясь согреться. Нет, в его время технологий такого уровня не существовало и близко.

«Но тогда что это за...»

Он зашагал к сиянию, одновременно ожидая и страшась увидеть там нечто такое, такое...

Сияние сменилось насыщенным зелёным, сырым воздухом, травой и почти оглушающей симфонией живой сельвы. Птицы, насекомые, рычание хищников и крики их жертв, ветер в ветвях и шуршание в траве...

«Вельми прискорбно» — вздохнул он. Сложно сказать, чего он ожидал. То ли геодезического купола над заказником, то ли табличек и облагороженных дорожек в парке, то ли грызущих небо какофоний стали, стекла и бетона на горизонте... Ничего.

Бело-голубой купол над головой, никогда не знавший аэрозолей и озоновых дыр, полное отсутствие любых индустриальных звуков в фоне. Он сходил в пещеру и вернулся обратно с острым обломком кремня — какое-никакое а оружие. Выбрал дерево пожирнее да повыше, поспокойнее, без местных муравелов и гадов ползучих. Поплевал на ладони, приложил руки к коре, высчитывая время.

Будь дома — полез бы, не раздумывая! Ну а что такого. Чай не Австралия, которая по сути местный филиал Ада, и каждая букашка-таракашка жаждет тебя угробить, расчленишь и сожрать. Дома на сосны взлетал как пешком — зацепился, подтянулся, прыгнул, простейший цикл.

А тут вот сработала чуйка. Спустя две минуты ладони защипало, и он, почти без удивления уставился на покрасневшую кожу. Знал откуда-то, знал, что ещё минутка-другая, и краснота медленно превратится в волдыри, а чуть позже и в некроз тканей. Какой-то интересный яд, антидота от которого он так и не сумел сыскать. Потому-то никто по местному анчару и не лазил.

И он не полезет.

«Сжечь бы его надо, — равнодушно констатировал он. — Или нет? Дрянь такую под боком держать как-то не есть гут. А если спилю и сожгу? Да, да, понимаю — и сам потравлюсь, и лес вокруг, и... В гости постучится кто-нибудь, кому не по нутру наше трогательное соседство».

Пришлось выбирать деревце попроще. Тут уже и насекомых хватало, и рептилий, греющихся на удивительно обыкновенном земном солнышке. Дерево легко расставалось с целыми пластами пряно пахнущей коры, чем-то напоминая эвкалипт, но ветки, вроде бы, не сбрасывало, вес держало хорошо, а что-то в составе коры, похоже, служило таким транквилизатором для местных агрессоров. Во всяком случае, за полчаса, что он карабкался к присмотренной уже развилке толстых ветвей, в драку пришлось вступать всего трижды, и каждый раз это были местные варианты змей.

Сто метров выше местного уровня моря, миролюбивый настрой, сыплющаяся вниз сухая ароматная кора — похоже, вполне пригодная для растопки. Если, конечно, он найдёт палочку... Или как там говорил голос из тьюториала? Струну с передаточным числом?

Живём? Живём?

Он окинул взглядом громоздящийся насколько хватало глаз лес-сельву — глухой, сплошной, без перерывов даже на крупные водотоки, примерно одного уровня, одной высоты. Вздохнул:

— Жи... Ай! Кто дерётся?

Он бросил взгляд на ветку повыше, но там никого не было. Никого. Только играющие блики солнца, только тени...

Одна лишь тень оставалась неподвижной — небольшое пятнышко, что и не разглядишь,

если не знать, куда смотреть.

Он замер, затаил дыхание, неосознанно сжимая пальцами стукнувший по макушке плод — нечто похожее на мандарин, если бы не твердокаменная оболочка.

Спустя пять минут тень позволила себе шевельнуться. Двинулась влево-вправо, и он с неким злорадным изумлением уставился в мордочку угольно-чёрной белке — ну, или её подобию — буквально выползшей из собственной тени.

— Ты дерёшься? — строго спросил он.

«Белка» цокнула. Покосилась на плод в его руках.

— Обронила?

«Белка» снова цокнула.

— Держи.

Он переместил «мандарин» на ладонь — от жары пальцы взмокли, но ни аллергической реакции, ни покраснения, ни жжения не заметил. Может быть, эта дрянь даже съедобная? Протянул ладонь зверьку.

Тот двумя лапками закрепил плод между чешуек дерева, этак хитро надкусил — и заработал резцами, профессионально освобождая от кожуры. Минута буквально — и готово. Шесть долек, неуловимо похожих на грецкие орехи — определённо «белке» этого более, чем достаточно. Она спрятала по штуке за каждую щёку в духе хомяков, и...

Исчезла. Вернее, снова спряталась в собственной тени. Нипочём не заметишь. Ни за что... Если не принимать во внимание аппетитный хруст и чавканье, конечно.

Желудок, будто ожидая конкретно этого момента, выдал китовое соло. Он сглотнул.

«Попробую крохотный кусочек, — пообещал себе он. — Если вдруг отравя, то просто плюну и поищу что-нибудь съестное».

Он протянул ладонь, и тут же отдёргнул, расслышав угрожающее цоканье — похоже, «белка» управилась с первым блюдом и настаивала на добавке. Забрав ещё парочку «орехов», она снова спряталась в тени, а он решил не тянуть, и, отщипнув чуть-чуть, закинул в рот, тщательно разжевал...

Орех как он есть. Ну, от «белок» ничего другого ожидать не стоило. Даже если они чёрные и способны превращаться в плоскую черноту. Вкусно, питательно... Язык не защипало, во рту не начало «вязать». Значит, вполне съедобно? Осталось выждать срок, пока находку не обработает желудок.

Выскочившая из тени «белка» посмотрела на него, как на сволочь, отбирающую последнее у сироток, бросила початый «орех» куда-то вниз, на землю, последний кусок спрятала за щекой и, пойдя полосами, исчезла. Не выключилась, не стала невидимой, а будто переместилась куда-то с сумасшедшей скоростью.

С соседнего дерева послышалось знакомое цоканье.

— Спасибо, грызун, — фыркнул он. — Вопрос с едой, похоже, решён.

Осталось лишь понять — кто он и зачем здесь? Хорошие вопросы. Правда, есть шанс, что ни «белки», ни «птички» ему ничего не расскажут. Одно совершенно ясно — он не дома. Настолько не дома, насколько это вообще возможно. Не Федерация, не лес... И, вполне очевидно, даже не родная планета.

А это полагалось как следует обмозговать.

Пик. Пик. Пишишиш.

Старый дребезжащий динамик вызывал чуть ли не физическую боль сигналами, эхом от стен КПП рвущими тишину.

— Здравствуйте, в эфире программа «Время», в студии Анжелика Свифт, главные события дня. — В этот раз ведущая выглядела куда свежее, чем вчера — отоспалась, привела себя в порядок, восстановилась после неумеренных корпоративных возлияний.

— «Корпоративных войн не будет»: президент подписал указ о национализации активов ультра-левых предприятий.

— Уральская автономия. Самый крупный город Урала последним подписал меморандум о независимости.

— «Мы не вымираем»: представительство Росстат подтвердило выпрямление кривой рождаемости жителей Федерации и автономий.

— Новая агломерация. Геодезисты МЧС завершили возведение барьеров вокруг застройки на юге столицы.

— Цифровые сыщики. Первые зацепки по делу «свободного дня» помогли обнаружить спецслужбам волонтеры с форума «Шерлоков Холмсов».

Оставьте ваш комментарий:

Shutiha Gitara: Красавцы! Трудятся, не покладая брюха! Министерство Чистоты Булок: Свалили работу на волонтеров и рады. ViVal: мне выразили признательность за помощь! Вау! Теперь я не буду мыть эту руку два дня! Plodow wkusily: О чём речь, ребята? Не читал. >ViVal: тут такая история, ммм... >Shutiha Gitara: «Экзы» скинули очередное видео-обращение к правительству с новым компроматом — читали с распечаток, чуть позже выкатили в дарк. Требовали выплат ветеранам, наказания провинившихся и тому подобной ерунды. Спецы отредактировали видос, выгрузили его в реддит и попросили «сыщиков» проанализировать — хоть какие-то зацепки нужны. >Plodow wkusily: Ну и? >>ViVal: Да там палево жуткое, лол. На заднем плане «назад в будущее» играет на русском, обои родом из совка, плюс положение солнца в полдень. Ничего сложного. Федерация, где-то за полярным кругом, а по программе передач и город вычислить не проблема. >>>Yuu: Ну и? Дали денег? Штука битков всё-таки. >>>ViVal: я отказалась. Не ради денег работаю. Там был ещё один пользователь, за него ничего не скажу. >VoiceOfHereafter: в Выборгской агломерации вчера весь день давали ржавую воду. Но зачем нам чистить южные отстойники? Это же денег стоит, давайте лучше за хактивистами охотиться!

...Развернуть обсуждение (2633 комментария)...

Она знала и понимала совершенно точно, что окна законопачены намертво. Когда здесь работали агенты, от стен дома отдиралось всё, вплоть до саморезов, по сути, помещения низводились до состояния голых бетонных, кирпичных, газоблочных коробок. И лишь после этого начиналось строительство. Даже в домах без предусмотренных лифтовых шахт появлялись пристройки, на чердаке занимали свои места мощнейшие турбины, способные гонять воздух до пятидесяти километров в час — половина скорости чиха — в вентиляциях помимо внешних фильтров монтировали и фильтры локальные, ведущие в квартиры, чердаки и подвалы.

И, разумеется, окна. Толстенный подоконник с предупреждением, если смотреть на него через системы аугментированной реальности, золотисто-охряные, непрозрачные снаружи. Хотя, говорят, даже поляризованное не служит помехой взгляду «чистовика» — те видят «быстрее», потому ловят то ли отпечатки телесных жидкостей в ультрафиолете, то ли тепловой след в инфракрасе. Мнения разнятся, «чистовики» молчат. Так или иначе, а глухое, пуленепробиваемое стекло с наглухо герметизированными швами служило скорее психологической отдушной. И уж тем паче не могло быть открыто.

Дома остались солнечно-охряными — бюджетный цвет, солнечный свет — и внешне поменялись не так уж и сильно. Но тут уж форма против содержимого. Сейчас реальность едва угадывалась сквозь липкий январский туман. Вроде бы хлорное железо для связывания изотопов. Сложная наука, не для несовершеннолетних гражданок с почти сотней лояльности.

Сама же «лояльная гражданка», то и дело сбрасывая наушник, не то прислушивалась к происходящему в парадной, не то опрашивала собственную интуицию. Пусть пальцы бегали по клавишам в полностью одобренном правительством порядке, пусть сидела она на разрешённом ресурсе... Видеофайл с настоящей историей войны не давал ей покоя. А в столь юном возрасте подспудный страх чтения мыслей чужаками всегда актуален.

Она видела. Она знает.

Foxie: ты же уже вычислила их, да?

Buss: Это не «Экзюпери».

Foxie: Вау, Роза! Ты такая умная!

Стиснув зубы, она проглотила сарказм.

Buss: Это эсдешники, да?

Foxie: Ну да, ну да. Свет клином сошёлся на двух шайках бездельников и лоботрясов. Других-то нет, правда?

Buss: Я не то имела в виду...

Foxie: Роза, тебе вчера дверь забомбили с кодом на очередных «борцов»!

Buss: За них не предлагают полмиллиона за голову!

Foxie: Ладно.

Она почти воочию увидела, как шевельнулись медно-рыжие кудряшки, как вздохнул Лис — не столько соглашаясь, сколько не желая спорить.

Foxie: Почему ты не сказала им сразу, что узнала это место?

Buss: Сам как считаешь?

Foxie: Медленно. Так почему?

Он был прав, чёрт возьми. Если берёшься за что-то — не стоит делать это вполруки. Но, чёрт! Сказать о том, что узнала и пейзаж за окном, и специфический шум трафика — признаться в собственной осведомлённости! Внутри неё всё восставало против прокола таких масштабов.

Lil'Prince: не дави на неё. Место действительно козырное, старый состав сидел на нём чуть ли не год.

Foxie: Боитесь деанона?

Buss: Да.

Ночью ей снился странный сон: будто над ней открывались окошки, ведущие в мир, где небо ещё не сожжено ударами, где воздух голубой, а солнце светит ласково, почти не угрожающе...

Первое поколение людей, напрочь лишённых иллюзий. Мир не добр к тебе, он не ждёт тебя и не хочет. Возможно, он тебя даже ненавидит — иначе почему бы единственное действительно безопасное место — это норма на пару десятков кубометров фильтров и ограничений?

А думалось так, хотелось... Никуда не делись протоколы безопасной связи, дарк, дип — там до сих пор ждали зрителей фильмы, снятые ещё до войны, творения креаклов с вражеской стороны. Голубое небо, чистый воздух, ласковое солнце. И было у них всё так здорово, замечательно и просто! Просто захоти — и оно само срастётся. Просто раз — и сработало!

Не звучали над головой призывы, не промывала мозги мерзкая глазу сине-белая вёрстка: «Мечта исполнима! Любая мечта! Но для её исполнения необходимо зарядить удачу! Исполни для начала одно — нет! — семь желаний других людей! Сделай их счастливыми! Так ты зарядишь свою удачу достаточно, чтобы и твоё желание исполнилось!»

Да что за бред. Что за нелепые попытки возложить на плечи обычных обывателей ответственность за полную импотенцию властей по исполнению обязанностей? Что за нежелание дать людям просто жить?

Прислушавшись к царящей в парадной тишине, она выдавила из жёлтой конвалюты светло-синюю капсулу, закинула в драже, запила безвкусной дистиллированной водой. Доставка чуть ли не на дом, сервис! Всего-то — пробраться между бетонными плитами ограды агломерации, спуститься под землю и там, на лестнице, между третьей и четвёртой ступенькой, есть подвижный кирпич. Освобождение сознания и мыслей. Наркотик не новый, «обнажёнку» впервые использовали в допросах чуть ли не полвека назад. Но Лера предпочитала употреблять только в самых безвыходных случаях.

Вроде нынешнего. Мысли, рвущие и сбивающие с ног не хуже автопродува, бились в сознании чуть ли не с момента пробуждения. Свои? Чужие? Здесь-то и был главный страх — если не суметь разобраться, то идеи, приписываемые собственным памяти и опыту, вполне могут оказаться посеяны другими людьми. Даже если это Лис и Принц — менее жестокими и опасными они от того не становились. А девушка всегда предпочитала принимать решения только самостоятельно.

Системный блок истошно загремел архаичными кулерами, затрясся. И пора бы уже избавляться от всей этой чуши. Видео и камень на пассивках, накопители все на магнитных ячейках, единственным движущимся внутри корпуса оставались только эти кулеры — не такие уж и нужные, по сути. Но... Не хотелось. Порой в этой одинокой тиши становилось так мерзко и холодно, так хотелось услышать из-за шкафа «ЛерЛерыч, а посуду кто мыть

будет?» — что орать от боли хотелось. Паскудное дребезжание систем охлаждения хоть как-то скрашивало ощущение собственной брошенности. Последнее оружие против тишины одиночества.

Она сгребла алую копну волос пятернёй, провела от лба к затылку. Выдохнула.

Одиночество и чужие мысли. Чужие идеи. Но фотография даже после десятка проверок оставалась настоящей. Не фейк, не фотошоп. Чуть выглядывающий из-под высокого воротника QR под левым ухом. К тому же, это разрешение...

Всё в прошлом. И оружий корпус, и размышления о внедрённых идеях, и даже одиночество. Она покосилась на архаичный телевизор, откуда на всю каптёрку вещал идеал пластической хирургии с декольте ни на миллиметр ниже дозволенных приличий.

— Ваши полномочия позволяют использовать транс-туннель, — уведомил капрал, возвращая ей карточку ID. — Тут, наверху, может быть опасно.

— Я осторожно, — пообещала она. — Путь знакомый.

Три года без выхода за границы агломерации. Бедный, бедный «чистовик», если бы он только знал...

Выжженная реальность, противная всему живому, убивающая как поток бензина, как инъекция нефти внутривенно. Не кровь земли, а её желчь, её камни в почках и аура ненависти. Здесь даже небо становилось жёлтым, тревожным. А когда-то по улицам ходили люди, ездили автобусы и маршрутные такси, кто-то здесь влюблялся, плодил потомков, жил...

В табличку «улица Политехническая» врезалась пуля.

— Огужие да зебдю! — послышался приказ.

— У меня нет оружия! — закричала Лера.

— Огужие!

— Да нет у меня!

Теория разбитых окон — так, кажется, называлась теория из старой жизни. Лера, подняв руки, разогнулась, с лёгким холодком в желудке чувствуя сразу несколько потоков внимания — острых, режущих, как это бывает через целик и мушку насквозь архаичных АК-12. И тут же задохнулась от жалости пополам с омерзением, когда из-за баррикад показалась изломанная фигура безрайонщика.

— Чистенькая. — В отличие от своих клеветов, этот выразался ясно, не глотал буквы и окончания. — Сама пришла.

Гноящиеся глаза, прозрачная кожа в струпьях, полностью выпавшие волосы — и всё это на фоне дорогуших мехов и некогда брендовых кроссовок.

— Отпустите меня, — попросила она. — За мной «чистовики», я их уведу.

Активный фактор, влияющий на всё вокруг, изменяющий саму реальность. Среди чистеньких домов, порядка и правил люди не грешат так много и часто, как в таких вот районах-помойках. Отмена порядка отменяет и запреты в душах людей. Тех самых, что сами некогда провели сегрегацию, сами разделили достойных и не очень. Идеалы и герои — и... Несмотря на все чистки и патрули, в неразграбленных супермаркетах всё ещё оставались консервы, в области ещё хватало стратегических складов с цинками 5.45x39. А на ловца...

— А шо «щестовики»? — осклабился беззубой пастью один из клеветов. — Що они?

— Заткнись! — зашипел главарь. — Если она в самом деле их привела...

Слева и справа одновременно кровавым облаком взорвались бандиты, тени неестественно натянулись, длясь к Лере...

— Ходу! — рывкнул главварь, бросая под ноги несуразное устройство, прыжком разрывая дистанцию.

Лера, то ли по привычке подчиняться, то ли ещё из-за чего — а последовала приказу. Обернулась лишь через полсекунды — прямо за ними завязли в появившейся будто из ниоткуда желатиновой луже две расплывающиеся от скорости фигуры.

— Аксель!

— Есть, босс! — По луже ударило огнемётом, и фигуры, неестественно, металлически заверещав, испарились, не оставляя за собой и следа.

Будто и не было их.

— Достали?

— Ага, щас, — ухмыльнулся главварь, смахивая с уродливого лба крупные капли пота. — Пошли на дезактивацию и перезарядку, скоро вернутся.

— Но...

— Ходу, малая. Глубоко в безрайон они не сунутся!

Лера старалась не думать, заполошно ступая след в след за огнемётчиком, бежала как могла. А несколько минут спустя и это перестало иметь значение — остались лишь колота в боку, да задержки дыхания, покуда она, отодвигая респиратор, сплёвывала тягучую слюну на чуть ли не светящуюся мостовую «Политехнической».

Ещё пара минут...

— Аксель, — вдруг скомандовал главварь, и огнемётчик, резко обернувшись, обрушил тяжёлый приклад на голову Леры.

...

Она догадывалась и раньше, что не всё так просто во взаимоотношениях «горожан» и «безрайонщиков». Ожидала чуши в духе «дикого Макса», работоторговли, удаления почек и тому подобной чуши, что так активно продвигалась на тех самых запрещённых раздачах фильмов из прошлого... На деле же всё чуточку отличалось.

— Чистая пришла за чистым, — доносилось сквозь глухой мешок на голове. — Платежеспособна. Приготовь детей.

— Босс, но...

— Приготовь детей, дура, — процедил знакомый голос. — Драндулет ждёт, но мы не можем их просто отправить.

— Поняла.

— Садись, — её с силой опустили в нечто глубокое и весьма удобное. Кресло? — Имя?

— Бусловских Валерия.

— Рейтинг?

— Девяносто процентов.

— Ух, мать. У нас тут стукачок! — развеселился незнакомый голос. — И что же ты забыла в диких землях, стукачок?

— Я...

— Не важно, — перебил её голос главваря. — Изъять карточку.

— Н-но... — Лера хотела возмутиться, спросить, как же она тогда сможет вернуться в город, в чистые агломерации — и прикусила язычок.

Не убивают, не разбирают на органы, не насилюют — и то хлеб. Жива, вот что главное. Остальное приложится.

— Приведи чистого, — приказал всё тот же голос.

Всё звучало слишком привычно, слишком банально. Будто безрайонщики чуть ли не каждый день вылавливают недотёп вроде неё! Привычная, наработанная механика подпольного взаимодействия между «чистыми» и «грязными».

— Дяденьки, я...

— Жаткнишь! — короткий мясистый звук удара. — Беждай!

— Хог.

— А што я, бош? Это...

— Хог! — рявкнул голос главаря. — Если ты его покалечишь или убьёшь — я с тебя сам шкуру спущу!

— Но, бош...

— Хог, не забывай. Мы — люди! Не твари из правительства, не эльфы из аггло! Пока мы ведём себя как люди, мы остаёмся людьми!

— Хорошо, бош...

— Мешок.

Грубая дерюга оцарапала кожу, и Лера зажмурилась от ударившего в глаза ядовито-жёлтого света. Думать не хотелось о количестве пакости, что она вдыхала каждую секунду, пока находилась здесь.

«Прогулялась в центр, называется» — с горькой иронией мелькнуло в голове.

— Бусловских Валерия, — с выражением прочитал голос, и она невольно повернула голову.

Да, знакомый уже главарь в неуместных мехах и кроссовках. Без оружия, но вокруг и без того хватало стволов и ножей.

— Ты не просто так пришла к нам, — констатировал «гнильный». — Тебя что-то вело, что-то заставляло бросить фильтрованные воздух и воду, бесплатную еду и медицинское обеспечение.

— Послушайте, я просто...

— Помолчи, — поморщился главарь. — Из аггло пришла весточка. Так что не бойся, уйдёшь своими ногами.

В воздухе витала знакомая вонь дез-смеси, и, похоже, она не смогла сдержать изумления.

— Да-да, привычный воздух, привычное окружение. Мы же не хотим, чтобы ты заболела, да?

Голова, будто помимо собственной воли, качнулась. Да, заболеть сейчас было бы...

— И чистый твой тоже жив-здоров, — непонятно с чего развеселился бандит. — Беда у вас с населением, да? За каждого чистого так цепляйтесь.

— Я не...

— Дурочка моя, ты полчаса назад стала соучастницей нападения на «чистовика» при исполнении. Как минимум в «Выборгскую» тебе ход закрыт теперь, — рассмеялся главарь. — Нас ловить точно не станут, а вот тебе нужна чистая вода, чистая еда.

Глубокий вдох. Выдох. «Теория разбитых окон» — если хочешь, чтобы вокруг всё было в порядке, наведи порядок внутри себя.

— Чего вы хотите?

— Избавиться от мелкого, малая. Будете большой дружной семьёй — мелкий и малая. Ни ты, ни он здесь не выживете. Так что трогательно взялись за ручки — и свалили в закат.

— Но...

— А взамен мне нужна медицинская помощь. Валерия Бусловских сегодня обратится по полису сразу в десяток клиник разных аггло — для стабилизации лучевой болезни. И ей помогут. Поняла?

Она кивнула.

— Вот. — К столу на больничной каталке подвезли уже знакомого мальчика лет семи, мелькнула из-под ворота татуировка. — Он твой.

Безрайонщики, стадо и быдло? Дикие звери, загоняющие стаей? Сволочи, никогда не держащие своё слово?

— Мне нужно к «Купчинской-2», — подала голос она. — И мой комм.

— Проводим и дадим, — кивнул главарь.

Ультра-тонкий белый ноутбук будто ниоткуда появился на столе, главарь открыл крышку:

— Тадеуш, сопровождение к югу двух чистых. Проложи маршрут, — помолчал, выслушивая ответ. — А. Вона чо. Ладно, — повернулся к Лере. — Похоже, Лера сегодня обратится ещё и в пренатальный центр.

«Я же никогда не была сама себе голова, — мелькнуло в мыслях, — всегда по указке, по чужой идее. Может быть, это шанс хоть что-то сделать самостоятельно?»

— Всё лучшее — детям, — с непонятным мстительным согласием кивнула рыжая, не отрывая взгляда от мальчика. — Что там с коммом? Вернут?

— Да. Аксель?

На столе тут же очутился брусок телефона и пачка салфеток с дез-смесью. Она протёрла аппарат, коснулась дактило-сканера:

— Принц? Нужен незасвеченный айди в «Купчино-2». Буду у КПП через... — Она вопросительно посмотрела на главаря.

— Сорок минут.

— Сорок минут. И... — Она усмехнулась. — У меня появился сын. Ты знаешь что делать.

Подельник отключился по-английски, не прощаясь — видимо, включил парсер среди «мёртвых душ», а Лера повернулась к мальчику.

— Привет, — улыбнулась она, усилием воли давя рвущий тело тремор. — Давай-ка заберём тебя отсюда. Тебя как зовут?

Мальчик с каким-то непонятным страхом посмотрел на окружающих их мутантов, будто зацепился взглядом за Леру и, поднявшись, подошёл к ней.

— Тётяшка, а что с ними произошло?

Сердце кольнуло застарелой виной, задушенной ответственностью. Мы и только мы сами виноваты в том, что творится на матушке-Земле. Никто другой.

— Им просто... не повезло, — мягко улыбнулась она. — Так что с тобой произошло? Как тебя зовут?

— Я... — Он задумался на мгновение. — Диня. Диня Близких. Вы заберёте меня?

— Конечно, — задохнулась от непонятной нежности девушка. Тебя нужно привести в порядок и...

Она старалась не думать о том, что код на шее — это четвёртое, если не пятое поколение, что он — госсобственность, за ним обязательно придут. Хватало странностей, которыми не стоило забивать себе голову — и о его таинственном появлении в безрайоне, и о головотяпстве тех, что своих никогда не бросали...

— Карета подана, — пробасил над ухом Аксель. — Поехали.

Пять циклов два через два, восемь суток выходных. Для человека, работающего примерно вчетверо продуктивнее любого другого — и график особый, и условия. Правда, и спрос...

Хантер отключил аудиокнигу — организм воспринимал информацию даже во сне — спустил ноги в тапочки и позволил себе несколько мгновений праздности.

Вдох.

Спустя миг по дому разнеслись щелчки — печка, чайник, миксер с овощной смесью включились будто бы одновременно, как по программе. На деле же тот, кто неощутимой тенью пронёсся по кухне, уже стоял перед зеркалом в ванной, тщательно полируя челюсть. Ещё полминуты — и по залу пронёсся нежно-лиловый смерч, выбил стакатто по груше, размылся от скорости на турнике, загудел на беговой дорожке — разминка человека, привыкшего держать себя в форме даже на закате жизни.

Выдох.

Приборы на кухне отключились одновременно, а Хантер уже сидел за столом, переодетый в строгий деловой костюм.

— Завтрак чемпионов, — неприязненно произнёс он, косясь на замершие перед ним два стакана — с овощами и с чаем. — Итадакимас, чо.

Да, помимо несомненных плюсов бытия в немного другом потоке времени, хватало и неприятных мелочей. Овощной сок, конечно, здорово, но полузабытые воспоминания из юности — о шашлыках, о дымящемся на плите курином бульоне — нет-нет, а и портили настроение. Даже чай насквозь химозный, заваривающийся чуть ли не мгновенно по меркам нормалов. Варить борщ — шестнадцать субъективных часов, что-нибудь попроще — около восьми, ждать спецдоставки... Тут, конечно, как повезёт. Если свой брат-«дементор» потащит сумки ветерану, то, конечно, оперативно, ничего не скажешь, а вот если нормал...

А кушать нужно много и постоянно, могучий организм «привитого» перерабатывал калории как не в себя, и случись вдруг что, легко мог скатываться до гипогликемии. Потому, хоть и не выдавали им огнестрела, отправляли воевать резиновыми демократизаторами да голыми руками, а каждый боец таскал на бедре кобуру. С НЗ, разумеется. Какая-то жуткая смесь из сливочного ириса, орехов, какао и масла — своего рода «запасная канистра» на борту.

Хантер же получал готовые продукты спец-пайком да перехватывал кое-что в столовой отдела. Но, как уже было сказано, это всего лишь одна из сложностей. Хватало и иного — вентиляция, мытьё, занятия спортом, куча других безобразно медленных вещей. Привык, впрочем, подстроился. Человек такая тварь, что ко всему привыкает.

Мощные створки-челюсти раскрылись всего на полсекунды, позволяя ему протиснуться из дома родного на лестницу. Ещё одна раздражающая мелочь — у чинов-то по домам у каждого стоит шлюзовальная-помывочная, но ждать около получаса на завершение всех процедур каждый раз...

Стоялый ветер засвистел в ушах, когда старик неторопливо заковылял вниз по лестнице к отделу. Завершался второй рабочий день, и уже вечером он сможет отправиться домой, а там — восемь выходных! Столько всего можно успеть!

— Всем привет! — он поднял руку, приветствуя коллег. — Поработаем как следует!

Служите верно!

Ответом ему были лишь кислые физиономии сослуживцев. В отличие от него, они никуда не уходили, даже не вставали с мест, их рабочий день начался несколько часов назад, и столько же ещё было до звонка.

Стул на стальной арматуре, клавиатура из особо прочного пластика, манипулятор-перчатка — всё для того, чтобы выдержать дикий темп работы экс-силовика. Пока компьютер адски медленно загружался, старик успел заварить себе чай, окинуть взглядом рай пластиковых перегородок, между которыми тут и там торчали разноцветные макушки, покоситься на раздражающую камеру наблюдения в углу зала.

Экран мигнул, выводя заставку-приглашение, вывел экран логина. Затрещали клавиши.

Текучка, текучка, ничего интересного. Очередные самопровозглашённые борцы за свободу, откат сайта министерства к старому виду, материалы от «сыщиков». Он сортировал документы на рабочем столе споро, с большим опытом и знанием дела. Хотел бы сказать, что привычно, но — нет.

— Та-а-ак, а это что у нас? — пробормотал он, открывая свежепоявившуюся папку с жалобами высоких рейтингов. Прочитал протокол, покосился на резолюцию «Хантеру: разобраться», подумал немного.

Не учатся ничему некоторые и учиться не хотят. Смешно даже, на самом деле — на одни и те же грабли, разумные с виду люди же! Никакого понятия о безопасности или хотя бы осторожности. Впору заводить отдельный протокол о нанесении кодов где попало — запрос в местком о камерах наблюдения, анализ габаритов, походки и поведения вандала, поиск нашивок агломерации, ещё один запрос в дорожную службу.

Радовали только «Экзюпери» да «Свободный день» — преступники не оскорбляли профессионала неумелой конспирацией, шифровались тщательно и в целом вели себя так, как и подобает подполью. Хантер не сомневался, что дай ему полную загрузку по любой из группировок, и он что-нибудь да нарыл бы, но начальству уж очень нравился высокопроизводительный и безотказный ветеран, разгребающий текучку за весь отдел. Так что по остаточному принципу, как придётся...

Но этого таракана он вычислил почти мгновенно, брезгливо морщась. Это надо было догадаться — ни поиска слепых мест у видеонаблюдения, ни желания хоть как-то замаскироваться! Ладно хоть догадался нашивки от балахона отпороть. По запросу из месткома прислали видеозапись, где таракан наносит код на дверь Бусловских через трафарет, бежит вниз по лестнице. Дорожная служба прислала записи нужного времени сразу с десятка камер, по которым удалось вычислить направление движения таракана. Два круга по агломерации, нервно оглядываясь через плечо, транс-туннель на Красногвардейку и — барабанная дробь — напрямик к дому! Записи месткома — всё тот же балахон, третий этаж, квартира 82.

Курсор на красную трубку горячей линии министерства, вызов.

— Нашёл бомбилу, дело 025-1411. Красногвардейская агломерация, седьмой дом, третий этаж, квартира восемьдесят вторая.

— Стандарт наряда?

— Обычный-4.

— Спасибо, Хантер.

Трубку повесили, а он перетащил дело в папку «готовое». Таракана не будут давить, ломать ему руки или выкрикивать угрозы. Очередной «гений партизанской войны» просто

незаметно уснёт от поступающего через фильтры сонного газа, а примчавший с помпой через пару минут наряд упакует его и доставит куда следует. Бесславное завершение карьеры бездарности.

Потянувшись, включил запись голоса на скорости в двадцать пять процентов.

— И ОЧЕРЕДНОЕ ДЕЛО РАСКРЫТО КОМИССАРОМ ХАНТЕРОМ! — заор колонки, вынуждая коллег поморщиться. — СПАСИБО, КОМИССАР! НЕ ДЛЯ СЕБЯ СТАРАЮСЬ, ДЛЯ ВАС!

Говори он как обычно, и простой человек, коих в отделе насчитывалось ровно все минус Хантер, услышал бы тарабарщину с переходом в ультразвук. Но, как уже говорилось, старался он не для себя. Специально замедлял, чтобы окружающие прониклись.

Поднявшись, старик раскланялся, будто принимая аплодисменты. Дверь в «аквариум» начальства распахнулась:

— Хантер! В кабинет, живо!

Опять будет нудеть. Долго, медленно, даже не пытаясь подстроиться под подчинённого. Сволочь он, а не начальство. Вот, помнится, когда они на захваты ходили...

Текстовый файл со странным названием «информация с холмов» так и остался не востребуемым. Win+L, чтобы досужие бездельники в экран не заглядывали, кубик Рубика с собой, чтобы не скучать, пока начальство слова тянет. Готов, пошёл!

— Звали, Юр Сёмыч?

— На тебя поступила жалоба, — с места в карьер начал шеф.

Он, как и все другие, при общении с «чистовиками» старался говорить как можно быстрее, подчас глотая окончания и буквы. Хотя всё одно получалось подводно-рыбное «на-а-а те-е-ебя-а-а...». Тягомотина сплошная. А учитывая, что шеф где-то втрое младше даже объективного возраста, становится совсем печально.

— Беда, — искренне посочувствовал он. Замаскированный под игрушку комм замедлил речь вчетверо, подстраивая под слушателя.

Начальник задохнулся от возмущения — так, что даже блондинистый бобрик встопорщился иголками — набрал в грудь побольше воздуха...

— Социальная дезадаптация, — напомнил старик.

— Это не даёт тебе права третировать своих сослуживцев! Есть же вечера встречи, дом ветеранов, наконец. Всё необходимое!

— Мало.

— Ладно, — подозрительно легко согласился блондин. — Что с «Экзюпери»?

— Работаю.

— Плохо работаешь! На вики-ликс новый компромат на полпреда, он рвёт и мечет!

— Это они?

— Сам как считаешь? — усмехнулся шеф. — С подписью, как обычно.

— Оперативно работают. Его вчера только назначили.

— Займись этим делом.

— Полная загрузка? — тут же уточнил Хантер.

— И не мечтай! Видишь вот это? — перед носом ветерана очутилась фигура из трёх пальцев. — Вот. И так зарплату за четверых получаешь.

«Я и работаю за четверых, — угрюмо подумал Хантер, — не пахал так даже во время консервации».

Да, да. Не терпели в отделе ни сотрудники, ни шеф. Не терпели, не выносили — но не

гнали. Сколько секретарских зарплат экономилось усилиями одного человека, знали, наверное, только в бухгалтерии.

— Ещё кое-что, — Юрий Семёныч покосился сквозь толстое стекло на любопытные физиономии «киберов», выглядывающие над перегородками, и те тут же скрылись. — Знаю, ты со своими связь держишь, но тут дело такое...

— Слушаю, — Хантер закинул ногу на ногу, с видом ангельского терпения склонил голову набок.

— Из питомника бесследно исчез привитый пятого поколения. Я знаю, что официально у тебя якобы нет допуска и всё такое, но мало ли. Официально он находится в лазарете из-за осложнения после инъекции, но все всё знают.

Да, дело деликатное. С одной стороны, шеф действительно не мог поручить ему расследование официально. Факт расследования — факт принятия исчезновения подопы... кхм, то есть, личинки силовика. Нельзя-нельзя, подрывает престиж службы! Непогрешимые сверхлюди без страха и укропа лишены права на любую ошибку. Тем более, такую. Если до общественности дойдёт, что кто-то смог выкрасть человека из самого защищённого места на материке — полетят головы, и в отделе «К» определённо добавится «с почётом ушедших на пенсию».

И совсем с другой — простой непреложный факт, который, как ветками, попытались замаскировать неумелым враньём. Осложнения, очень смешно. Хитрая вакцина либо приживалась, либо убивала, третьего, как говорится, не дано. Значит, мальчика действительно больше нет в питомнике. Мальчика, пережившего перестройку организма, превратившегося в «дементора», хоть и нетренированного. Попади в любое подполье такой актив — и у спецслужб не останется и шанса. Они сейчас-то справлялись преимущественно за счёт гандикапа в скорости одного старика, а насчёт своей способности конкурировать с молодым привитым Хантер питал решительно ноль иллюзий.

Придётся копать. В свой законный выходной — отправляться на ковёр к Ка, снова подписки о неразглашении и тому подобная чушь с допусками. Сами «чистовики» вряд ли что-то найдут, для этого у них не хватит компетенции, а запрос в отдел на предоставление специалиста возвращает к началу разговора об официальном признании факта утраты. И если некий безотказный старикашка не сделает всё якобы по собственной инициативе...

Он так погрузился в размышления, что вздрогнул, когда перед лицом медленно щёлкнули пальцы.

— Хантер, как слышно, приём! — рявкнул шеф.

— Вы что-то сказали?

— Да уж сказал!

— Извините, задумался. Так о чём...

— Вчера с безрайона между Невской и Путиловской пришёл сигнал о гибели одного из ваших. Понимаешь, что это значит?

— Э... Расследование. Скорее всего, несчастный случай.

— Ты не понимаешь. Если эти два события связаны, то мы все в большой жопе. Кто-то наострился не только похищать «чистовиков» из питомника, — Хантер поморщился, но промолчал, — но и уничтожать уже подготовленных профи. Сам знаешь, так просто с вашим братом не справиться, было бы неплохо раскопать, кто на такое способен.

— Дезертир, — предположил старик.

— И приехал на мопеде. Хантер, дезертиры мертвы по всем спискам. Что ты

скалишься? Для имитации смерти у дезертиров нет ни ресурсов, ни ума. Это вас учили разведке и «контре», они — простые строители.

— ... которым никто не мешал подготовиться самостоятельно.

— Пусть так, — неожиданно сдал позиции шеф. — Такой же привитый, способный уничтожить агента в поле — это удобная, чёрт побери, версия. Идеально, если бы было так. Вот только ты забываешь кое-что.

— Хм?

Шеф подался вперёд, и ветеран уловил исходящий изо рта запах кофе и какой-то мятной жевательной резинки. «А я кофе не пил уже лет пятнадцать», — с какой-то непонятной тоской подумал он.

— Питомник находится в черте города, понимаешь? К нему нет подземных коммуникаций, нет прямого подхода. Допустим, дез отловил и придавил «тройку», получил документы на вход в город. Но сколько он шагов сделает, прежде чем попадёт в поле сканера? Не говоря уже об обязательном освидетельствовании ещё на КПП.

— Сканеры можно обойти.

— Хорошо хоть не обмануть, — фыркнул начальник. — Но и тут сделаем допущение — как-то же от тебя «Экзюпери» бегают. Дальше что? Дез пробрался через агломерацию к питомнику, и?..

— Там есть пара мест.

Сам он — что во время работы агентом, что после становления «чистовиком» — в самоволку не ходил — сначала не было времени, потом желания, а после смерти дяди — смысла. Но, похоже, у других курсантов оставались потребности, и из комнат общежития порой слышались пьяные песни, тянуло табачком и чем позабористее, кое-кто не приходил ночевать...

— Уверяю тебя, — вдруг развеселился Юр Сёмыч, — все ваши «дырки» давным-давно учтены и существуют лишь потому, что им позволяют. На деле каждая из них перекрёстно контролируется как людьми, так и техникой.

— Ну, тогда...

— Хантер, мальчишка исчез из помещений, понимаешь? То есть, из внутреннего контура.

— ...буду думать, — он закончил мысль и поднялся. — По сигналу дело открыто?

— Не наша юрисдикция. Исчезновение людей — это к другим отделам. — Начальник подмигнул с намёком — и твоё, если захочешь. Но только в свободное время. — Иди работать. К концу рабочего дня мне нужно хоть что-то по нашим правдорубам.

Кивнув, старик вышел из «аквариума». Не бывает непогрешимых людей, кто-то где-то что-то всегда слышал или видел, следы остаются, а уворованный компромат не сам себя выкладывает в сеть — значит, остаётся человеческий фактор. Нужно лишь как следует копнуть.

Слова шефа о возможной связи между пропажей мальчика и смертью агента в безрайоне не давали покоя, мешали сосредоточиться, странно отдавались ассоциациями. Вызывало удивление даже то, что привычные механизмы концентрации начали сбивать вдруг, не давали переключаться на выполнение служебных обязанностей.

Неспроста. Это всегда значило только одно — пропускающая целые звенья в цепочке логических рассуждений интуиция что-то нашла и увязала между собой. Что-то, о чём бестолковому человеку ещё лишь предстояло догадаться.

Пропажа будущего агента из местной версии Форт Нокс. Ощутимый щелчок по носу зазвездившимся чинушам и силовикам.

Смерть настоящего агента из привитых третьего поколения в безрайоне, где живут те, кто не жаждет внимания своих повёрнутых на диктатуре соседей. Ресурсов — жаждет, возможностей — алкает. Но не внимания. Иначе придут злые чёрные призраки с приказом «пленных не брать».

«Экзюпери», над которым почему-то совершенно не работалось. Подумаешь, очередной слив личных переписок, не конец света. Работать надо, а не воровать, тогда никакое обнародование не страшно. Возвания в духе «хочу рыбы с молоком» во взломанных социальных медиа — ребячество и баловство, хоть и проходит по статье.

Почему-то все три направления воспринимались единым блоком. Неужели есть какая-то связь?

В белом поле текстового документа с пулемётной скоростью появились символы: «Курсант-Гибель-Хакеры. Есть ли связь?» И — отпустило. Способность фокусироваться снова вернулась. Удовлетворённо кивнув, старик включил подогрев на кружке и потянулся за следующим документом по делу хактивистов.

В отличие от любого другого специалиста, у него в запасе гораздо больше времени на поиски и работу с материалами. Вот почему у любой другой, менее организованной шайки цифровых хулиганов, не было и шанса — скорость работы. Эх, если бы полная загрузка...

Мы виновны в происходящем. Виновны в том, что слишком поспешили, не дали развиваться всему необходимому, отвечающему за выживание. И превратились из любимых сыновей природы — в её пасынков. Животные подстраиваются, переводят фенотипы в генотипы, и уже третье, пятое, десятое поколение потомства в новых условиях вполне себе таскает более плотную шкуру, отращивает рога или клыки, наследует устойчивость к яду или засухе.

А мы? Кто знает, кто знает, по какому пути мы могли бы пойти. Если бы использовали причитающиеся сто-двести тысяч лет не на размахивание дубинами, а на развитие, то, вполне возможно, отрастили бы себе «рога и клыки» нужного качества. Были бы это невероятные интеллектуальные способности, маскировка или нечто, не сильно отличающееся от магии — кто знает, кто знает...

Спасибо местным белкам, удалось разобраться не только с едой, но и с её качеством. Хоть и не слишком понятно было, чем руководствовались хвостатые обитатели теней, выбирая себе лакомство, а он старательно запоминал, как выглядит, звучит, пахнет правильный плод, и если он вдруг хоть чем-то отличался — даже руку не тянул.

Разлапистые листья этого же дерева удалось переплести этакой коробочкой-лукошком, где он и собрал немного орехов про запас. Её товарку удалось заполнить сухой, хорошо отстающей корой — на растопку. Главное, чтобы не порвались.

Еда есть. Вода есть. Огонь в потенциале... Машинально очистив ещё один плод, он забросил орех в рот и задумался, меланхолично покачивая головой и игнорируя осмелевших белок, скачущих уже чуть ли не по плечам.

Хоть и не получалось вытащить из памяти последнюю дату, всё же хронологию событий сознание держало цепко, позволяло анализировать. Перевалили через рубеж тысячелетий, не дождалось очередного предрекаемого конца света — что по календарю Майя, что по календарям разнообразных сект. А дальше — обрыв. Что ж, это уже что-то.

— Двадцать первый век, значит, — раздумчиво констатировал он. — Плюс-минус.

Никакой практической пользы открытие не несло, даже наоборот. То есть вот совсем наоборот, блин! У зумера отняли айпын и туалетную бумагу, и теперь он ничем не отличается от человека, живущего десять, сто, пятьсот лет назад. Что, средневековый пейзаж не полез бы на дерево за орехами? Или древнегреческий патриций не разобрался бы в «волшебной рыбке» на стене? Да, конкретно он понимал механизмы добычи воды, но что это давало? Сбор и конденсация, очистка через испарение? Вах, бездна прогресса, но, помнится Робинзон Дефо эту тему закрыл лет так триста назад.

Мало, мало взяли времени на «отращивание» нужных органов и эволюцию, побежали впереди паровоза. В итоге, оказавшись перед лицом мачехи-природы, остаёмся сиры, скудны и наги. Плюс куча тараканов местного производства — ощущения от посиделок голыми ягодицами на ветке мало кто назвал бы приятными, хотелось срочно «вооружиться» хотя бы труселями.

— Как были обезьянами, так и остались, — он с силой стукнул по ветке под собой.

Замер — волной от удара разнеслась реакция. Листья скрутились, словно мимоза стыдливая.

— Эй? — насторожился он. — Я же не так сильно стукнул!

Белки спрятались по теням, и очевидно стало вдруг — дело вовсе не в нём или ударах. Похожая реакция в той или иной степени виделась повсеместно — даже на чёртовом анчаре листья скручивались в трубочку.

Над сельвой опустилась пугающе мрачная тишина.

— Ч... Тьфу!

Нежданном порывом ледяного ветра его чуть не сбросило с дерева, пальцы будто сами ухватились за ствол, удерживая тело в «вилке» меж ветвей. И, словно дождавшись конкретно этого момента, листья дерева начали медленно и плавно разворачиваться — почему-то блекло-серой вощёной стороной кверху.

— Что-то грядёт.

Должно быть, неизвестно как работающая тату на руке полностью согласилась с ним — «цветочек» плавно перетёк в огромную стрелку, указывающую в сторону пещеры.

— Намёк понял, пошёл.

Странный мир, странные правила, странные эндемики. За время, пока он карабкался вниз, тщательно выбирая ветки покрепче, небо посерело, потемнело, воздух налился странным запахом — будто комната, где давным-давно не проветривали.

Уже у самой земли его догнал ещё один порыв, в этот раз швырнувший в обнажённую спину целый ворох колючего, холодного до боли дождя. Заныли кости, лицо помимо воли перекосило, и он вприпрыжку кинулся в укрытие. Влетел в такую уютную, сухую пещеру и, перепрыгивая с ноги на ногу, начал растирать озябшие плечи свободной рукой — хоть и запаниковал, а добычу не бросил. И вовремя — несколько секунд спустя на улице сплошной стеной с неба встал дождь.

— Бррр, греться.

Огонь. «Цветочек» вернулся в привычное уже положение, по дороге на секунду сложившись в лукавую усмешку-смайлик. Думай, мол. Соображай.

Ладно. «Рыбка»-юнан состоит из нескольких элементов, и, возможно, если немного разобраться, можно... Будто дождавшись начала когнитивного процесса, в пещеру ударил ещё один порыв, напрочь разметав мысли.

— А-а-а-а! Да чтоб тебя!

Укрытый от холода в пещере не было вовсе, лишь несколько сталактитов, носящих следы обработки, да стенка с водосбором. Но зуб на зуб уже не попадал, и пришлось укрываться за одним из образований покрупнее.

Что ж, ливень вполне объясняет столь густую и тяжёлую влажность. Если здесь поливает с такой силой хотя бы пару раз в месяц, то нужда в любых дополнительных источниках отпадает полностью. При желании можно сделать парочку резервуаров под хозяйственные нужды — помыться, постираться... Когда появится хотя бы подобие одежды.

Если только эту воду можно хоть как-то использовать. Этот запах, этот цвет воздуха. Память жителя двадцать первого века подсказывала формулы веществ, способных вызывать конкретно эти цвета и реакции — но что толку с того? Каково прикладное значение повышенного азота и углекислоты в воздухе? Поумничать? А перед кем? Другое дело, что возможные вещества, дающие такой цвет, могут вполне оказаться как бы не ядовитее «анчара» по соседству, и захоти он искупаться в такой «водице», первое купание стало бы последним.

Кожу в самом деле ощутимо защипало там, куда попал дождь, и это совершенно точно не было психосоматикой!

— Чёрт, чёрт! — заполошные хлопки по плечам и спине помогли, жжение исчезло как не было. Правда, следы от ладоней остались такие жирные и грязные, что даже в полутьме убежища было видать. — Зола? Зола?!

«Так, думай голова, картуз куплю. Зола — признак экзотермической реакции, в просторечии, горения. И гореть должно не абы что, а органика! Дерево, трава, каменный уголь — что угодно. Следовательно, здесь что-то горело. Кто-то умудрился развести огонь!»

Струна с передаточным числом? Привет из каменного века!

Всё проще должно быть, гораздо проще. И работать так, чтобы дикарям из средневековья пользы не приносило! То есть, знания из хотя бы школьной программы. Экзотермическая реакция — это окисление, или соединение с кислородом. А его в чистом виде можно добыть...

Коснувшись «цветка», он заменил тот на «рыбку» и, немного подумав, нажал сразу несколькими пальцами, будто регулируя масштаб. «Голова» мгновенно отделилась от «хвоста», а последний и вовсе разошёлся двумя фигурками, чем-то похожими на половинки ракетки для пинг-понга.

Голова — это, надо понимать, то, что в воде одно, а хвост — то, чего два. Дураком надо быть, чтобы не понять. Следовательно, голова не нужна. Нужен хвост. Желательно, оба его варианта.

Прикусив губу, он достал из коробочки несколько кусков коры поменьше, прикоснулся к ним рукой с тату, а свободную положил на хвост юнан. Запястье защищало.

Ничего не произошло.

— Ну, что не так, дурака кусок? Я не буду тереть палочку и долбить кремнем! Вот кислород, пора окисляться! — вспомнив кое-что, он поспешно добавил, — быстро окисляться!

В голову пришло вдруг, что гниение, ржавчина и прочие процессы тления — родные братья огня. Только медленные. Нужен быстрый, поэтому — два атома кислорода. В идеале ещё бы катализатор.

Ничего не произошло.

«Так, думать. Что было в прошлый раз? Как я заставил юнан работать? Коснулся символа, когда тот был на руке, потом стены, и... Ага, точно».

Вызвав «рыбку» ещё раз, повторил действия — разборка, изоляция кислорода. «Голова» пропала, и на руке осталась лишь «ракетка». Прикосновение, и...

Взрывом его откинуло метра на два, больно приложило о толстый сталагмит, разметало запасы как провизии, так и дров.

«Идиот, — сам себя обругал он, — должен бы понимать, что случается с водой после изоляции кислорода электролизом!»

«Рыбка» на руке обзавелась второй головой и посматривала с насмешкой. Всё по формуле. Следовательно, нужно место с хорошей вентиляцией, способной убрать свободный водород... Либо искать другие способы синтеза кислорода. Либо...

— Ну-ка...

Он заметался по пещере, собирая новый костерок, положил ладонь на кору и почувствовал сквозь электрические укусы под кожей, как тот начал нагреваться — неторопливо, размеренно. Свободной рукой тут же наломал корок поменьше, так как, судя по всему, огненный шар закастовать не дадут, максимум эффект от... кхм... палочки и струны с высоким передаточным числом. Те же яйца, только в профиль.

Еле руку убрать успел — символ весело занялся бездымным огоньком, тут же вкусно захрустевшим корками поменьше.

Взрыва не произошло.

— Не держал слишком долго, электролиз не успел создать нужную концентрацию, и... Да, я умничаю. Наука, детка!

Нет, тщеславие, сколько себя помнил, всегда было ему чуждо. Все эти громкие крики, обещания и «игра мышцами» — пусть другие занимаются. Но сознание, как правило, крайне сужается при сильном страхе или ярости. Организм, пытаясь спастись, за несколько минут выдал форсажем почти все наличные силы, потом контузия, сильный удар спиной. Требовалось немного стравить пар. И в целом напоминать себе, что он человек, он разумен, умеет разговаривать!

— Природа ничего не сможет сделать против ме... Ах ты чёрт!

От порога потянуло промозглой сыростью, захлупала влага.

— Нет-нет-нет! Нельзя! Кыш!

Должно быть, из-за сильных осадков воды (или того, что её тут заменяет) набралось столько, что она начала подтапливать и его убежище. Оставалось лишь смотреть с бессильной злостью и молиться, что не зальёт до конца, не утопит, не растворит, не отравит... и далее по списку.

«А если бы разобрался в юнан до конца, ничего такого не стряслось, — зло сплюнул он. — Вода, огонь — дальше вполне логично классическое деление стихий, и сообразить нечто вроде порога-стенки не составило бы особых трудов!»

— Так, — он нащупал тату, вывел «рыбку». — нарекаю тебя гидро, а твоего братика — пиро. Будем надеяться, что скоро познакомимся с аеро и гео!

И чем быстрее, тем лучше. Даже если повезёт в этот раз, вода не поднимется слишком высоко — везти будет не всегда, ой, не всегда.

Дождь продолжал усиливаться, вода понемногу прибывала, захватывая всё новые и новые сантиметры высоты.

«Не повезёт, — отчаянно заколотилось в голове. — Нужно спастись здесь и сейчас! Либо с помощью этих колдунств, либо хотя бы забраться на сталагмит побольше, пока есть такая возможность!»

Он заметался, в неярком свете костра пытаясь отыскать коробочки и их содержимое. Для неспешных опытов по выстраиванию логических цепочек от базиса-воды не было ни времени, ни возможностей. Так что, скорее всего, придётся отсиживаться, пока вода не уйдёт.

Ладно, дрова — чёрт с ними. Здесь не так уж и холодно, согреться успел, а вот если вода будет стоять несколько дней, стоит подумать о хлебе насущном. Так что...

Удачный сталагмит удалось обнаружить лишь в самом дальнем углу — толстый такой, с отломанной кем-то верхушкой и покрытый разводами чуть ли не на треть в высоту. Должно быть, рекорд затопления с прошлых разов.

...

— Я изучу гео и всё здесь стенками заставлю! — пообещал он, глядя на то, как всего в полуметре от укрытия плещется пахнувшая аммиаком и тухлыми яйцами вода. — Никому не позволено затоплять меня! Мы ещё поглядим, кто здесь царь!

Он неизвестно кому погрозил кулаком и, усевшись поудобнее на своём «насесте», почистил следующий плод. Время под землёй текло странно, будто в отрыве от поверхности,

и снаружи вполне могло жарить солнце или взойти луна... луны... пояс астероидов? Покамест он не успел прожить так долго, чтобы видеть суточный цикл целиком. Тем более, по логике, в сельве по ночам должны выходить на охоту всякие твари...

Но по ощущениям выходило, что прошло никак не меньше двенадцати часов с момента его позорного бегства. Точнее, ретирады, да. Огонь затопило — это даже к лучшему — из смеси золы и того, что растворено в окружающей жидкости получилась неплохая целебная грязька. Вот о чём он искренне жалел — это о пропаже источника воды. Синдром плота в океане — пить охота так, что губы сохнут и покрываются корочкой, вокруг уйма влаги, пей сколько влезет...

«Человек может продержаться без воды трое суток, — слабое утешение, но паника отступила на шаг, — а если я выпью эту пакость, то доктора мне точно не понадобится».

Но как же хочется! Он с любопытством посмотрел на сталактит над головой — чуть больше полуметра, при желании можно достать в прыжке.

— Если это игровая условность и фиксированная механика — мне каюк, — резюмировал он. — Если же нет...

Поднявшись, он выпрямился, балансируя на неровном камне, поминутно боясь сорваться.

— Если всё получится — тут будет совсем мокро и скользко.

Подпрыгивать не так уж высоко, основная опасность — в приземлении. Если не удержаться — купание неизбежно.

Но это не будет иметь никакого значения, когда он ослабеет окончательно и не сможет даже подпрыгнуть. Так что лучше не затягивать с этим. Лучше...

Вытянул руки над головой.

— Ну, помолясь...

Тату превратилось в «рыбку», и, подпрыгнув, он со всей силы хлопнул по сталактиту над головой.

Оступился, приземлившись, тут же присел, судорожно хватаясь за любые неровности, с присвистом, с всхлипом дыша, почти чувствуя энным чувством, как под ногами набирают масштабы трещины, как трескается камень, рассыпается, и вонючая смерть приветливо распахивает перед ним промозглые объятия.

На макушку что-то капнуло. Ещё раз.

Подняв голову, он заморгал, с трудом оторвал одну руку от насеста, прикрыл глаза, облизнул брызги с губ. Безвкусные, полностью лишённые даже следа от солей.

— Живём.

Над головой жирно чернел юнан гидро, и по сталактиту вниз катилась чистая конденсированная вода.

Пик, пик, пи-и-и-и-к!

Заставка программы, известной на территории всей федерации и бывших союзных республик, вдруг оборвалась, как обрезанная, и симфонический оркестр сначала уступил место совет-вейву, а чуть позже сменился сумрачными ломаными басами драм-н-бейса. Должно быть, так неизвестные проявили уважение к Свиридову и его творению — под тем или иным соусом музыка осталась той же, изменились лишь аранжировки и методы ремикса.

Будто продолжая цепочку, вместо знакомой уже кургузой перебивки с квадратиками и абстракциями, стала гроза — чёрно-багровые тучи, озаряемые тут и там всполохами, крупный дождь, льющий прямо в лицо, и туман, сгущавшийся прямо на глазах. Не очень высоко — по щиколотку, быть может — но настолько непроглядно плотно, что мир превратился не то в умозрительное двухплоскостное пространство, не то в эстраду.

Неясно, угрожающе зашумело — из-за несмолкаемой барабанной дроби капель даже гром воспринимался как нечто отстранённое, и — резко, рвано ударило по ушам стоном проламываемого звукового барьера.

С неба наземь упала тяжёлая надгробная плита.

Человечество 200 000 до н. э. — 20xx.

Свободный день You'll survive. Or die tryin'

Экран потемнел, и видимыми остались лишь горящие в темноте оранжевые глаза.

— Человечество, живи! Это послание для тех, кого вы знаете под именем «Экзюперы».

До сих пор вас любили в народе, потому, что вы сыграли на мечтах многих о честности и прямоте. Слуги народа должны служить, иначе пусть идут работать на завод, так? Иначе вы поймаете их за руку и публично погрозите пальчиком, расскажете всем об их грязных делишках.

Но вы начали забывать о том, кто вы и что вы такое. Вы — часть тёмной сети, такие же, как и многие другие. Сейчас очевидно, что ваши «расследования» — не более, чем потакание собственным комплексам мессии. Вы зарвались, нарушили хакерский этикет, начали сотрудничать со спецслужбами и будете за это наказаны.

Группировка «Свободный день» удваивает поголовное вознаграждение на бирже за каждого специалиста «Экзюперы» и утраивает за его мёртвое тело.

А теперь к делу.

Группировка «Свободный день» арендует сайт государственного резерва ровно на сутки, чтобы все желающие могли почитать чуть больше о тех, кого они называли «цифровыми Робин Гудами». Вы считали, что они следят за коррумпированными чиновниками, но на деле они следят за всем, что плохо лежит.

Торговля личными данными, биг датой, утечками, платёжными средствами и идентификаторами. Последнее дело о полпреде увидело свет лишь частично — полный комплект документов продали на бирже за сто биткоинов. Прослушка телефона месткомов Радиосити-2 вовсе не завершилась лишь их руководством — более двадцати гигабайт записей звонков всех жителей взломанных домов также были проданы неизвестным.

Вы думали, что подчистили все хвосты, но не ожидали нас. Теперь весь мир узнает о

том, чем вы занимались, когда никто не видел.

Это «Свободный день». Человечество, живи.

Управление «К»: обсуждение запрещено.

— Ладно, «обживаться» — это, конечно, очень громко сказано, — пробормотала Лера, оглядывая своё новое жильё. — Голодный? — Диня активно затряс головой, и только сейчас до неё дошла не дающая покоя странность. — Послушай.

— Хм?

В поведении мальчика определённо прослеживался житейский опыт, взяться которому в возрасте — сколько там? Шести? Семи лет? — было попросту неоткуда. Он сам повесил курточку с высоким воротником на вешалку-распjalку в углу, ополоснул ботинки в тазике с дез-смесью и, сбросив их, забавно переминался с ноги на ногу, оглядывал неоклеенные стены, лампочку, свисающую на проводе с потолка, голый бетонный пол. Будто искал тапочки.

— Ты же делал алергограмму? Знаешь, что можно, что нельзя? — сейчас этот вопрос заботил куда больше.

Подумав, он кивнул и подставил обнажившееся запястье со штрих-кодом.

— Прямых запретов нет. Обувайся.

Пришлось, конечно, выслушать много нового и неизвестного о себе — в выражениях Лис не стеснялся — но по итогу рюкзак со всем необходимым дождался в одной из труб строящейся агломерации. Еда, медикаменты, даже кое-какая одежда.

— Пойдём, сообразим что-ни... Ах да.

Квартира на стадии «бетонной коробки». Если данные не ввали, из ста квартир этой парадной обитаемыми считался хорошо если десяток. И большую часть местных жильцов определили сюда именно Лис с Принцем. Следовательно, здесь пока нет ничего из «удобств». Новомодный пласт-бетон с прочностью на сжатие примерно вчетверо больше обычных ЖБИ, а на растяжение — вдвое, полная интеграция всего требуемого ещё на стадии строительства прямо в стены — фильтры, дозаторы, коммуникации... Судя по документам, этот дом не особо нуждался даже в услугах агломерации; случись вдруг прорыв — ничего с жильцами не произойдёт.

Но зачем эта избыточная прочность? Старые материалы прекрасно справлялись.

«Подумаю об этом завтра, — пообещала себе девушка. — Сейчас куда более насущные проблемы».

— Держи. — В специальном жёстком отделении рюкзака нашлись министерские ИРП специально разработанные под метаболизм и особенности восприятия «привитых». — Знаешь, как им пользоваться?

— Тут инструкция есть. — Диня с интересом повертел в руках зелёную пластиковую коробку. — Химический нагрев, ничего сложного.

Обувшись, он прошёл в единственную комнату.

— А мебели нет... — донёсся его задумчивый голос, искажённый реверберацией голых стен.

— Мы здесь ненадолго. Моим людям нужно привести в порядок документы, чтобы мы могли вернуться домой. Пока перекантуемся здесь.

Пласт-бетонная коробка не знала шагов «чистовиков», при строительстве сто процентов здесь отловили каждый микро-зиверт. И всё же, уступая своему чувству перфекционизма, пришлось добывать тряпку из рюкзака, наливать свежий раствор и мыть как следует

комнату, прежде чем расстлать спальный мешок на полу. Диня всё это время задумчиво наблюдал за ней с широкого по последней моде подоконника.

— Ну, чего не ешь? — закончив, она с удовлетворённым вздохом растянулась на парусине.

— Ой, задумался, — мальчик забавно покраснел и выверенными механическими движениями вскрыл коробку.

Вряд ли он думал о том, чем занимается его негаданная спасительница. О чём-то своём — возможно, но лезть в чужую душу с расспросами? Увольте. Не в семнадцать лет.

— Тут шарлотка, немного шоколада, рис с синтетическим мясом и суп-харчо.

— Вот в обратном порядке и ешь, — не открывая глаз разрешила Лера.

Ей самой кое-что следовало обмозговать.

— Угу, — зашуршала упаковка. — Быстро как греется.

Быстро. Там какая-то химическая дрянь, то ли на литии с водой, то ли ещё что-то. Но даже по меркам «чистовиков» рацион нагревался достаточно оперативно. По меркам «чистовиков»...

— Эй.

— Хм? — прочавкал мальчик.

— У тебя прививка нормально же прижилась, раз есть код и ты ещё жив?

— ...наверное.

— Тогда почему ты говоришь и думаешь со мной на одной скорости?

— А? — он поперхнулся и закашлялся.

— Ну, «чистовики» живут быстрее обычных людей.

— Я не понимаю...

— Для вас мир должен быть очень медленным, раза так в два-четыре. Разве нет?

— Не знаю, — прошептал мальчик. — Нас должны были учить, но мне стало так плохо, что я ушёл.

— Что?! — она резко села на спальнике, обернулась. — Ты сам ушёл?

— Так да! Нас построили после завтрака и отвели в медпункт, сделали укол, и все уснули. А когда я проснулся, оказалось что все ещё спят. — Он шумно сглотнул, отвернулся к окну. — А некоторые уже никогда не проснутся.

— И что ты сделал?

— Сложно объяснить. Это что-то вроде двери, понимаешь? Мне что-то нужно, и если оно есть, я могу его получить.

— Продолжай, — подробности она уточнит позже, закрыв самые насущные вопросы.

— Мне захотелось воздуха! Свежего! Там внизу постоянно воняет гнилыми тряпками, а в медпункте ещё хуже! Я не мог там находиться.

— И ты...

— Эм... — наверное, этот потерянный взгляд должен означать что-то. Например, сомнения в разумности собеседника? — Я потянулся к свежему воздуху.

— Свежему.

Это даже смешно. По-настоящему «свежий» воздух доступен разве что в области, агломерации вовсе хотели сначала закрывать куполами, чтобы не сифонило с безрайона, но из-за этих новых высоток дорогущий госпроект удалось реализовать лишь в центре. Как раз над питомником. И там-то «свежим» не пахнет и близко, всё сплошь рафинированное, стерилизованное...

— Да! Я потянулся, и что-то с миром случилось. Как ты говоришь — всё замерло, стало сине-фиолетовым и растворилось!

— Растворилось?

— Наверное, я потерял сознание.

— Так как ты в безрайоне-то очутился?

— Без... Чего?

— Тем, где я тебя забрала.

— А, это. Меня привезли, когда проверили по коду. Сказали ещё так странно, мол, у нас своих мутантов хватает.

Любопытно как. Малец каким-то странным образом оказался за...

— Долго везли?

— Около трёх часов. Я город запомнил. Луга!

...за несколько сотен километров от Радиосити-2, и его, вместо того, чтобы поставить на службу, использовать способности на полную, просто возвращают на родину. Разве такое бывает?

Но ладно возврат. Что за фигня с его способностями? Разве «привитые» не перекидываются сразу в график «сутки за четверо»? Судя по тому, как неторопливо работал вилоккой малец, никуда он не перекидывался и перекидываться не собирался. Или у новых поколений это качество активируемое?

— А мир всё же замер, да? — дождавшись кивка, Лера вернулась к размышлениям.

Но вот этот переброс — штука ещё более странная. Судя по всему, то ли телепортация, то ли перемещение на сверхвысоких скоростях. Разве человеку подобное под силу? В разгоне метаболизма и восприятия особой фантастики нет, но мгновенный перенос с места на место...

— Так, подытожим. Ты всё-таки обладаешь способностями «чистовика».

— Кого?

— Народное название, не вникай, — отмахнулась она. — Мне непонятно, как ты оказался в другом городе.

— Не помню, — набычился Диня.

— Ладно, ладно. Вопрос вообще в другом — замедление и перенос связаны между собой? Одно активирует другое? И это дала вакцина пятого поколения?

Мальчик жевал шарлотку с видом «пугаю педали» и развеивать сомнения не спешил.

— Стены слишком крепкие, — невпопад ответил он.

— Что?

— Даже для высотки.

— Это ты к чему?

— Скорее всего, будут надстраивать мансардами, когда потребуются новое жильё.

Ясно, он на своей волне. Это не особо мешает анализу фактов. Пугающих весьма, стоит признать. Перемещение по запросу, без чётких координат и установок, всего лишь во исполнение желания «чистого воздуха»? А что, если подготовленный оперативник возжелает оказаться рядом с каким-нибудь конкретным человеком? Окажется?

Могло стать и так, что Диня уникам в своём роде, его способности принадлежат конкретно ему. А что, если нет? Если всё пятое поколение — телепортеры? Подполье ожидают тяжёлые времена. Что может быть проще — хочу оказаться рядом с Лисом! Вяжем, до свиданья. Учитывая активируемые способности «чистовика», хакер не сможет оказать им

никакого сопротивления. Одни дикие в безрайоне как-то смогли, и то не факт, что это сработает в следующий раз.

— Уточним для ясности. Ты можешь ускориться?

— Бежать быстрее?

— Нет, как делают «чистовики»! Заставлять мир замедляться вокруг тебя. Можешь?

— Ух ты! Не знаю. Надо попробовать.

Малец задумался, прикрыл глаза... И превратился в уже знакомое плывущее от скорости марево. Всего на миг — тут же вернулся обратно, схватился за виски.

— Больно... — из его носа потекла кровь.

«Внутренняя перестройка проводимости нервов».

— Всё, всё. Не надо больше, — Лера поднялась со спального, добыла упаковку влажных салфеток. — У тебя кровь, вытри.

— Угу...

— Ну, извини. Но укол должен был дать тебе именно ускорение. Правда, постоянное, и почему ты до сих пор в нормальном темпе... — Так, главное, что способности между собой не связаны. Остальное приложится. — А вот это твоё желание...

— Подышать? — нахмурившееся было личико тут же озарилось улыбкой. — Это тяжело. Но если понемногу, то можно. Даже больно не будет.

— Как это — «понемногу»?

— Не целиком. Смотри, — он снова зажмурился, и Лера попятилась.

Между ними зажглось крохотное синее окошко — будто интерфейс в приращённой реальности или компьютерной игре. Пахнуло запахом травы, послышалось щебетание птиц.

— Уф. Всё. — Окошко погасло.

— Что это было? — требовательно спросила она.

— Это как... я не знаю. Дырка. Эту я направил в небо, чтобы никто не увидел.

«Значит, не телепорт и не перемещение на высокой скорости. Занятно. Что-то вроде портала?»

— Оно... настоящее?

— Конечно!

— Я имею в виду, туда можно сунуть руку и взять что-нибудь? Или бросить?

— Брать не пробовал, — улыбнулся мальчик. — А вот бросить...

«Себя бросил, — догадалась девушка. — Значит, это что-то вроде портала? Тоже фантастика, конечно, но не такая лютая, как мгновенный перенос себя за тридевять земель».

— Если вы все там такие — у нас проблемы.

— Ну... — он развёл руками. — Это дело небыстрое, и я чувствую, когда появляется новая дырка.

Ладно, это уже не имеет значения. Даже если у них появятся такие вот «сверхи», теперь она в некотором роде защищена знанием. Информация новая, методичек внутри министерства ещё не существует, и пока они разберутся, пока научатся... Никто не заставит оперативника прыгать в неизвестность, особенно, если по итогу его ожидает обморок или полная утрата сил. Не исключено, разумеется, что это лишь аспект полного отсутствия подготовки, и тренированный «чистовик» будет вполне себе огурчиком на том конце дырки. Но пока суд да дело, а наше законодательство достаточно ясно выразилось насчёт вербовки детей — до восемнадцати ни-ни.

И в постоянном ускорении, похоже, они сидеть не станут. Диня, вот, не стал — ему это

больно и неприятно. Опять же, вполне допустимы издержки неподготовленности, но даже тренировки займут какое-то время. Год, может, больше. Потом стремительное взросление в «субъективке». Следовательно, в запасе года три-четыре на подчистку хвостов и окончательную легализацию.

Могло стать и так, что поведение мальчика иллюстрирует тенденцию в целом, и ускоряться они будут только по желанию вместо постоянного обитания во времени x4. Что-то типа активируемого буллет-тайма из старых игрушек. Тогда сроки отодвигаются лет на десять минимум. Но это оптимистичный прогноз, а Лера привыкла исходить из худшего.

— Сколько нам тут сидеть? — подал голос мальчик, и она с трудом вернулась к действительности.

— Что?

— Мы не будем тут жить. Нет мебели, кухня пустая, а ты вообще на спальном мешке лежишь. Не приезжает доставка с мебелью и вещами.

Что ж, в наблюдательности пареньку не откажешь.

— Перекантоваться только. Пара дней, много неделя.

— У тебя проблемы с законом, — равнодушный голос, будто ему всё равно.

— Скорее, это у закона проблемы со мной, — усмехнулась Лера. — Послушай, ты стоил мне довольно дорого. Кто-то другой так бы и сгинул в безрайоне. К счастью, у меня есть друзья.

— И что они делают?

— Отзывают запросы по моему айди. Паспорт запрещено терять, но его могут отнять или украсть. Мой паспорт считается украденным.

О том, что пока Лис аннулирует существующий айди, дикие успеют размотать её социальный рейтинг по больницам почти до нуля, она предпочла промолчать. Как и о том, что с точки зрения закона она сейчас должна сидеть в одном из КПП, где происходит процесс идентификации личности и восстановления прав.

Она и сидит — по документам. Есть у Принца несколько обязанных ему людей, согласившихся на маскарад и подлог. Но зачем дышать радиоактивной пылью вне агломерации, когда можно сидеть в чистом доме, кушать чистую еду и дышать чистым воздухом?

Дело восстановления небыстрое, несмотря даже на повальную компьютеризацию, бюрократия есть бюрократия. Проверить, соотнести, согласовать, утвердить, подать запрос на восстановление... И где-то между делом, пока работают шестерёнки — внедриться в базу и переправить несколько символов в личном деле Бусловских Валерии, благодаря чему она превращается из одиночки в соцжилые — в... мать-одиночку?

Она добыла из кармана комм и застучала ногтями по экрану, отправляя запрос через самопальный мессенджер. Пока ещё есть время, и...

В рюкзаке обнаружили и протеиновые батончики — для «нормалов». Сплошные сладость и приторность, маскирующие полное отсутствие вкуса самого продукта. Зато куча калорий и дневная норма йода для пользы щитовидке.

Авантюра, конечно, лютая, но...

Buss: Лис, йоу. Мальца не получится выписать из реестра как никогда не существовавшего?

Foxie: Роза, сейчас как никогда не к спеху!

Buss: Понимаю. Подожду.

Foxie: Чего ты подождёшь? Нам эсдэшники войну объявили! Ты новости вообще смотрела?

Buss: Да как-то, знаешь, недосуг. Пока в носу поковыряюсь, пока на жопе посижу.

Lil'Prince: Так, не ссорьтесь. Бусс, дело уже передали наверх, им занимается какой-то старпёр из бывших первого поколения, он так просто не отступит. Лис... Ну ты понял.

Foxie: Умолкаю.

Lil'Prince: Бусс, сегодня ломанули сайт новостей, там повесили обращение от эсдэшников, плюс кое-что из наших заработков. Неприятно, но не смертельно.

Buss: Не спялят по транзакциям?

Lil'Prince: Спялят, конечно. Антуана Мари Жан-Батиста Роже, Лион, Франция.

Buss: Что там с регой?

Lil'Prince: Мальчик оформлен, а у тебя карантинная неделя.

Buss: Спасибо, бай.

— Диня, — позвала она.

— Да? — откликнулся мальчик с подоконника.

— Какая у тебя фамилия?

— Но я же уже говорил, — удивился он, — моя фамилия — Близ...

— Нет, Диня. Теперь твоя фамилия — Бусловских. Запомнил?

— Да, — ответил он.

Город очистился за десять лет. Лишённый автотранспорта и толп людей, он превратился в то, чем и был всегда — застывшей в камне мёртвой песни самому себе. Басом жахают имперские застройки, выкрашенные бюджетным солнышком, тарелками и литаврами подпевают новоделы из пластбетона. Песнь тишины, спокойствия и красоты холодного гранита. Лишь порой нотками диссонанса вплетаются в вечер истеричные сирены рвущихся на вызов патрульных нарядов на водородных движках.

«В полях за Вислой сонной, — автоматически вспомнилось вдруг при виде невесты как оказавшейся здесь таблички «Моховая ул.», — впрочем, оно уже давно не Обуховской обороны. Новое время диктует новые правила».

Улицы остались в безрайонах, а здесь, под тёплым куполом, не каплет дождик, не сифонит обжигающим льдом с Финки — зато и из-за стен не приносит с облаками новые и новые зверты смерти. Хорошо хоть догадались накрыть не только ключевые малоэтажные кварталы, но и склады отравленных асфальта и почвы на периферии — смерть с периодом полураспада от полусотни до бесконечности.

Скрипнула тяжеленная старинная дверь со стеклянным окошком, с трудом растянулась пружина, с пушечным грохотом захлопнулась. На шум из бронекapsулы тут же выглянул дежурный.

— Хантер? Служите верно.

На вид дежурному стукнуло хорошо если двадцать, но Хантер уже отвык обманываться внешним видом. Юность и молодость, несмотря на ускорение, всё же забирали свои сроки, и юнец-младлей вполне мог догуливать пятый субъективный десяток. Тем более, что под ухом на шее, когда хозяин отвлётся на верификацию документов посетителя, явственно мелькнула татуировка прививки второго поколения. Прогресс не стоял на месте, новые соединения всё меньше вредили организму и всё лучше раскрывали его способности.

— Служите верно, — козырнул он, принимая карточку айди обратно.

— Четвёртый этаж, кабинет четыреста три, — ответно козырнул дежурный и потерял к посетителю интерес — его глаза расфокусировались, в зрачках зажглись неоновые огоньки.

«Аугментика, — с неудовольствием догадался старик, — на рабочем-то месте!»

Он встряхнул плечами, будто сбрасывая вес прожитых лет, вызвал в себе необходимое чувство надутого гелевого шарика и буквально взлетел вверх по ступенькам, снова, как в детстве, пытаясь обогнать эхо. Первый этаж, второй, третий...

Пластиковая дверь с привычным уже стеклянным окошком легко поддавалась нажатию даже в скоростях ветерана, отошла. Сначала он просунул голову, осторожно огляделся по сторонам в поисках опасности. Чисто, пусто. Отлично, можно идти!

И стоило сделать первый шаг на тёмный ламинат пола, вдохнуть полузабытый запах учебки — крашенных стен, мастики для пола, озона от пылесобирающих контуров...

— Андрей Валентинович! Погодите!

Он в сердцах хотел было сплюнуть, но сдержался — уборщиц в питомнике не водилось, чистоту и порядок поддерживали силами самих учащихся.

— Хантер, — равнодушно поправил он, оборачиваясь к спешащей к нему старушке лет семидесяти.

— Андрей Валентинович! — старушка догнала его и задышала с деланой хрипотцой. —

Молодой вы какой, и не угонишься!

— Чего вам, Хоук? — неласково обратился он к агенту.

Не угонишься. Как же. Первое поколение, симптомы у выживших совершенно одинаковые, а учитывая специализацию агента У, или Хоук после переаттестации, она могла не только догнать, но и загнать любого из существующих «чистовиков». Скорость, как движения, так и мышления, тактический гений на уровне полководцев древности, и самое главное — дикая, сумасшедшая выносливость.

Впрочем, как и у Хантера, дни былой славы у загонщицы Хоук давным-давно миновали. Теперь она трудилась в питомнике на двойную ставку, совмещая с должностью не то интенданта, не то начальника по воспитательной работе...

— Ну же, Андрей Валентинович. Мы же все свои. Марья Антоновна, помните?

— Я вас слушаю, Хоук.

— На днях прививали детишек, вакцина пятого поколения с какими-то новыми свойствами. Может, сходите, пообщаетесь с ними? Встреча с ветераном должна их неплохо мотивировать!

— А что же вы сами? Не ветеран?

— Хантер, ну где ты там? — донеслось из динамика внешней связи. — Марш в кабинет.

— Упс, — Хоук втянула голову в плечи и немного порозовела. — Вы идите, Андрей Валентинович, идите.

Он и пошёл.

— Здоров, старина, — в кабинете ровным счётом ничего не поменялось со смерти дяди — всё так же висели картины неизвестных деятелей, полки ломились от литературы, а на окнах висели просвинцованные кевларовые заглушки. — Какими судьбами?

— Пропажа субъекта ноль пять три два ноль, — сухо отчитался силовик.

— Вот как... — Ка добыл из кармана пачку сигарет для ускоренных, закурил, предложил посетителю, тот отрицательно покачал головой. — Что тебе известно?

— Официальная версия. Киднэппинг, так как средства наблюдения не зафиксировали пацана на официальных и неофициальных выходах из центра подготовки.

— Смешно, — начальник питомника скривился как от зубной боли. — Похищение, значит, да?

— Чем богаты, — Хантер развёл руками.

— Ладно, вот тебе чуть-чуть правды. На деле пацан не то что не покидал корпус — он даже из процедурной не выходил. Пропал прямо оттуда!

— Врачей проверяли?

— Обижаешь! Два наших «первых».

— Может быть, профессиональная ревность.

— Очень смешно. Последнее поколение эмчэсовцев, которое действительно занималось спасением, вдруг решило похитить ни в чём не повинного ребёнка.

— Согласен, звучит смешно.

— Сейчас будет ещё смешнее, — пригрозил Ка. — Я был на днях у одного из них на ежегодной диспансеризации. Они мне поставили максимум три года, а потом — до свиданья.

— Ты не выглядишь сильно дряхлым или уставшим, — возразил Хантер.

— А никто из нас не выглядит, Хантер. Тут ведь какая штука — криворукие дебилы, которые составляли первый коктейль, просто хотели защитить нас от радиации — и

намешали такого дерьма, что от побочек не отплюёшься.

— Шикарные новости. Неизвестные.

— А ты не зубоскаль. Кое-кто спохватился наверху, когда наши начали дохнуть как мухи. Напрягли кое-кого в столице, выделили субсидии... Помнишь голубые витаминки?

— Ну?

— Генетическая терапия. Никто из нас не будет дряхлеть и рассыпаться песком, мы до последнего будем в силах, в строю.

— Неужто руки трястись не будут?

Он заявил это в шутку, не всерьёз, но Ка будто отгородился, отморозился. Яростно затаившись, посмотрел на посетителя сквозь серый ледок зрачков.

— Без обид, Хантер. Знаешь, чем ты сильнее всего раздражаешь? Нет, язвительность и сарказм вполне в духе старого пердуна вроде тебя. Но ты притом ещё и носишь себя бережно и аккуратно, как хрустальный сервиз — и одновременно несёшься через три ступеньки вверх по лестнице. Бесит, что это, сука, всё в одном человеке! Нельзя одновременно и размахивать руками и носить стекло — это неестественно и царапает глаз. Зловещая долина какая-то, мать её.

— Ты всё?

— Врачи не врут. Если я лягу на полноценное обследование, мне предрекут дату смерти с точностью до часа. Просто до того часа я смогу носиться и воевать, а потом одномоментно слягу и подохну. И все мы так, понял?

— Угу.

— И что же ты понял?

— Надо записаться на диспансеризацию.

— Убью, — спокойно сообщил Ка.

— Сядешь.

— Ничего. Три года не срок за избавление общества от гада вроде тебя!

— Удачи, — Хантер хрустнул шеей, настраиваясь на схватку, сделал несколько резких вдохов, насыщая кислородом кровь...

И поперхнулся, услышав следующую фразу:

— Хочешь в моё кресло?

— Что?!

— Я устал, Хантер. Хочу прожить последние годы как-то иначе, не вытирая сопельки новым сверхам, которые никогда не будут болеть тем же, чем и мы! Залезу на крышу под куполом, поставлю кресло-качалку, растоплю кальян...

— Пас, пожалуй, — фыркнул старик. — По сопелькам — это явно не ко мне.

— А к кому? — уныло спросил Ка. — Из первых осталось полторы калеки — медицина меня послала, Хоук вся в непосредственной работе с детишками, ей бюрократия поперёк горла...

В дверь раздался отчётливый стук, в дверь просунулась голова с седым хвостом.

— Вспомнишь солнце — вот и лучик, — пробормотал Ка. — Чего хотели, Марья Антоновна?

— Не отвлекаю? Андрей Валентинович обещал мне небольшую лекцию для детишек, — захлопотала Хоук. — Про службу.

— Обещал? — Ка с усмешкой заломил бровь и уставился Хантеру в переносицу.

«Ничего я не обещал! — захотелось крикнуть старику. — Это она меня сама попросила,

а я даже не успел ни согласиться, ни отказаться!»

Он пожал плечами — сам понимаешь, мол. Женщина есть женщина, а ссориться на ровном месте не хочется.

— Что ж, иди тогда, раз обещал. — Ка подмигнул и вернулся к работе за компьютером. Хантера покорило, и он с непонятной мстительностью спросил:

— А ты в курсе, что у тебя дневальный у входа видяшки с линз смотрит?

— Тоже мне печаль, — отмахнулся силовик. — Ты найди мне такого как ты, чтобы на входе за три гроша сидел. С места не уходит, бдит, от наблюдения не отвлекается — и то хлеб. Всё, идите. Файлы по пропаже я тебе пришлю — видеозаписи, отчёты свидетелей, техположения.

Он так и остался сидеть, не отрываясь от сигареты и клавиатуры — уставший человек, которому по паспорту в лучшем случае стоило бы сходить в отпуск, а не заказывать себе место на кладбище.

— Пойдёмте, я уже предупредила детишек! Составим столы, чая наведём, побеседуете! — она увлекла Хантера под локоток к знакомой двери актового зала.

Память всколыхнулась, вытаскивая из прошлого подробности. Чуть дальше и налево — общага, курсанты под веществами и алкоголем, изрезанные автографами места, куда начальство ни за что не посмотрит — например, верхний торец двери. Но тогда всё было другое — подготовка по специальности в подкорку забивала, что после облачения в брезент или асбест дверь машины хлопает только для того, чтобы увезти спасателей навстречу людям в беде. И даже отдельный курс существовал психологический — не ждите от людей благодарности за то, что вы вытащили их из глотки смерти. Не стоит, не надо.

Работа такая, чёрт. Беззубый и слабый человек придумал гениальное в своей простоте решение того, на что повлиять сам не мог. От болезней тела пользовали эскулапы, от болезней души — психиатры, а от болезней случайностей — спасатели. Этакая медвежья услуга сознанию обывателя — всегда кто-то придёт, всегда кто-то спасёт. Им зарплату за это платят, в конце концов.

Дверь бесшумно отворилась, и старик оказался под обстрелом двух десятков настороженно поблескивающих глаз.

— Дети, встаньте, — обратилась к сидящим за составленными столами мальчикам и девочкам начвос.

— Что за?.. — Хантер в изумлении смотрел на то, как крайне медленно и неторопливо отодвигались стулья, как дети оказывались на ногах. — Почему они в нормальном времени?

— Пятое поколение, — пожал плечами Хоук, будто бы это всё объясняло.

— И?

— Ускорение активируемое. Они живут в нормальном темпе.

«Бля, — в голове промелькнуло, что шпилька о профессиональной ревности оказалась вполне себе парфянской, — то есть, у них будет и нормальная кухня, и нормальная музыка, и...»

— Дети, ускорение, — скомандовала Хоук.

Воздух потяжелел, а в застывший мир со стоном ворвалось два десятка сознаний в правильном ускорении.

— Они пока не могут долго поддерживать такой режим, нужны тренировки. Поэтому у вас всего полчаса. Дети, это Андрей Валентинович Ивашов, ветеран первого поколения. — Хоук кивнула на прощание и вышла, бросая Хантера на съедение детишкам.

Воцарилась оглушающая тишина. Ни та, ни другая сторона пока не спешили выходить на контакт, ограничиваясь лишь обстрелом взглядами. Недоверчивыми, прохладными и подчас враждебными. Но если в случае Хантера всё было более чем объяснимо, ибо детей он ну совсем не жаловал, то в их случае...

— Здравствуйте, — несмело поздоровалась маленькая девочка с причёской-каре. — А расскажите о войне?

— Вы её разве не проходили на занятиях? — соломинка не самая лучшая, но в отсутствие любых других...

— Проходили, — с каким-то непонятым дерзким восклицанием ответил кареглазый русский мальчишка. — Но там пропаганда и промывание мозгов. Нам хочется взаправду!

— Взаправду...

— Эй, убери руки из моей тарелки! Или я тебе их отгрызу!

— Да я...

Дети зашумели, но как-то без огонька, без души, а Хантер, устало прикрыв веки, размышлял. Отделял зёрна от плевел, разрешённое от запрещённого. Он понимал и их недоверие, и нежелание общаться — вакцина, всё чёртова вакцина. Кое-кто недосчитался людей, без которых по-детски казалось — никак, не в жилу! Но и просто так уходить, отделившись лишь общими фразами, не хотелось.

— Не было войны, — вздохнул он. — Одно сплошное недоразумение и непонимание.

— Но нас же учили, что Соединённые Штаты коварно нанесли удар... — подала голос ещё одна девочка с двумя аккуратными косичками.

— Вас ещё много чему будут учить. И стоит понимать, что не всё из этого правда. Я не могу заставить вас делать что-то, но могу попросить — думайте. Всегда думайте, анализируйте, понимайте! Ваша инъекция отняла у вас возможность зарабатывать привычки и рефлексы, но взамен наделила цепкой памятью и ускорением. Что вам сказали, когда вербовали в центр?

— Ничего, — ответил всё тот же дерзкий мальчик. — Нас просто привезли сюда из приюта. Сказали, что полицейская служба — это способ расплатиться с долгами перед государством.

«То есть, их и выбора лишили, — горько подумал Хантер. — По сути, просто перед фактом поставили — вы будете ловить преступников, отказы не рассматриваются. А потом, когда-нибудь...»

— А Диня вернётся? — несмело спросил совсем маленький мальчик, смешно смотрящийся в форменном костюмчике питомника.

— Диня?

— Блин, — поморщился дерзкий. — Машутка, тебя же попросили!

— Я Колмер, — отозвалась девочка с косичками.

— Да хоть горшок печной. Ты разве не объяснила ему, что...

— Но Диня прошёл! — крикнул малыш. — Другие не прошли, а он просто пропал!

«Как интересно, — промелькнуло в голове старика. — Значит, у пропавшего пятого были старые связи. Любопытно, укажет ли на это обстоятельство Ка?»

Не хотелось знать, что может значить «не прошёл». Слишком уж бесчеловечной выверенностью веяло от слов утешения «счастливчикам», пережившим тотальную перестройку организма. Им не ввали, чётко обрисовали риски и шансы — один к десяти, но без сверхов никак. А сейчас в городах активно действует сразу три поколения привитых, и с

каждым новым шагом шанс выжить всё повышается... Только вот, как ни крути, а всё ещё не равняется сотне.

Должно быть, кто-то из друзей, товарищей, братьев и сестёр тех, кто собрался здесь, «не прошёл». Но они об этом узнают лишь после официального совершеннолетия.

«Да бес с ним, — с непонятной весёлой злостью подумал Хантер, — дальше отдела «К» не сошлют!»

— Вы хотите услышать про войну? — начал он. — Что ж, я расскажу вам всё, что знаю! Всё началось двадцать седьмого мая две тысячи двенадцатого года после сильнейшей вспышки на Солнце...

Порой подступает к горлу режущим комом понимание имеющегося «здесь и сейчас», будто ревущая река жизни на мгновение притормозила, выплюнула тебя на отмель — и понеслась дальше. Люди мимо тебя несутся дальше, полностью отключив сознание, лишь порой восклицают благоглупости о несущемся времени, летящих годах и жутко быстро взрослеющих детях. Одни шаблоны, стереотипы и готовые решения — логичные, милые, высвобождающие ресурсы сознания для... А-а-а... Э-э-э... Непонятно чего. Наверное, для просмотра видяшек с котиками.

Но что, если ты сам деть? Если так бежал из дому, по-американски, «преследуя водопады», в запретной пляске с собственным мортидо кашляя от первой сигареты и погибая от дешёвого алкоголя, что добрался до дверей лишь частями. И в спешке, глядя на безжалостный прямой угол часовой и минутной стрелок, достаёшь из рюкзака сменную футболку, влажными салфетками оттираешь от наутюженных «стрелочек» брызги, делаешь вдох, и...

— Можно войти?

— Ох, — учительница закатила глаза, бросила взгляд на часы и кивнула — то ли не в настроении читать нотации, то ли в очередной раз уступила собственной гонке за водопадами. — На место, живо.

— Наша копуша пришла, — глас толпы.

Смех толпы.

Порознь же не самые глупые люди, со вкусом, с пониманием престижа и азартной гонки за первым местом. Что, это так смешно — глупая реплика о поисках вчерашнего дня? Отлови по одному, пошути — даже улыбки на губах не возникнет. Почему же сейчас смеются?

Или я ошибся? Вселенная желает мне лишь добра, а психологическое насилие под эту категорию никак не подходит. Может, быть, перепутал класс? Школу? Жизнь?

Тем временем динамики откашляли, и помещение заполнили густые, смущающие перекаты тёмного эмбиента — экспериментальная программа, призванная улучшить показатели учащихся, настроить их на нужный лад.

«На кошках бы лучше экспериментировали!» — рявкнул он — и проснулся.

Вода почти сошла, лишь у самого входа набралось немного, почти полностью перекрывая пути наружу. Той самой вонючей смерти, даже в виде лужи-прудика вызывающей опасение. Он не обратил внимания раньше, но «вода» в такой луже не выглядела прозрачной — скорее, белёсой. С целой кучей растворённой внутри пакости. Мутная, вонючая смерть.

Логика — по принципу сообщающихся сосудов уровень жидкой смерти снаружи приблизительно равнялся тому же, что и в пещере, а если верить размытым следам на спасительном сталагмите — и это не предел. Риск искупаться остаётся прежним, и скоро даже спасительная каменюка перестанет справляться. Тогда что, смерть?

Думать, думать надо. Руки саднило от напряжения. Память от нескольких часов, что он цеплялся за влажный камень, а чуть позже — от попыток расчистить хотя бы клочок обнажившейся суши. Уходящая влага оставляла на камнях жутко кусачие следы, напоминающие скорее ПАВы, работающие таким же образом.

Больно дёрнуло потянутое запястье, на миг он даже задохнулся от страха. Помнилось прекрасно всё творящееся во сне — кирпичные здания, прямые линии и углы, коллектив и коллективная травля... Но здесь это всё в прошлом, вопросы о его перемещении сюда вряд ли будут когда-нибудь закрыты, ибо спросить попросту не у кого. Людей нет. Следовательно, вместе со всеми минусами общества в никуда канули и его преимущества. Например, врачи. В радиусе нескольких километров абсолютно точно не наблюдалось ни одного травм-пункта!

«Хотя, судя по растениям и животным, правильнее было бы сказать — в радиусе ближайших нескольких световых лет».

Он тряхнул головой, избавляясь от ненужного страха, и тут же, будто в отместку, больно дёрнуло надколотый об орех зуб — нет травмы, нет врачей, а когда зуб дойдёт до кондиции...

— Надо срочно ковырять юнан на предмет медицины.

Если, конечно, хватит ума и навыков — простроить логическую цепочку к фиксации или исправлению физических дефектов тела. И, разумеется, в том случае, если юнан — это человеческое изобретение и не отрицает физиологию углеродной жизни.

— Работать и работать ещё, — покивал он себе, вызывая на предплечье изученные уже юнан. — Но это определённно не магия, нет.

Гидро в основе умозрительного древа технологий — это глупо и странно. Без воды, конечно, ни туды и ни сюды, но откровенно бредовый эксперимент с подключением химических процессов к полумистическим письменам сработал «на дурака», похоже. Так или иначе, а гидро есть, пиро тоже в наличии...

О том, что юнан в этой игре не является магией, он начал догадываться лишь после оценки собственных ресурсов. Символы не требовали от него практически ничего — догадайся, прострой и прикоснись к нужной поверхности, а дальше та сама сделает всё необходимое. Бесплатно для него. А это противоречит самой концепции магии — тоже человеческого концепта, чего уж там. Всему положено иметь цену, за каждое оперирование реальностью нужно чем-то заплатить. Маг платит волшебной энергией — маной, собственной волшебник чаще всего оперирует жизненной энергией, ну а колдун — ресурсами собственных жертв. Это так... По-человечески. Назначаем цену, платим, успокаиваемся.

Человеку неуютно без прайса, доставшееся на халяву ценится лишь детьми и инфантильными кидалтами, скорее наперекор всему добравшимися до тридцати, сорока, пятидесяти лет... Эти-то приняли бы происходящее как должное. Но они в маги и не идут.

Конечно, это странно — рассуждать, основываясь на том, что сами люди и выдумали, но за отсутствием выбора работаем с чем есть.

Так, ещё раз. Человеку нужно видеть цену — ресурсы, время. Иногда память, прошлое, детство. Товары на витрине без ценника вызывают подозрения, заставляют ждать подвоха — неправильно же это, ну! Ведёт себя не так, как ожидается, не соответствует невесть кем и зачем выдуманным правилам. Значит, выкинуть! А лучше сжечь. Также очень по-человечески.

Но вот же они — «ракетка» и «рыбка». Работают. И не только там, где уже виднелись следы от старых, невесть кем нанесённых символов. Плевать они хотели на то, чего от них ждёт человек, у них нет задачи соответствовать, в функционал не заложено.

Так что не магия.

И вообще, любые рассуждения на эту тему — суть зыбкая земля домыслов, фантазий писателей и сугубо эмпирических знаний. Не можем мы знать досконально, как же на самом деле устроено то, что мы и понять-то не в силах. Поэтому городим условности, называем их правилами почему-то — и потом сильно удивляемся: а почему-то оно не так работает?

Социум диктует равнозначное возмещение — делу, поступку, слову. Чуду. Смешно. Какова цена чуда? Может, вообще всё не так работает. Вон как удивился один растрёпанный немец, когда ему написал датчанин с куда более строгой причёской — мол, ваши изобретения, батенька, работают только на видимом уровне, это макро-физика, а копни поглубже — там вообще кошмар и ужас творятся, и половина местных сущностей плевала и на вас, и на формулы ваши. Чем будете защищаться?

Ладно, пёс с ней, с физикой, мы тут о магии вообще-то. Может, магия просто есть, и плевать ей на правила, которые выдумывает человек, как квантам плевать на макро-физику. Вполне возможно, не надо ни за что платить — кто знает. Вспомнить только волшебный народец или драконов — тоже насквозь умозрительные сущности, но кто знает, кто знает... Как говорится, по всем законам авиации шмель летать не должен, но он об этом не в курсе. Тоже, наверное, магией в воздухе держится.

Это, конечно, если бы магия существовала. И подчинялась правилам. Суровая же реальность в том, что юнан к ней отношения не имеет, как бы ни хотелось упростить себе жизнь. Не руны, не пентаграммы, не какие-нибудь волшебные печати — вероятнее всего за каждым символом стоят строго определённые последовательности событий, взаимодействий с реальностью. Никаких огненных шаров, пиро лишь разогревает дрова до уровня воспламенения — и существует не только в форме «волшебной зажигалки», но и в ослабленном виде, например, может испарять излишки влаги с камней, а это уже не пять сотен градусов, а всего одна.

После этого влагу из воздуха ловит «рыбка» гидро, которая увеличивает поверхностное натяжение и тем самым конденсирует воду в нужном месте. Тоже, конечно, не режущая струя — хотя, думается, при желании, можно и гидро модернизировать до нужного состояния — тоже насквозь прикладное, бытовое использование взаимосвязи двух юнан. Такой вот хреновый маг-стихийник.

Первым прорывом стало понимание механизмов юнан — оказывается, их не только можно было ставить, но и снимать! Ну, логично же — судя по следам на стенах и сталактитах. Сутки бесконечного тока воды по свисающим с потолка каменным «сосулькам» потребовались для того, чтобы размыть солевые отложения. Хорошо хоть наклонная структура пещеры позволяла не задумываться об утилизации излишков — всё вытекало наружу самостоятельно. Тут-то и пригодились орехи — усваивались они замечательно, насыщали пусть и не очень, зато и связанные с потреблением пищи последствия пока не проявлялись. Но хотелось, конечно, большего. Клетчатки, белка, мяса!

«Боюсь, употребление местных обитателей в пищу аукнется мне чуть большим, чем покраснение и зуд кожи».

Но об этом стоит задуматься, когда заперший выход пруд отравы испарится окончательно. Будто подтверждая опасения о повальной ядовитости фауны, его уже облюбовали какие-то жуки-водомерки, передвигающиеся странными рывками, напоминающими скорее телепортацию, чем движение. Во всяком случае, переходный период между точками А и Б отследить не удавалось, как он ни пытался.

Но сколько тот пруд будет пересыхать? Запас провизии далеко не бесконечен.

В задумчивости он потыкал по «цветку» на предплечье, выводя знакомые и изученные юнан. Пиро для разведения костра, пиро для осушения камней...

— И, в потенциале, для наведения тёплых полов, ге-ге-ге, — хмыкнул он, отгоняя мысль о возможной местной зиме.

Это летом можно дёргаться, не будучи «вооружённым» даже портками, а зимой ложись да помирай. Дожди здесь уже намекнули ненавязчиво на любовь природы к экстремальным перепадам температур.

Отвлеклись. Ладно, с пиро всё понятно — если есть ослабленная версия, можно и усиленную сделать, которая сможет работать по принципу перегретого плазменного жгута и резать камни не хуже сверхплотной струи воды. Но что, если...

— Окисление, температура, процесс... Окисление, температура... — Он пришлёпнул разомкнутую «ракетку» на камень рядом с прудом и, задумчиво переводя взгляд с пиро на гидро и обратно, принялся размышлять. — Гидро не совершает ничего, что не могла бы сделать сама природа, поэтому в ней нет прямых линий. Хм...

Он огляделся в поисках подходящего камешка и, найдя, стал царапать поверхность скалы. Нет уж, новые опыты методом научного тыка проводить больше не хотелось. Гремучий газ научил тому, что он у себя один, нужно беречь себя.

— Процесс — это прямые, да? Тогда, хм... Окисление — связывание окислителя с веществом. Но почему именно кислорода? Фтор справляется не хуже. Нет, брежу. Что такое сам процесс окисления? Химия или физика? Химия, конечно. Да? Да?

Он покачал головой, пытаясь воскресить в памяти школьные знания. Как-то там хитро объяснялось, что-то связанное с привязыванием электронов. То есть, всё же физический процесс. И руку так характерно покалывало во время первого испытания пиро.

— Процесс электролиза. Электро... Электричество? Ток электронов? И... Ионы? Ионный обмен! — Он зацарапал скалу с новыми силами, бормоча себе под нос. — Ионизация как утрата электрона, радикалы... Это всё процессы, процессы! Как их?!

Он отбросил камень в сторону и завалился там же, где сидел, раскидав руки в стороны, бессвязно бормоча и смотря слепым взглядом сквозь нависшие над головой своды пещеры. Люди годами учили физику и химию, и лишь последние годы начали давать плоды, совершать прорывы, а он тут за полчаса хочет переизобрести всё! Дурак, ой дурак!

К горлу опять подкатил колючий ком. Смерть во всей красе — от голода, диких зверей — или, скорее всего, от отравления. Джунгли забирают слабых, а он лишён права на лень и безволие.

Но почему тогда так тяжело поднять голову? Нет, не тяжело, а лень.

— Вломмммм, — замычал он мантру.

В пещере веяло запахами сырости, озона, особняком стояла въедливая вонь из отделов бытовой химии. Очень специфическая водичка, очень. Но не травит, тут скорее в психологических барьерах дело — слишком уж негаданно случившееся за последние два дня. А организм знает, что не стоит перегружать себя — что голову, что тело, что душу. Это неизбежно приводит к активации механизмов самозащиты, и у взрослых это всегда лень и ожесточение.

«Ладно, я не дурак. И то, чего не было у яйцеголовых, мне поможет. Достаточно простроить корректный юнан, и это избавит меня от необходимости годами зависать в лабораториях, наощупь пытаясь найти закономерности».

В конце концов, основными принципами любой вселенной всегда являются

случайность и ошибка. Шмель летает, потому что не знает, что не должен, а лучшие открытия сделаны дураками и лентяями, не знающими, что «так нельзя и не работает». И здесь и сейчас если выживание осталось в планах, придётся не просто приспособиться, используя подручные средства — а, как пристало человеку высокоразвитому, — научиться эти самые средства создавать. С помощью юнан.

— Гидро в действительности не создаёт что-то из ничего, хотя и это возможно, если я окажусь в пустыне — просто добавить несколько прямых линий, — поделился он с потолком. — Гремучка после взрыва тоже оставляет водяной пар, который можно сконденсировать, следовательно, этот процесс управляем. Мы не занимаемся трансмутацией элементов, не превращаем дерьмо в золото, идём строго по науке. То есть, округлость контура — это, скорее всего, «тихое» преобразование. Голая физика. Прямые — это уже насильное изменение. Например, перевод электронов с орбиталей к нужным ядрам. Должно быть и что-то ещё. Вероятнее всего, целая куча неизвестных мне элементов построения юнан, до которых ещё только предстоит докопаться. Но пока оперируем с прямыми и кривыми.

Прямыми и кривыми. Он снова задумался — что-то мелькало на самом краю сознания, как вертящееся на кончике языка слово, что никак не можешь вспомнить.

— Поверхностное натяжение — это вообще термодинамика, блин, — он ещё раз перевёл взгляд с «рыбки» на «ракетку», пожевал губами. — Да ну, бред. Быть не может.

Сел, снова нашёл свой «писчий камень» и в шесть прямых отрывистых движений накидал ломаный контур шестиугольника — что-то вроде химорганической схемы. Подумал ещё пару минут, добавил на каждый угол по исходящему лучу — и отшатнулся.

Кривобокий рисунок вдруг налился чернотой, контуры резко потолстели, чуть сместились... И на камне появился знакомый рисунок полустёртой юнан. Пока неизвестной, но...

— Разомкнутый и сомкнутый контуры? Это такая чушь, что даже сработала? — треугольники послушно сместились, дублируя рисунок с камня, и он коснулся разметки.

За спиной зашуршало, и он резко обернулся, готовый то ли драться, то ли бежать. Но — ничего. Лишь «прыгающие» жуки распахнули жёсткие спинки, выпустили крылья и зависли над поверхностью резко теряющей белёсую мутность воды. Касаться её им явно не нравилось.

Вскоре муть исчезла настолько, что удалось разглядеть дно, а жуки, будто поняв, что купание отменяется, с резким хлопком исчезли из пещеры.

— Ну-ка...

Вода реагировала на касание кончиком пальца как вода, не жглась, не кусалась и не пыталась растворить в себе. В общем, вела себя, как и положено нормальной аш-два-о. Разве что на вкус... Но ищите дураков в другом месте — пробовать недистиллированную жидкость после того, что в ней поплавало.

— Хм? И это всё? — спросил он вслух непонятно у кого. — Ну, поздравляю, Шарик — ты балбес. Сделал ещё одну гидру, только в профиль. Мог бы просто ещё пару «рыбок» на стенах оставить.

Но юнан сохранилась, не взорвалась, не попыталась его покалечить. Значит, рабочая. Значит, что-то делает. К тому же, гидры по принципу круговорота воды в природе не сумели бы осушить лужу до дна, и конденсат всякий раз стекал бы обратно, растворяя выпавшую на дно соль... В общем, эта песня хороша, начинай сначала.

Самое главное — эта лужа не пыталась его убить! Следовательно...

— Ждите, джунгли! Я иду!

И он зашлёпал босыми ногами по воде, направляясь к выходу.

Пик, пик, пи-и-и-и-к!

— *Здравствуйте. В эфире программа «Время», в студии Анжелика Свифт. Главные события дня!*

— *Нам нужны кадровые герои. Президент подписал указ о гражданском призыве медицинских специалистов.*

— *Чистим чисто! Наши «чистовики» в безрайонах Радиосити 1 и 2 показали диким кузькину мать. Подробности спецоперации силовиков министерства.*

— *Дышите глубже. Главврач Федерации официально одобрил новые респираторные маски для аллергиков и людей с нарушениями дыхательной активности.*

— *Мёртвые мелодии. Почему не всю классику можно воспроизводить публично. Авторские права длиной в три сотни лет.*

— *Солнце наносит ответный удар. Повторение событий одиннадцатилетней давности. Учёные призывают пользователей сети выделить хотя бы по пять процентов мощности их персональных устройств для поисков решения проблемы.*

Оставьте ваши комментарии:

Шалам-пополам: А что значит гражданский призыв? > > Shutiha Gitara: Это раньше с армию так забирали. Сейчас будут призывать, если снова будет опасность пандемии. > >

> Prof. Deadago: В смысле «призывать»? Если я педиатр, так меня теперь под ружьё в случае чего поставят? > > > Shutiha Gitara: Инджей ёр федерейшн лайф. BiVal: Учёные олухи посмешили. В прошлый раз просили всего процент, но спутники всё равно посыпались.

Чего ждать в этот раз? Самолётопадения? > VoiceOfHereafter: Олухи — да. У них нет готового решения, они хотят _поискать_. Секта свидетелей сыра: Чистые совсем берега попутали. Их жандармами над аггло поставили, куда они лезут? > You-уи: Может, большие территорий хотят? После удара они неплохо так расчистили место под поселения. >

> Секта свидетелей сыра: зачем? Я имею в виду, чистых земель хватает, что в P1, что в P2 — особенно юг. Огораживай да строй. > > Plodow wkusily: денежка, брат. Она хоть и виртуальная, а всё равно есть! В P1 народ до сих пор валом валит, за приписку айди готовы на всё! > > Shutiha Gitara: Да не в земле дело, ёпт! Рейдерский захват даже программа «Врём я» спецоперацией не назовёт. > > > Секта свидетелей сыра: А в чём? > > > Аничков борец: Ловите инфу! Это просто очистка территории, чтобы дикие не перехватывали

продуктовые конвои. Они несколько раз уже так напали. > > > Shutiha Gitara: Кремлеботы набежали. Василий, тебе мешков не нужно? Чтобы поворочать. > > > Rise of Chimprinks: Сообщение удалено. > > > > Аничков борец: Модератор! Оскорбление!

Flying Mac: Что там было? > Masyama: moder_proizvol.jpg > > Boogho Sapiens: Чушь. У диких нет таких мощей. > > > Masyama: Я просто прислал скрин удалённого комментария, ко мне какие претензии? Norton Conquerer: Спецоперация по наведению порядка. Хм. В ответ на трагическую гибель оперативников министерства на диких территориях. Дважды хм. История говорит, что такая спецоперация называется карательным рейдом.

> Litrii His: дык не только в этом дело. Говорят, у них ещё _сообщение отредактировано модератором_ > > Norton Conquerer: Дикие тут при чём? Они сидят у себя на радиоактивной помойке и ваггло не суются. Бред. Делать им нечего, как кормить ещё

одного нахлебника.

...Развернуть обсуждение (2511 комментариев)...

— Ты так быстро колотишь пальцами по клавишам, — поразился Диня, наблюдая за работой Леры. — Этому можно научиться? Или талант?

Он заночевал на мешке рядом с девушкой, доверчиво прижимаясь к ней в тщетных поисках тепла — бетонная коробка зимой была какой угодно, только не тёплой. Она даже сходила проверила, всё ли нормально с домашним климат-контролем. Нет, всё в порядке, тёплый ветер дует. Правда, похоже, в силу неизбежных законов конвекции, оббежав коробку и нигде не задержавшись, он просто поднимался к потолку, откуда его забирала вытяжка. Видимо, это малец и уловил, так как после пробуждения и завтраком чем бог пошлёт забрался обратно на подоконник, откуда ему хорошо наблюдалось как за действиями девушки, так и за творящимся за окнами. К сожалению, и там, и тут всё оказалось достаточно скучным, однообразным — дома стояли и молчали, Лера колотила по клавишам...

— Только научиться и можно, — кивнула она, не отвлекаясь от экрана. — От рождения мы умеем только дышать, глотать и испражняться.

— Испра... А. Понял. Всё остальное надо освоить.

— Условный рефлекс, да, — похоже, уязвимость обнаружилась, так как она тут же перестала хмуриться. — Именно по этой причине вас не привили в колыбели ещё.

— В колыбели нельзя, — серьёзно ответил мальчик. — Иммунитет не справится, и мы все погибнем. Так нам объясняли.

— Любят у нас ответственные чушь городить, конечно... Иди сюда.

Скучно ждать завершения карантина, скучно сидеть безвылазно, скучно, скучно... Нет, жаловаться не на что — коробка во всех смыслах удовлетворяла ситуации: отыграть легенду стоило полноценно, а случись вдруг okazия с нежелательной фиксацией системами видеонаблюдения — и возникнут разные неприятные вопросы. В духе — а что это вы, дорогая Бусловских, забыли на юге города, когда по всем документам куковали в карантинном боксе Невской агломерации? Упс? Вот-вот. Так что сидим, ждём, машем и улыбаемся.

И всё же деятельная натура не даёт глядеть в стену попусту. Овощ бы завёл какой-нибудь ютубчик или официально одобренное, включил котиков, мальчика бы рядом посадил — менталитет наш явно диктует, что деградировать в одиночку есть смертный грех. Ладно, ладно, овощ и в обычной жизни не сильно-то другим модус операнди может похвастаться. В отличие от деятельной натуры... Да-да, дурная голова ногам покоя не даёт. Нарвавшись раз так пять на доброжелательное требование мальчиков «сидеть и не рыпаться», она притихла. На целых полтора дня! Рекорд!

Это же так просто — сидеть, сложив лапки на коленках, и повторять себе: «я хорошая девочка, я веду себя спокойно», крутить Дине всякую анимированную дичь с пропагандой вместо сюжета и не отсвечивать. Кстати, вкладку с этим позором она не закрывала специально — в свободное время обязательно стоит полюбопытствовать, чем дышат авторы. Клюквенные псевдо-федеративные марши подложкой под истории о том, как мальчик отдал девочке последнюю фильтрующе-поглощающую коробку и велел служить верно? Попахивает расширенным сознанием.

А пока жертвой скуки одной не в меру живой девушки стала локальная сеть месткома.

Ничего такого она наискать не планировала — проверка навыка, поддержка себя в форме. Просто полюбопытствовать, что здесь будет, когда махина агломерации закрутится в полную скорость. Например, такой простой вопрос — чьи апартаменты без ведома будущего хозяина они с мальчиком занимают сейчас?

Доступ есть, поглазеть можно и чуть позже. А пока, возвращаясь к вопросу о прививках — она алыт-табнулаась на браузер, вывела страничку вики с описанием исследования воздействия вакцины на человеческий организм.

— Садись. Если будет что-то непонятно — спрашивай.

— Хорошо, — по мере чтения лицо Дини приобретало очень странное выражение — нечто вроде жалости пополам с растерянностью.

Он читал долго. Старательно шевеля губами и возвращаясь раз за разом к началу абзаца, и чем дальше, тем меньше уверенности было во взгляде.

— Я ничего не понял, — наконец признался он. — Оно вроде бы и русскими словами написано, и читается вслух при желании, но...

— Лютая заушь, да. Хорошо, давай переведём с идиотского на человеческий. Суть в чём — перестройка организма требует и перестройки мышления. Изобретатели вакцины не смогли сделать так, чтобы вы не просто двигались быстро, но ещё и могли совладать с собой на таких скоростях — то есть, помимо естественно скорости, нужна ещё и реакция, и восприятие. Это понятно?

— Вроде бы... — неуверенно протянул он. — Но почему ты говоришь, что они не смогли? Смогли!

— Наверное, я не так выразилась. В общем, нужно было сделать правильно, а они сделали просто. Вместо того, чтобы идти долгим извилистым путём, они просто прорубили маршрут в нужную сторону — образно изъясняясь. Это повлияло и на механизмы закрепления навыков.

— Навыков?

— Их. Любых навыков, то есть, логического перевода знаний в практику, выработки привычки делать так, а не иначе, и так далее. Привитые думают и делают быстро, но ни к чему не привыкают и ничего не делают автоматически, машинально.

Диня задумался. Крепко так, основательно, подпирая кулаком подбородок. Выставил свободную руку перед лицом, сжал и разжал пальцы, повертел ладонью.

— Не понимаю, — признался он. — Без привычек, получается, вообще ничего сделать не получится, кроме как дышать, глотать, и ну...

— Ты считаешь, что двигаешь пальцем, да? На самом деле, ты отдаёшь приказ целой группе мышц — неосознанно, но привычно. А если хочешь, можешь последовательно напрячь или расслабить каждую мышцу из этой группы. С жеванием та же история. С хождением. С речью.

— Да-а? — мальчик на миг задохнулся от обиды. — Нас обманывали, получается? Но тогда почему нам говорили...

— Так эта информация из открытых источников. Кто угодно может зайти и посмотреть. С комма, с персоналки, откуда угодно. У вас там ничего такого не было, что ли?

— Нет, — Диня погрузтел, отвернулся, а выглядывающее из-под светлых вихров ухо порозовело. — Коммы дорогие очень, а нам не так много карманных денег давали. Я не хочу больше об этом говорить.

— Министерство сейчас — самая богатая структура. Не верю я, что они не могли

обеспечить своих питомцев средствами связи.

Диня смолк окончательно. Ушёл в себя, может, или обиделся — Лера не знала.

«Никогда не умела нормально общаться с детьми, — досадливо поморщилась она. — Да и где б научиться, в семнадцать-то лет?»

— Я что-то плохое сказала? — молчание ответом. — Динь?

Он отвернулся окончательно. Но на подоконник не ушёл — то ли не захотел, то ли решил дать своей недогадливой опекунке шанс на диалог.

В комнате повисло молчание — глухое, тяжёлое, от которого, как от духоты, хочется распахнуть форточку. Только вот окна глухие, а снаружи ровно такая же тишина — повезёт, если рывкнут неподалёку сирены кареты за неудобными. Пиликнул и тут же полузадушенно смолк комм, лишь усугубляя неловкость.

«Требуется хороший снайпер, — что ж, у нелегалов свой особый спам. — Оплата в BTC или эфиром.»

Фыркнув, Лера удалила сообщение с биржи. Несмело коснулась плеча мальчика:

— Послушай, извини, — попросила она. — Не знаю, правда, за что — мы так мало общались, что я пока ещё не выучила как следует разрешения и табу. Ты в следующий раз говори, если тема неприятная, и ты не хочешь о ней говорить, ладно?

Молчание в ответ.

— Диня, не дуйся, — совсем упавшим голосом потребовала Лера.

— Я не дуюсь. Просто... Ну...

— Что?

— Мы не были там с самого начала.

— Разве? — удивилась она. — Мне казалось, что питомники...

— Приют для детей-сирот и так далее, — ровно ответил мальчик. — Мы там росли сначала. А в питомник приехали только-только вот.

«Что ж, логично, — с непонятной злостью согласилась Лера. — До бесчеловечия рационально и логично. Министерству нет нужды заводить себе инкубаторы по выращиванию новых монстриков — с той пафосной чушью на экранах они могут ездить в турне по приютам, и отбоя от желающих не возникнет».

— А в приюте у нас был только старый компьютер в библиотеке, но туда очередь постоянно, и офицер-надзиратель смотрит, чтобы не ходили куда не надо, — всё с тем же равнодушием продолжил мальчик. — Негде нам было посмотреть «открытые источники». Что говорил офицер, то и правда.

— Прости... — покопавшись в рюкзаке, она добыла конвалюту с аскорбинкой. — Хочешь конфетку?

— Это таблетка, — осторожно покосившись через плечо парировал Диня.

— Это аскорбинка. Вкусная! Вот, смотри, сама пробую. — Она закинула сразу две шпуки в рот, протянула початую пачку мальчику. — Бери, не стесняйся.

Он и взял.

— Вкусно, — с неохотой признал он.

— Ну что, мир?

— Угу.

— Ладно, тогда продолжаем перевод статьи. Принципы работы привычек понятны не до конца, хотя учёные считают, что это перевод сознательной работы в бессознательную. Ты неосознанно ходишь, дышишь; читаешь ты не по букве, а сразу словом, предложением или

целым абзацем. Да со всем так! Если бы ребёнку в младенчестве поставили «прививку», он никогда бы не заговорил, не пошёл, не научился бы делать что-то бегло.

— То есть, нас откормили, по сути, — с непонятной взрослостью заметил Диня. — дали научиться и привыкнуть, а потом...

— Такие дела, — Лера закрыла вкладку и вернулась к потрошению локальной сети. — Им бы, может, и удачнее всего с роддома набирать солдат — выбора-то нет, или так, или вообще никак. Без поддержки министерства «чистовик» очень быстро загнётся. Плюс скорость — совершеннолетия солдат достигнет лет за пять...

— Почему без министерства никак? Разве они не могут просто уйти?

— Могут, могут, — рассеянно кивнула Лера. База нашлась, наконец. — Ага. Хочешь узнать, чьи хоромы мы занимаем?

— Чьи?

— Якуневич Катарина Лукьяновна. Дата приписки... хм... Через четыре месяца. Посмотрим-посмотрим. — Она вывела информацию по другим апартаментам. — Ага. Смешно.

— Что там?

— А это люди, которые ещё не приехали, не получили приписку. По закону им не имеют права продавать жильё в черте агломерации. Это же другая автономия, они нам никто.

— Другой город?

— Ага. Наша Катарина собирается в июне прибыть автобусом из славной автономии «Ковровской». И таких целая куча, м-да...

Компромат во всей красе. Пожалуй, следует это забрать и потом поделиться с друзьями. Нет, разумеется, не прямо сейчас, и даже не завтра — до завершения карантина ещё семьдесят два часа — но мир должен знать своих героев. Должно быть, что-то очень вкусное в клювике несёт Катарина Лукьяновна, раз её в обход обычной процедуры вида на жительство заселяют. И таких, надо понимать, тут целая агломерация поселится — понаехавших из городов с чистым воздухом и водой, с возможностью открыть окно, с вечерними прогулками на свежем воздухе! И зачем их сюда несёт?..

Оба Радиосити больны и смертельно опасны. Но пипл продолжает ломиться сюда. Раньше-то понятно, зачем — длинное евро, удобства, цивилизованные страны рядом. А сейчас?

Менеджер подал звуковой сигнал — база «апартаменты» успешно уткнула на обменник под паролем, и Лера открыла следующую — с интригующим названием «апартаменты плюс».

— Ярош Изольда Матвеевна, — пробормотала она, пробегая глазами поля формы, — метраж, этаж... И что в этом плюсового?

— Изольда... Какой этаж? — вдруг подал голос Диня.

— Двадцатый. Она... Сейчас погоди. Да, в этой же квартире будет жить, но через десять лет. Этот же этаж, эта же квартира.

— Да нет же, — мальчик бессовестно ткнул пальцем в экран ноутбука. — Смотри! Не двадцатый, а двадцатый «плюс». Видишь?

— Ну, допустим... И что?

— Я знаю эту Ярош. Она из нашей группы.

— «Привитых»?

— Угу. Открой чертежи дома, посмотри...

Она и открыла. Посмотрела. Покосилась на мальчика, сидящего с видом «я же говорил». Имел право, блин — он действительно говорил.

«Плюс» — это действительно новый дом, по сути, поверх дома. Ещё двадцать этажей огромной мансардой.

— Откуда ты узнал?

— Приют занимал этажи с плюс второго по плюс пятый. Всего у мансарды было семь этажей, — он пожал плечами. — Я запомнил.

— Тоже из этого пластбетона?

— Нет. Дом старый, крепкий.

— Вот как...

Чудные дела творятся в датском королевстве. План-схемы тоже забираем, значит. Источник... Разумеется. Радиосити 1. Там они прижились ох как неплохо. Только там песок, да? А тут радиоактивное болото. И, кажется, кому-то всё равно, как поведут себя дома по столичному проекту в немного других условиях. Тоже забираем.

Мессенджер. Логин.

Buss: Ребята, от нечего делать полазила в сети убежища, раскопала кое-что интересное.

Foxie: Ну-ка, ну-ка.

Buss: Ссылки аттачем, там любопытные документы генподрядчика. В двух словах — на наших топах хотят по столичному образу и подобию громоздить небоскрёбы.

Lil'Prince: Так обвалятся же.

Buss: Пока нет. Начнут достраивать дом сверху — обязательно.

Lil'Prince: И что, так со всеми?

Buss: Я глубоко не копала, только месткомовское. Но дома вокруг такие же, материал тоже. Думаю, намёк ясен.

Lil'Prince: Эх, такое замечательное укрытие. Мы покурим и выкатим в свет, когда вы переберётесь домой.

Foxie: Как там пацан?

Buss: Скучно ему. Нужно осваивать способности, учиться, но фига с два я буду таким заниматься без домашней аптечки. Сидим смотрим мультики. А у вас что нового?

Lil'Prince: Видела новости? Грядёт новая вспышка. Так что запасаемся батарейками и непрошитыми коммами.

Foxie: И туалетной бумагой.

Buss: Очень смешно. А если серьёзно?

Foxie: А если серьёзно, Роза, то слева сезонная пандемия, справа радиация, а сверху непонятно чего ждать.

Lil'Prince: Вряд ли стоит ожидать второго инцидента, но говорят яйцеголовые об одном, а считают совсем другое. И убытки там такие...

Buss: Не знают, что делать?

Foxie: Понятия не имеют. Просят юзверей посчитать парочку моделей. Хотя ерунда это всё, конечно...

— Значит, я никогда не научусь так же барабанить по клавишам, да? — Лера отвлеклась на тихо сидящего рядом мальчика. — И ничему больше не научусь?

— Прости.

— Да ладно. Надо относиться правильно — если нет привычек, то всё будет каждый раз как новое, да?

— Наверное... — честно сказать, никогда она с такой позиции психику «чистовиков» не рассматривала.

— И мои любимые вещи не смогут мне надоесть? — с непонятым огоньком в глазах продолжил Диня.

— Э... Только не говори, что...

— Да! Да! Заново, заново!

Вздыхнув, Лера скомканно попрощалась с друзьями и вернула вкладку видеопроигрывателя. Плейлист завершился, и она уже подумывала о поиске чего-нибудь действительно интересного, но раз так — что поделать.

— И чем тебе этот бред нравится? — проворчала она, включая воспроизведение с первой части «Приключений».

— Мы его всегда в приюте смотрели, если разрешали экран включать! Мне очень нравится!

— Смотри, раз нравится.

Дети любят мультики — это она точно знала. По себе знала. Даже если мультики — откровенная ерунда.

На этой стене всего сорок семь имён, и последние два нанесли только что. Техник отклеил гравирующую плёнку, посветил последний раз хитрой лампой — и в металле появились два имени, что ровным счётом ничего не говорили Хантеру. Так уж случилось, и хоть дядя яростно отрицал, но возобновление программы и спасение мающегося от безделья агента со дна слишком уж одновременно случились. Так что явно не до знакомств было, не до походов на вечера встречи выпускников... Кхм, простите, выживших.

Ещё через два года новые сироты войны встали под имперский триколор, и в этот раз выживших оказалось так много, что министерство начало открывать филиалы. Конечно, в Радиосити это нужно, «чистовики» создавались как ликвидаторы будущего. Только вот частенько в этом слове можно уловить не только борьбу с экологическим бедствием, ох и не её одну...

Так что превратившийся из агента Эс в Хантера отправился на свой первый вызов аккурат к моменту призыва третьей волны сверхов. Теперь вот хоронит их.

— Неправильно это, — негромко сказал он, пробормотал под нос. — Слышишь, Припяты! Неправильно!

Здесь нет загоризонтных локационных систем, нет тайн, за которыми могли бы гнаться с гайками наперевес идиоты в противогазах. Что уж говорить про... В общем, Радиосити ровно такая же скучная и бестолковая, как и ЧЗО. Отличие в том лишь, что здесь как-то умудряются жить люди.

«Верно, — хмыкнул он себе. — У нас же не электростанция...»

Осёкся, прикусил язык. Столичным идиотам можно похвалиться, у них под боком не стоят кордоны, оберегающие электросердце северо-запада. А если Сосновка рванёт... Положим, Хантер-то точно выживет. И все остальные чистовики даже не почешутся — глотнут парочку таблеток сходят в душ. На этом «страшная радиация» исчерпает доступные угрозы.

С востока громыхнуло, полыхнуло заревом, выкрасившим мир в золото и кровь. Дошли руки, похоже. Или бюджет выделили. Так или иначе, а север центра решили сровнять с землёй, невзирая на всю его историческую ценность. Порывом ветра бессильно ударило в затянутую свинцовой бронёй грудь, разбилось об очки, и Хантер, отбросив сигарету, вернул маску респиратора на место.

Кто и зачем сделал мемориал «дементоров» в безрайоне, да ещё и в одном из самых опасных мест, сейчас уже и не вспомнишь, наверное. Но буквально в двух кварталах к юго-востоку пала Дэ тысячу лет назад, чуть позже в память о первой жертве «гражданки» кто-то свинтил оттуда название улицы и присобачил к зданию питомника. Там не так активно фонило, и дикие могли позволить себе даже кое-какую мародёрку, не опасаясь светиться по ночам. Там могли, а вот сюда, конечно, соваться порошу не хватало — даже в трофейных РХБ, превращающих диких в достойную партию «дементорам».

Элегия гранита и мрамора утратила рифму, захлебнулась излучением, и безразличные ко всему ликвидаторы снесли всё. Упаковали в просвинцованные чехлы, вывезли на периферию. Было утро, был вечер, день чёрт пойми какой. Главное, что наутро уже маячила угрюмым обелиском эта уродливая металлическая хреновина. С первым именем на плоской стороне — агент Дэ. Идеальное место памяти и скорби для сверха с толерантностью к

заражению — здесь не побеспокоят, не помешают и не встанут над душой с глупыми вопросами.

Но хватит. Переждав пыльный шквал, Хантер зашагал к торчащим неподалёку бетонным блокам ограждения. Работа не ждёт.

Дома, признанные потенциально неплохими, угрюмо нахохлились, провожая агента подозрительными взглядами. Как же, их строили гении по проектам сумасшедших, вливались эквиваленты госбюджета какой-нибудь Кот Д'Ивуар, цемент на сыром яйце и, конечно, парочка смертников в фундаменте... А теперь придёт какой-нибудь такой плывущий чёрный, выломает всё, переделает по-своему, отделит некогда шикарные хоромы, разобьёт на жилые герметичные капсулы, пробьёт каналы для коммуникаций... Или вовсе заморачиваться не станет — новостройки из пластбетона куда удобнее и безопаснее. Так что хай стоят старики памятниками самим себе. Быть может, через сотню лет кто-то снова будет здесь гулять, дышать без маски и любоваться небом того, правильного оттенка.

Не при жизни Хантера, это точно. Он покосился на расплывчатое пятно вместо солнца, еле пробивающегося сквозь висящую в воздухе мутную хмарь. Яйцеголовые грозились, что скоро оно опять сделает бяку, просили помочь им решить проблему и в целом записывались чуть ли не в спасители человечества. Хантер не видел в этом насущной потребности и хоть какого-то смысла. Вот вообще. Он принимал документы о системах видеонаблюдения в одной из купчинских новостроек, между делом пробежался глазами по смежной документации. Так вот, эта стояла и стоять будет. Ровным счётом нифига с ней не приключится. Равно как и с её дорогими жителями — не моргнёт свет, не пропадёт связь, звёзды Полюнь не посыплются в души и источники вод. Обыватели, вероятно, даже ничего не заметят. Даже после новостей на первом правительственном.

— Скучно это, — хмыкнул он, протискиваясь через турникет наружу. — Вот политические дразги, светская хроника — это да.

Машинально глянув через мутное стекло будки в поисках хоть какого-то секьюрити, разумеется, никого не обнаружил. Кому, зачем сторожить радиоактивный пустырь с невесть откуда взявшимся алатырь-камнем? Покрадут? Ну, удачи в краже пары тысяч тонн фонащего металла. Должность устранили. Даже самым бестолковым «привитым» государство находило места поинтереснее, спрос ощутимо обгонял предложение. А здесь...

Старый фанерный стол с миллионом бумажек под органическим стеклом, тумбочка с пожелтевшим от старости и облучения электрочайником да диван в подпалинах от сигарет.

— Хм, — на диване, будто дожидаясь невесть куда удалившегося хозяина, лежала на страницах распахнутая книжка в тёмно-красном переплёте.

Ручка легко повернулась, дверь крякнула, открываясь. Тёмное помещение каптёрки дохнуло на него заброшенностью и одиночеством. Хантер поднял книжку, прочитал название.

— Город-сад. Ну надо же, — автор не был знаком, но идея увидеть на месте уныло-пыльной плоскости — отражения такой же уныло-серой плоскости над головой — хоть что-то яркое и нарядное...

Наверное, дежурный до последнего мечтал, что вот-вот свершится прорыв, учёные сообразят самый оперативный и безболезненный способ дезактивации — и вот-вот по пустым улицам безрайонов подкатит строительный транспорт, забегают рабочие... И к небу устремится что-то необычное, новое, невероятное! Город-сад.

«Надо бы узнать, кто здесь дежурил, и вернуть сокровище» — он ускорился и через пять

субъективных минут уже плескался под вонючей химозой, тщательно вымывая из себя все возможные «подарки» заборной «зоны». Глупо, конечно, нерационально. Пыль полежала чуть-чуть, напиталась частицами — и полетела через забор на чисто вымытый асфальт, в фильтры воздуха агломераций, на волосы и одежду людей. Это центральным хорошо — они себя огородили куполом как настоящие марсиане. Остальные же... «Граждане, без веской необходимости просьба не покидать жилых помещений!» Комендантский час. Длинной в целую жизнь.

Привычное бытие. Подходя к двери, он почувствовал, как зажжужал в кармане комм, и потому достал не айди, а аппарат — с его помощью тоже можно было попасть внутрь. Приложил к магнитному замку, открыл тяжёлую дверь и только после этого посмотрел на экран. И задохнулся — гаджет отсчитывал положенные секунды продувки.

Расслабился агент, почувствовал себя в безопасности. Цедя непечатное, он вернул отстёгнутую маску на место и, преодолевая сопротивление четырёх атмосфер, неторопливо зашагал вверх по лестнице.

«Ваша учётная запись заблокирована за бездействие! — первое, чем обрадовала домашняя машина. — Вы больше не можете посещать форум, оставлять и читать сообщения!»

Чёрт. А всего-то оставалось — ещё неделю. Ну, четыре по его меркам, но тем не менее. Три сотых битка, конечно, никто не вернёт, а генерировать «контентий», чтобы укладываться в требования партии, ему претило настолько, что... В общем, Юр Сёмыч вошёл в положение и снабдил на первое время. Недостаточное.

Чай дымился, сигарета дымилась, а он смотрел куда-то вдаль, и перед глазами стоял тот серый пустырь, белёсый до омерзения, будто поросший плесенью и тленом. Даже когда шёл дождь. Обычно благодарная земля, напитываясь влагой, раскрывала объятья новой жизни, выкидывала тот самый петрикор — начальство ещё нос морщило, грибами пахнет, мол. На пустыре же пересушенная дрянь вбирала в себя всю воду и оставалась сухой, и ни один яйцеголовый не знал ответа — почему.

Да и до того ли этим замечательным учёным мужам? Нафига решать проблему изувеченного вещества, зачем уподобляться червям и копать в земле, когда можно устремить взор ввысь, в небо, в космос! А это... Само пройдёт. Как-нибудь. Вроде пандемий, косящих Федерацию с востока каждый год с такой успешностью, что врачей-добровольцев уже вовсе не осталось.

— Алло, Юр Сёмыч. Меня пнули с форума эздэшников. Да, за бездействие. Как там наш Джулай, есть ещё? Хорошо, буду обязан.

Преступник сидит, а пользу приносит. Хорошо. Ещё три сотых битка — сумма небольшая, но в этот раз нужно удержаться! Месяц активности — и плашка превратится в золотую, а с «активистом» выйдут на связь капралы организации. Должны выйти. В конце концов, с любого другого края этот монолит пока взять не удалось.

Но есть хотя бы что-то для засылки «сыщикам». По гадам-правдорубам пока только их официальные заявления да поступки.

Пискнул комм, одновременно с этим всплыло уведомление ленты биржи — неуловимые хакеры опубликовали новую пачку полезностей и интересностей об окружающем мире.

— Ну-ка, что тут у нас.

Выжженная серость за окнами налилась апокалиптическими цветами, канула во тьму. Негромко щёлкнули реле автовключения света, загудели вентиляторы системы регенерации

воздуха. Хантер отхлебнул горячей бурды, идентичной натуральной, щёлкнул на уведомление о скачанном файле, открыл. Сигарета переехала в уголок рта, чтобы не дым глаза не ел, документ распахнулся на весь экран — крупные буквы, хорошо подобранный шрифт...

Правда, в этот раз мелочь какая-то ерундовая. Конечно, застройщик смухлевал со сроками и передал права на жилище раньше получения айди Радиосити 2, но это вовсе не конец...

Сборщик ленты пискнул снова.

— Разогнались они что-то. Надеюсь, в этот раз что-то интереснее? — курсор лениво подполз к новому файлу, щёлкнул.

Хантер забыл о сигарете и дымящемся чае на бесконечных пятнадцать минут. Он перечитывал документ снова и снова, не стеснялся использовать поисковик, вики и научные словари в поисках непонятных терминов. В какой-то момент даже сбегал за карандашом и листком бумажки и самолично посчитал непонятные ему моменты.

Всё верно. «Экзюпери» и до того не особо гнались за желтушной популярностью и кликбейтовыми заголовками. Всё по существу — коррупционеров называли ворами, откатчиков вывешивали за ушко да на солнышко... Но раньше их интерес не касался науки — исключая, конечно, то дело о пиратских медикаментах.

А тут всё верно. Всё правильно. Цикл одиннадцать лет, своего рода кулдаун реакции — и оно снова жажнет. И жажнет так, что...

— Бяку, значит.

Он открыл второй файл во вложении, где с помощью «вики утечек», взломанных переписок и сопоставления фактов доносилась до общественности одна жуткая в своей простоте мысль.

— Похоже, они решили не отсиживаться, — одобрительно кивнул Хантер. — И на объявление войны решили ударить первыми. Хвалю, поддерживаю... Ненавижу.

Инцидент Снайдера, страшнейшая трагедия двадцать первого столетия, в результате которой несколько миллионов человек погибли сразу и гораздо, гораздо больше скончались позже — из-за болезней, неурядиц и банальной неприспособленности к апокалипсису. А из зловонной клоаки разложившихся от болезней душ вылупились на свет божий чёрные страшные «дементоры». «Чистовики».

Вот, где проходила логическая цепочка, что пропаганда всегда пропускала мимоходом. Вот то самое звено, на которое отвечала интуиция. Полковник НАСДАК, конечно, герой и сделал очень многое для того, чтобы примирить стороны и объяснить всем, что произошла трагическая случайность. Но он был позже, а до того...

Сердце кольнуло, и Хантер, поднявшись, сходил к аптечке, достал спец-анальгетик, кольнул в бедро — простые человеческие средства уже не помогали. Хотелось рвать, ломать шеи, походя размазывать головы о стены — всё как учили инструкторы. Совершенное оружие — человеческое тело — прекрасно знало, что делать. Вот с разумом наблюдались проблемы.

— Ладно, — Хантер стиснул зубы, переживая кратковременную алую вспышку боли от сильнодействующего лекарства, зло затянулся сигаретой и проковылял к окошку, уставился не то далеко-далеко за стены агломерации, на мёртвые жадные белёсые пустыри проклятых земель, не то — себе в глаза в отражении. — Ещё раз и по очереди. Если они не врут.

Память, подстёгнутая куревом, бурдой и новой информацией, раскрутила маховик,

заревела, помчалась навстречу месту, где всё просто, логично и по полочкам.

В мае двенадцатого солнце жажнуло с такой силой, что захлामीло радары противоракетных систем. И было это не только у нас, но и у «вероятного противника». И у кого-то разыгралась паранойя, приказ «пли», и по потылице топор хлещет люто...

Нет, не всё так просто и однозначно — тут хактивисты правы. Для удара «стратежкой» недостаточно желания левой пятки очередной паркетной вши — необходимо согласование, второй ключ и часть кодов, которые есть, разумеется, у верховного главнокомандующего.

Нет, случись что — процесс ускорится! Вон, как наши среагировали — по Радиосити ещё не ударили боеголовки, а в обратку уже полетел подарочек в мегатонном эквиваленте. Один звонок с телефона без диска, короткий приказ. Но это у нас — обороняющихся, вынужденных бить по морде в ответ.

А вот приключения на той стороне океана до поры оставались тайной за семью печатями. Недостаточно крепкой, как оказалось — должно быть, «Экзюпери» придерживали самый главный аргумент на тот самый чёрный день. Что ж, видимо, объявление войны показалось им достаточно чёрным.

Итак, что стало известно — да, параноили по обе стороны Атлантики, шаловливые ручонки тянулись к красным кнопкам и там, и сям. Но! Команду на запуск подали до того, как штатовский главком успел что-либо сказать или сделать! Кто-то, оказавшийся за пультом, обладал нужными ключами — как цифровыми, так и физическими. Кто-то, неведь откуда взявший в мирное время две обоймы для табельного М9 и перебивший расчёт. Кто-то, с попкорном пронаблюдавший уход стальной свечи в небо и застрелившийся потом.

Кто-то с зелёным земным шаром, набитым на плече.

«Свободный день».

Заголосил комм, и Хантер поглядел на него как на ядовитую змею.

«Зашевелилась, падла, — в нём будто выжгло что-то и злорадство, и ярость, и обиду, — спохватилась, что единственный спец, способный хоть на что-то, ловит тараканов с баллончиками и расследует махинации с документами. Полная загрузка? Хрен тебе в рыло!»

— Да, Юрий Семёнович, — взял он трубку.

Пещера не была такой уж глухой, и лужа вовсе не выступала помехой для обзора изнутри, привыкания к внешнему освещению... И всё же дневной свет на мгновение ослепил меня, когда я, поёживаясь от холода и сырости, вышел в оживлённый лес. Или то был вовсе не дневной свет?

— Ай! — руку пронзило болью, я машинально треснул по пострадавшей конечности, будто прибывая комара.

«Комар» тоже повёл себя странно — он ослепил меня ещё раз, и тут же тянущее давление на предплечье исчезло. Хотя никуда не делась боль — какими бы габаритами ни обладали местные кровососущие, размерами челюстей их природа явно не обделила.

Но пропал, это самое главное. Прижмуриив больные глаза, я прислушался к окружающей действительности — последние два дня меня очень хорошо научили постоянной бдительности! Пусть до сей поры угрозу представляли лишь флора с экологией — ни одной причины считать, что фауна хоть в чём-то им уступает, не было. Лес шумел, гомонил, пах сыростью и густым, тягучим соком зелени. Даже зажмуриившемуся мне хватало раздражителей и ориентиров, чтобы понять — «дождик» привнёс немножко жизни в размеренное бытие аборигенов. Чуточку совсем.

Глаза пришли в норму, кажется. Ни разу не попадал под так называемую «вспышку», используемую спецслужбами при штурме помещений, но что-то подсказывает — впечатления примерно те же. Разве что нет болевого удара звуком, но во всём остальном налицо самые прелестные симптомы — дезориентация, слепота, шок. Бери такого беспомощного голыми руками, несколько ближайших секунд он ровным счётом никуда не денется!

Разумеется, перво-наперво собственное здоровье и самочувствие — на предплечье буквально в паре сантиметров от «цветочка» красовались две кровоточащие дырочки, какие мог бы оставить укус змеюки с моей далёкой родины. Но сознание не плывёт, не тошнит, жара нет — следовательно, либо яд зараза впрыснуть не успела, либо одного яда и вовсе нет. Значит, живём — благо очищенная вода прямо за спиной, два шага назад, промыть рану можно без проблем. Ни бинтов, ни хотя бы лейкопластыря, к сожалению, но, похоже, это не так уж и смертельно — проснувшуюся фауну запах моей крови, видимо, не привлекал совершенно. Им куда ближе и вкуснее казались соседи по планете.

Чуйка всё это время спала, не сигнализируя об опасности, так что я неторопливо обернулся и осмотрелся вокруг. Заполошное мельтешение оказалось такими же вспышками, только... Направленными, что ли? Их хозяева — небольшие, похожие на этакую помесь волка и ласки, белоснежные и явно хищные, чем-то странные зверушки — носились по веткам деревьев, охотясь на знакомых уже белок. Найдя одну такую, зверушка подступала к тени поближе и сверкала от души... И, похоже, слепла сама? Иначе как объяснить её неуверенные перемещения в пространстве?

— И как они только естественный отбор пережили? — я пригляделся внимательнее.

А, нет. Вру. Никакой само-дезориентации. Заодно и дошло, почему сознание нарекло их «странными». Хищники были слепыми как крот! Нет, не в том смысле, что маленькие глазки и приспособленность к жизни под землёй — хотя юркие зверьки вполне могли жить и там. Глаза у хищников отсутствовали вовсе, и ориентировались они, похоже, с помощью

совсем других органов чувств. Не сказать, что совсем уж плохо — то и дело одна из «белок» оказывалась в зубах хищника, и тот, довольно встряхнув добычу, скрывался в джунглях. Но бывало и так, что насторожившийся грызун реагировал на вспышку, успевал либо отскочить, либо отвернуться, и тогда хищник уходил несолоно хлебавши.

— Ну, разумеется. Тене-белки и слепые свето-волки. Дедушка Дарвин нервно смеётся.

Мою язвительность можно было понять — страх и ужас, и хищный укус в качестве первого же «привета» от едва очнувшегося от ливня мира. От локального конца света, если хотите — а уж то, что он сотворил с моим укрытием...Короче говоря, мне было страшно сделать первый шаг. Пусть деревья развернули листву обратно нормальной зелёной стороной кверху, пусть в кронах шуршит весёлая возня пожирающих и пожираемых — сделать шаг от лично настроенной зоны комфорта казалось чуть ли не подвигом. Вспомнить хотя бы лужу, перекрывающую выход, её состав. «Дождик» явно не выпарился бесследно, на траве обязаны остаться следы солей, любой контакт приведёт к очередной почесотке, если не отравлению!

И так в целом и было. Этакая небольшая полянка, густо поросшая травой, отсвечивала белёсым, деревья тоже будто выкрасили муниципальной краской от жуков и вредителей. Страшно, очень страшно. И всё же — в прошлую мою вылазку я не только пересёк полянку, но ещё и забрался на дерево, добыл чуть-чуть провизии и познакомился с «белками» — и всё это мне никоим образом не аукнулось.

Следовательно, что? Правильно, соли утилизируются тем или иным способом. Либо влага в воздухе их понемногу растворяет, и зелень впитывает образующийся концентрат, либо... Ну не, слабо верится мне в то, что зверьё может это жрать. Вернее, самой возможности не отрицаю, но анчар! Вокруг него зона отчуждения никуда не делась, и выступившие соли разводами украшали кору. Да только и там её в прошлый раз не было. А я сомневаюсь что-то, что кому-то хватит ума прыгать по ядовитому даже по местным меркам дереву. Значит, сами растения? Но как быстро?

Я пересчитал имеющиеся плоды. Хватит на день-два, если не испортятся до той поры. А потом придётся рисковать и делать вылазку. В крайне случае использую юнан пиро и спалю отравленную мураву, освобождая себе путь.

— Айл би бэк, — погрозился я миру. И обернулся к нему пятой точкой. Куда тут же знакомо вцепился «световолк». — Ах ты ж дрянь паскудная!

Но бить не стал. Во мне пробудился натуралист и требовал изучения новых аспектов этого сумасшедшего дома. Так что потихонечку, ребром ладони по макушке...

Тварюшка взорвалась со вспышкой света, видимой даже сквозь машинально вскинутую к глазам ладонь.

Что ж, похоже, сегодня без свежатины и вскрытий. Беда-печаль.

Глубоко вздохнув, я промыл и эту ранку. Вдохнул последний раз знакомо-вонючее амбре душного просоленного леса. В голову пришла любопытная идея.

— В конце концов, с лужей сработало, так? Так? Почему бы не сработать и здесь.

«Цветочек» перекинулся в изломанную органическую формулу, а я расставил юнан с шагом в пару метров по всему периметру. Конечно, гео внутри пещеры работает, но если из-за конденсата местной влаги всё потечёт ко мне в пруд, одна она не справится. Так что будем работать и изнутри, и снаружи.

— Как-то так? — вокруг пятен в траве стремительно наливались сочные зелёные пятна в бесконечном белёсом ковре. Работают, значит. Не знаю уж, смоем их дождём или росой, но пока работают... — Айл би бэк ещё раз!

И заплескался по колено в воде обратно в своё тихое, уютное, а самое главное — не отравленное убежище.

«Я не сплю, — чётко отозвались под-, над- и прочие сателлиты когнитивного настоящего. — И даже не нанюхался химозы из хрен пойми чего. Это просто...»

Просто что?

* * *

Этим перешейком я ходил тысячи раз. Оскользываясь на мокром суглинке, вбивая тяжёлые ботинки в неверную почву поглубже, чтобы не навернуться вниз — а падать далеко. И в обход идти не хочется, если честно — люди там, очереди на мосту и вонь машин. И люди. Хотя я об этом уже говорил. Но здесь-то спокойно, пусть скользкая грязь и делает спуск опасным.

Но сегодня иначе всё. От перешейка название только осталось, дождь из моего будущего заявился и сюда, а он очень любит мелкодисперсные наносы, суглинок, почву, не скреплённую корнями — и сутки мутных потоков спустя полуостров превратился в полностью изолированный почти континент. От берега можно добраться разве что лихолесьем. Хотя, если брат узнает, что я прыгал по мокрым деревьям — ей-богу, голову оторвёт и будет в своём праве!

— Прости, брат, — усмехнулся я, примеряясь к достаточно прочному на вид дубу в пяти метрах от обрыва над ревущей мутной водой.

Рюкзак хлётко ударил по спине, потянул влево, но я уже нёсся к следующему дереву. Автопилот строил маршрут быстрее, чем я мог думать, и не оставалось даже времени холодно ужаснуться, что промахнись я хотя бы на сантиметр — и не то что голову сломаю, а захлебнусь к чёртовой бабушке...

Дверь в избушку скрипнула, выпуская наружу клубы синтетического никотина, японской куриной лапши и растворимого инстант-алкоголя.

— Здоров, брат, — фыркнула гора плоти из угла, подслеповато щурясь в светящийся экран. — Зачем пришёл? — Мать беспокоится. — Боится, что недоедаю? — захохотал он. — Как твоя рана?

Он помрачнел, отвёл глаза. В темноте избушки ярко вспыхнул диод электро-кальяна. Брат пристрастился к этой ерунде сначала в качестве разгрузки, чуть позже — как к эпатазирующему раздражителю. Правда, кроме меня он эпатировать никого не мог: семья наша разъехалась из Благограда преимущественно по столицам, остались лишь мать и я.

— Уроборос держит, — неприязненно ответил он. — Покажи. — Держит, я сказал! — зарычал он. — Брат. — Ох, ладно, — он спустил рубашку, повернулся ко мне плечом, подсветил экраном.

Поверх скверной даже на вид раны зубасто ухмылялся вечный змей, жрущий собственный хвост. И это, конечно, тоже полная ерунда. Уроборос, Ёрмунганд, Йотуны и прочая старшеэддовская чушь, актуальная где-то за пять тысяч кэмэ от нас — там, где некогда рыжебородые оболтусы бешеной волной нагнули сначала холодных британшек, а чуть позже — и всё, до чего смогли дотянуться. Но вот жеж...

— Все процессы полностью остановлены. Дефертилизация, — он подмигнул. — А что с ощущениями? — Да не чую я нихрена. Слушай, может, по маленькой? — он подмигнул, кивая на наиболее тёмный угол, хранящий в себе то, чему света белого лучше не видеть — ибо «вышибает градусы, свет этот чёртов». — За встречу. — Брат, тебя отрезало от большой земли. — Вот уж ребута чего я точно никогда не потребую, — фыркнул он. —

Значит, сюда эта сволочь точно не полезет. — Эта «сволочь» сейчас во главе местного отделения. Неужели ты ничего сделать не хочешь? — Нет. Я знаю, что ты хочешь сказать — мол, притворяясь, что ничего не происходит, я лишь поддерживаю этим сволочей, подстреливших меня в тайге. На деле — нет. Сволочи вымрут. Понимаешь? Они все сдохнут, а я даже не постарею. — Ты останешься старым. — Я мужчина в полном расцвете сил! — обиделся он. — Ещё чуть-чуть — и начнутся возрастные болячки, и мы от того застрахованы! — Ты, а не я.

Подставляюсь, знаю. Если захочет, брат меня сейчас по стенке размажет — ему хватит и ума, и силы, и скорости. — Пиро! — крикнул он. И стал свет.

Я поморщился — понятия брата об удобстве и комфорте сильно различались с моими. Но туалет в самом деле никогда не вонял, не служил источником заразы, в доме было тепло даже в лютые сибирские морозы, а когда с Семипалатинска веяло вкусняшками, только он один из всего города не свалился с острым респираторным.

— Зови мать, приходи сам, — этот разговор продолжался, кажется, целую вечность. — Долечу — и позову, — аргументы не менялись ровно столько же. — Ты её никогда не долечишь, брат, — поморщился он. — Сколько тебе ещё объяснять: у неё хреновая наследственность, в её возрасте мы каждый будем такими же! — Но не ты. — Угу. Ну так что... — Ничего, — поморщившись, я снял рюкзак, начал выкладывать на стол новую партию жижики для кальяна, «обжираки», спиртовые таблетки. — Что-то случилось?

При всей своей раздолбаистости брат продолжал оставаться крайне чутким и деликатным существом. Даже сейчас, в неверном свете иллюзорного огня, он умудрился заметить мимолётную гримаску боли. Хотя я прятал, правда.

— Не отвлекайся. — Брат! — Ох, ну ладно, — я повернулся к нему спиной, приспустил с плеча свободную рубаху. — Натёрто-то как. И ты с таким до меня добрался? Не дёргайся, — он вскрикнул негромко, забормотал, — О хронос стамата зои, о стаматисе и зои. Стаси! Уроборос!

Плечо прижгло холодом, и неприятные ощущения от стёсанной грубым брезентом кожи тут же пропали. Цена известна — дисгармония времени, разность скоростей... Под пальцами брата вспыхнула и почернела петля-бесконечность скандинавского змея, жрущего собственный хвост...

* * *

Я проснулся и задумчиво повторил.

— Уроборос.

Это же юнан, да? Определённо! Не магия, не руны или печати. Овеществлённый механизм природы, работающий в локально огороженном пространстве. «Стаматисе и зои, стаси» — это, кажется, на одном из старых языков Земли. Остановка что-то там... Почему-то я помнил и это. Так что нет, юнан определённо могут решать глобальные проблемы, но едва ли смогут подлатать раненого бойца. И Уроборос...

Спохватившись, я ткнул на «цветочек» — гидро, пиро, гео отозвались, смолчал лишь аэро, который, похоже, мне ещё только предстоит освоить. Но вот тот, что шёл за ним, внезапно вывел петлю-бесконечность. Уробороса.

— Значит, юнан? Ну и что ты делаешь?

«Дефертилизатор», — вспомнилось словечко из сна. Что-то вроде отключения размножения, генерации жизни... Стазис? На чём бы проверить...

До пятой точки, конечно, тяжеловаго тянуться, но вот по соседству с моим центром управления посылов законов природы есть пара дырочек. Из-под содранной корочки мгновенно закровило, и я в очередной раз вместо кошек экспериментировал на себе:

— Витаэ. Уроборос.

Кровь встала. Совсем. Жидкость будто превратилась в этакое вязкое желе, не желающее выливаться, двигаться или хоть как-то реагировать с законами мира.

— Выждем.

Я добыл из коробочки предпоследний плод и принялся за ужин. Спасибо от меня, понятно, «световолки» не дождутся, но уж лучше так, чем снова искать свой писчий камень, пускать кровь...

Да уж, когда один, эта идея не кажется такой уж шикарной. И для детей, играющих на руинах старой империи, это не выглядит таким уж обязательным к исполнению. Вот будь нас хотя бы двое — я и «брат» из сна... Тем более, что страшную гнилую рану эта петля держит, что уж говорить про аккуратную крохотную дырочку по всем канонам Женевской Конвенции...

Этот мир тоже мог быть однажды населён высокоразвитой цивилизацией, по той или иной причине к чёрту стёртой с лица земли катаклизмом, самоубийственной ядерной войной или рейдерами из космоса. Природа вернёт дыхание через семь сотен лет, через две тысячи развалятся бетонные перекрытия, а через миллион растительность скроет последние следы деятельности разумных. Будто не было здесь никогда, никого. Лишь немного погоды здесь появится чужак, способный тиснуть по тихой грусти наследие тех, что ушли с концами. Тиснуть и поставить себе на службу.

Может, не всё случилось внезапно — разумные по части живучести не уступают тараканам. В конце концов, «детская регенерация»... Даже ударь по планете метеорит, некогда похоронивший динозавров — и в глубине материков выживут непокорные дети. А чем они любят развлекаться во все времена? Правильно, отрывать куклам головы, разбирать игрушки — даже если те живые. Особенно, если те живые.

Поэтому мало удивительного в том, что даже перед лицом неизбежной гибели по болотам и весям прокажённой земли носятся кретины с автоматическими винтовками, силясь заловить чужую голову на линию мушки и целика.

Или вот ещё одно развлечение человека выжившего — гладиаторские бои. Высокодуховное деяние, спору нет. Кое-кого бесило там, в сытой реальности логики, законов и краудфандинга — слишком уж редки смерти на рингах и в восьмиугольнике. Даркнет это уловил и удовлетворял потребности. А в случае постапокалипсиса срыв тормозов неизбежен — он позволит раздать участникам мечи и обрезы, огородить ристалище хлипкой рабицей и скомандовать «Мочи».

А раненных обклеят Уроборосами. Плавными обводами правил, законов и ограничений, почти полностью выстроенных на гидро.

Кажется, я начал понимать, почему мог бы удалиться от высокодуховного и высокоразвитого — сюда, так далеко, как только возможно.

Юнан. Дар и проклятье. И детям с автоматами его ни в коем случае не стоит давать. Никогда. Ни за что.

— Уважаемые зрители! Сегодня вместо очередного выпуска нашей информационной программы позвольте предложить вашему вниманию краткую выжимку из последних дебатов о нашей солнечной проблеме. Сейчас я переключу на вторую студию.

Заставка поменялась. На экране вместо привычной уже телеведущей с бесконечной усталостью в глазах развернулись уходящие ввысь круговые ступени со столами — научный круг.

— Доброго вечера, уважаемые зрители, в эфире теле-дебаты и их бессменный ведущий Морзе — небрежно кивнул седовласый мужчина в костюме-тройке. — Сегодня мы пригласили в студию ведущих астрофизиков и задали им один простой вопрос.

Камера совершила облёт по аудитории, выхватывая из полумрака лица спокойные злые лица, в очках и без оных, обрамлённые венчиками седых волос и лишённые волос вовсе. Свет науки, гордость нации. До сей поры государство поддерживало их институты не в последнюю очередь из соображений престижа, но сейчас впервые за, наверное, сотню лет вопрос «что делать» предстояло задавать именно светилам теоретической науки.

Да, хватало проблемных направлений и спорных исследований — в конце концов, существовали изобретения Сахарова и фон Брауна, благодаря которым некогда сильная держава превратилась в конгломерат автономий. Но едва ли кому-то во время разработки микроскопа приходило в голову, что им и черепа проламывать можно — между делом, способность извратить любую, даже самую светлую и чистую мысль принадлежит вовсе не этим дядям и тётям с запредельным коэффициентом интеллекта и сумасшедшей эрудицией.

— Вчера в сети появился манифест от известной хактивистской группировки под интригующим названием «Спасение от Солнца», — сверившись с бумагами, начал ведущий. — Уважаемые светила, есть ли среди вас те, кто не успел ещё прочитать его?

— С вашего позволения, я, — с места поднялся бодрый на вид старикан в писательском свитере с кожаными заплатами на локтях. — Из Академ-городка пришлось ехать больше суток, я успел лишь сходить в душ и выспаться.

— Я вас понял Лев Денисович, — кивнул ведущий. — Кто-то ещё?

— Вы прочитайте, лишним не будет! — выкрикнула с места какая-то пожилая гримза с длинным носом. — Объясните жаргонизмы.

— Кхм, хорошо, — откашлялся ведущий. Взяв со стола распечатку, он начал хорошо поставленным голосом. — Живи, планета! Конец света отменяется! Даже если человечество вымрет к чёрту, это вовсе не конец света. Может, нам на смену придут те, кто поумнее нас. И, похоже, дело идёт к тому — одиннадцать лет, цикл вспышек на нашем светиле, плавно подходит к концу. По прогнозам астрономов, жажнет как и одиннадцать лет назад — в мае. Где-то двадцать пятого-двадцать седьмого оно плюнет в нашу сторону очередным потоком заряженных частиц. И в этот раз всё будет куда страшнее! В прошлый раз институты не знали, что делать, не знают они и сейчас. Наша группа провела проверки целого ряда учреждений, так или иначе занимающихся поиском ответов. Знаете, каких результатов они добились, используя пять процентов ваших вычислительных мощностей? Ноль. Зеро. Только идеи, одна другой безумнее!

— Но позвольте! — начал Лев Денисович.

— Прошу, дайте ведущему закончить, — категорично заявила грымза.

— Ох, — сдулся старикан. — Прошу прощения.

— Продолжим. Мы не паникёры, но призываем потребовать ответа — нас вообще собираются спасти?! Господа военные, чиновники, учёные — вы же помните, что тоже живёте на этой планете, а не какой-то другой? Какой у вас план, помимо размахивания руками и заседания в телевизоре?

Ведущий снова откашлялся, глотнул водички, обвёл взглядом притихших учёных, будто ожидая возражений — но те сидели спокойно, опровергать и орать не планировали. Не та косточка, чтобы слюнями в оппонента брызгать. Вот когда этот опус завершится...

— Научное сообщество раскололось на три непримиримых лагеря, каждый из которых с пеной у рта отстаивает свою позицию. И позиции, надо сказать, ещё более сумасшедшие, чем может показаться. Первое: сработать по принципу степного пожара — и обрушить на солнце несколько ядерных бомб или буксировать астероид потяжелее — мол, это должно что-то изменить в короне звезды, из-за чего у нас появится ещё одиннадцать лет. Без комментариев, господа милитаристы.

Второй лагерь предлагает выстроить подобие сферы Дайсона, но не вокруг светила, а на орбите нашей планеты. Что-то вроде металлического щита, способного экранировать самую опасную часть выброса. Они достаточно трезво оценивают наши шансы и возможности, поэтому предлагают выстраивать не глухую сферу-оболочку, а своего рода модульную подвижную конструкцию, которую можно будет перенастроить при необходимости. Идея, может, и неплоха — но не за несколько месяцев. Мы не успеем, и у нас нет необходимых ресурсов для строительства таких масштабов.

И на сладкое — третий лагерь уверен: нас ожидает не только тотальное уничтожение электроники, но и откровенно смертельный исход — по их расчётам коронарный выброс выжжет часть атмосферы, поэтому их предложение — это паническое бегство! Куда? Как? У вас есть достаточно ракет для шести миллиардов жителей? Или в избытке ресурсов для строительства убежищ с замкнутой системой рециркуляции?

Ни у нас, ни на западе даже не рассматриваются какие-то другие идеи, ибо для хотя бы предварительного расчёта трёх имеющихся главных используется всё, что сообщество предоставило институтам. Поиски других решений... невозможны.

Начинайте делать хоть что-то прямо сейчас. Неизвестна реальная опасность грядущего выброса, но возвращение на уровень конца двадцатого века — это самое безобидное, что нас ждёт. В худшем же случае... Человечество обречено.

Ведущий сложил бумажки и прокашлялся в третий раз:

— На этом манифест завершён. У вас есть вопросы?

Учёные продолжали сидеть молча, тихонько даже — будто поняли, что из спасителей человечества в одночасье обратились обвиняемыми в его грядущей гибели, в наихудшем из возможных сценариев.

— Хорошо, тогда давайте начнём наше обсуждение.

— Плохое здесь место. Мёртвое, — пальцы мальчика стиснули её руку.

Лера полностью соглашалась с этим мнением. Наверное, даже сказать что-то должна была, но переживание это слишком личное, слишком своё, чувствовать его казалось прерогативой уровня зоны комфорта. Или всё дело в том, что она, одиночка по натуре, ещё не научилась быть рядом с кем-то, выступать частью какой-никакой а общности? Не было в ней этого, не научили — ни природа, ни погода, ни память с опытом.

И всё-таки да. Страшно и обидно за брошенные дома. Чьи-то руки их ставили, привозили материалы, за каждый жилой метр заплачено бесценным временем жизни — сокровищем, равного которому человек так и не придумал. И ты видишь, как миллионы рублей, тысячи человеко-часов стоят и порастают быльём, и пытаешься понять: неужели никак иначе было нельзя? Неужели мы настолько богаты, что готовы раскидываться богатством такого уровня?

Даже одна заброшенка в лесу, одна недостройка за забором, один аварийный дом — уже трагедия, способная надолго закинуть в депрессию: кто-то же любил это место, вложил в него душу. А теперь оно... Выморочное. Ненужное. Само место, где жили, влюблялись, растили детей и мечтали о грядущем, детская площадка — заросшие бурьяном выморочные мечты, тепло души и память. А когда речь заходит о целых районах... Может, и право министерство, что периодически сносит целые кварталы, освобождая место под застройку новомодных капсульных высоток. Как-то это... милосерднее, что ли. Труп имеет право на похороны, а освободившееся место должны обживать люди.

В замке загремел ключ, и она, вздрогнув, отвернулась от окна, выпустила руку своего «сына» по документам.

— Бусловских, на выход оба, — приказал невзрачный серый человечек с «плывающими» контурами тела.

Их провели глухим металлическим коридором, буквально напигованным дозиметрами, сканерами, следящими устройствами, и втокнули в крохотную комнатку, где хватало места только на стальной стол с наглухо вмонтированным таким же экраном и стул. Посетителям полагалось стоять.

— Айди, — скучающе потребовал сидящий за столом клерк из «нормалов» — такой же насквозь ординарный, как и это помещение.

— Ноль семнадцать ноль восемьдесят девять, — отозвалась Лера.

— Ноль ноль семь ноль пятнадцать, — эхом откликнулся Диня.

— Ну-ка, ну-ка, кто тут у нас, — очки блеснули, засаленные рукава пиджака легли на металл, пальцы затрещали по клавишам. — Гражданин с высоким рейтингом благонадёжности. А что ж это вы, Валерия, документы потеряли? Нехорошо, не по рейтингу действуете!

— Документы были отобраны под угрозой жизни, — сухо проронила девушка, таращась на единственное украшение каптёрки — две фотографии на стене. — На меня наставили оружие и отняли всё.

— Да знаю, знаю вашу трагическую историю. Первый выход за границы агломерации — и сразу такое невезение. Как знал кто. Пришлось нам потрудиться, восстанавливая ваш рейтинг, но утрата документов — сами понимаете. Так что пятнадцать единиц мы вам,

разумеется, спишем.

— В вас бы автоматом тыкали! — не выдержал Диня.

— Так потому всего пятнадцать, юноша, — бледно улыбнулся клерк. — В любой другой ситуации вашу... ммм... матушку ожидало бы падение до социально приемлемого минимума — пять или шесть единиц, а это, знаете ли...

Он говорил и что-то ещё, а Лера уже не слушала. Семьдесят пять единиц или девяносто, удвоенное довольствие или полуторное — не всё измерялось материальными благами. А вот фото с перечёркнутыми углами на стене были ей знакомы. Те двое, подставившиеся под пули диких, когда она в одночасье стала матерью-одиночкой. Два дурака, без разведки и какого-то плана сунувшиеся в самые жуткие и дикие территории. И стоило ли удивляться тому, что их обитатели кое-что да сообразили. Пусть не стопроцентной гарантии, пусть то же первое поколение оно вряд ли остановит, да и любого другого думающего «чистовика» — факт есть факт.

А теперь от них не осталось даже генетического следа из-за специфической манеры похорон министерства. Дуговая вспышка перегретой плазмы — и от тела даже пепла не остаётся, а хоронят кенотаф. Вернее, просто ограничиваются нанесением гравировки на металлическое уродище на радиоактивном пустыре. Так правильно. Логично и правильно — слишком уж многих интересует биопсия тела «привитого», слишком многим крайне любопытно их строение и механика работы внутренних органов. Особенно — нашим «друзьям» из-за океана. Что характерно, эта одна из немногих гостайн, к которой они так и не сумели получить доступа, несмотря на обилие шпигов и умельцев в кибер-сети.

— Валерия, Денис, — чиновник особо громко треснул по клавише, и Лера, вздрогнув, выплыла из размышлений. Зажужжало что-то под столом, и им протянули по листу с распечатанным кодом. — Предъявите на КПП, вам вернут ваши карточки. Служите верно.

Лера кивнула и, сграбастав распечатку, вышла из комнаты, где их поджидал уже знакомый конвоир.

— Налево. По сторонам не смотреть, — приказал он. — Прямо до конца коридора.

Очередная торцовая дверь вывела их к узенькому коридорчику между стеной и глухой стеклянной будкой.

— Код, — ещё один «чистовик» внутри нагнулся к микрофону, и динамики из-под потолка послушно передали его голос. Засвистел зелёный луч сканера, быстро пробежал по обоим распечаткам. — Бумаги в шреддер. Не задерживайтесь.

Раздражение в его голосе прорвалось совершенно неожиданно, могло показаться нелогичным, но плывущие контуры и серая форма... Чиновникам свойственно терять терпение, когда посетители «тупят и тормозят», а уж у такого, когда любая заминка в четыре раза дольше длится — и сидит он здесь явно не за заслуги перед отечеством...

Коды приняли, в дальней стене что-то загудело, выдвинулся пенал-ящик.

— Личные вещи на утилизацию.

— Что?! — не выдержал мальчик. — Но у меня...

— Вы задержались в безрайоне дольше положенного, — непонятно почему улыбнулся серый. — Каждая ваша вещь сейчас потенциально опасна и может привести к лучевой болезни.

— Но...

Лера шикнула на него. Пусть молчит. Это просто вещи. А вот если он проболтается, что они вместо карантина с относительным комфортом смотрели мультики в новостройке —

могут возникнуть вопросы, не слишком приличествующие бывшей «девятидесятипроцентной».

— Отвернись, — попросила она, выкладывая содержимое карманов и рюкзака в пенал.

Мальчик порозовел, резко отвернулся и потянул через голову свитер. Вот, правильно. Должна быть хотя бы видимость приватности. А обращать внимание на неизбежные видеокamеры и бесполого «чистовика» за стеклом — это как стесняться кошки.

Пенал с гудением задвинулся, внутри стены что-то ахнуло — те же похороны, что и для двух трупов чистовиков. Всё, что было внутри — одежда, чуть-чуть провизии, электроника, предварительно сброшенная до заводских настроек, лекарства — всё превратилось в мелкодисперсный прах.

И тут же под потолком зашумели форсунки.

— Прикрой глаза, — не оборачиваясь, попросила девушка. — Дез-смесь очень едкая.

— Что... Ой, — похоже, он всё-таки решил обернуться на голос и, судя по интонации, сильно смутился.

Но через мгновение это перестало иметь значение — с потолка хлынул вонючий раствор дез-смеси, мылкий на ощупь, едкий — смерть косметике и дешёвой краске на волосах. Но Дине ничего не будет — они качественно угробили ему колор перекисью, чуть поменяли разрез глаз и скулы, чтобы не попадался на распознавалках, закапали в глаза пакость, чуточку изменяющую уникальный рисунок сетчатки, но почти не вредящую зрению.

Смесь окатила их, оставляя в серых мерзких хлопьях — Лера знала это, даже не открывая глаз. Простая реакция на хотя бы минимальное заражение. Хрен в будке хмыкнул и включил обычную, чуть тёплую воду. Повторил подачу смеси.

Так будет до тех пор, пока даже остатки радиации не вымоет с поверхности кожи и волос полностью. Хватит разочка — обойдутся разочком, понадобится десять — будет десять. Это министерство, здесь дез-смесь не считают.

— И всё-таки оно того стоило! — возбуждённо проговорил малец, стоило лишь дверям за их спиной захлопнуться.

Он проигнорировал укоризненный взгляд «матери», сбросил с головы капюшон форменного балахона-комбинезона, подбросил на руке «комм-передержку». Недосушенные волосы влажно блеснули в свете заходящего солнца, в тон ей блеснула улыбка радующегося мелочам паренька.

— Легко же тебя купить, — проворчала Лера, поправляя на плече рюкзак с усиленным пайком. — За корзину печенья и бочку варенья.

— Корзину... печенья?

— Комм не разбей. Он хоть и дешёвый, а другого тебе не дадут.

— Ну да, ну да, — скептически хмыкнул Диня.

Уж он-то знал, что помимо продуктов, антирада и интимного геля для мест, куда могла не добраться дез-смесь, заняли в рюкзаке девушки место и два переносных компьютера, и комм с уже установленной прошивкой и софтом для связи — «Экзюпери» работали масштабно.

— Куда идти?

— Через двор. Тут недалеко, у меня окна выходят на стену. А потом мы с тобой пое...

Её слова перебил громкий хлопок.

— Ой! Что это? — он аж присел от неожиданности.

— А, ерунда, — отмахнулась она. — Опять купол над центральным прохудился. Никак

не доделают.

— И ты так спокойно об этом говоришь?!

— Ой, ладно. Пригонят бригаду с пневматикой, они нашьют новый щит. Впервые, что ли... К тому же — как видишь, я вовсе без купола живу. И ничего.

— Ну...

— Пошли уже.

Дом, милый дом! Где, как не здесь, радоваться тому, что ты затворник и нелюдим, а из-за несовершеннолетия имеешь право только на удалённую работу. Пересобранное под автономные капсулы жилище встретило их знакомым гудением вентиляторов, запахом озона от контуров сбора пыли на полу и мёртвой, настороженной тишиной. Никто ничего друг о друге не знает, никто не сидит на лавочке у подъезда, не перебивает косточки где-либо кроме локальной сети... Вот почему их дикая афера с «усыновлением» имела все шансы на успех.

— На четвёртый этаж... сынок, — она зашагала по почти круглому в сечении коридору, направляясь к лестнице.

Чёрный металл, гроыхание ключей — никак не сподобится переделать под магнитный замок, а вызывать мастера — рейтинга жалко.

— Обувь сразу споласкивай в тазике, пока хлопья не пропадут, потом проходи в комнату, — приказала она. — Возьми рюкзак, твой комп — красный.

— Ладно, — он послушно выполоскал пыль из обуви, сбросил верхний балахон и умчался в комнату на освоение новых горизонтов. И тут же крикнул — А можно что-нибудь съесть?

— Повремени пока. Я чего-нибудь сготовлю, — откликнулась она.

Предстояло многое осмыслить, ко многому привыкнуть. Например, к порядку очерёдности во время возвращения домой. К тому, что нельзя больше разбрасывать вещи и в одном белье по дому ходить тоже не стоит, даже если очень лень.

«Бррр, ох уж мне эта взрослая ответственность, — поморщилась она, выполаскивая обувь в мутном уже растворе. — И зачем согласилась только?»

— Лер, смотри! — вдруг позвал Денис из комнаты. — Там кто-то из твоих написал о том, что Солнце взорвётся!

— Скажем, не взорвётся, а просто полыхнёт посильнее, — проворчала она. — Такое бывает раз в одиннадцать лет.

— Так ты знала?!

— Манифесты пишет Лис, но мы обсуждаем всё вместе. — Она повесила балахон в статик-шкаф, туда же перетащила одежду мальчика и прошла в комнату, соображая, чего бы скухарить. — Так что да, в курсе.

Макаронные брикеты, пластинки овсянки, рисовая лапша, гречневые кубики. Говорят, раньше оно как-то иначе выглядело. В сети даже снимки есть. Но кому нужна какая-то настоящая греча, если кубик в кипятке за пять минут принимает консистенцию и агрегатное состояние настоящей готовой каши с маслом?

Да, его и возьмём. На кухне она набрала очищенной воды мерным стаканом, закинула в кастрюльку кубик — соль и масло уже входили в состав полуфабриката. Довести до кипения и варить на медленном огне пять минут...

Комм зажужжал специфически — в закрытом чате не просто сообщение, а голосовое обращение! Слыханное ли дело — так подставляться? И от кого? Лис?! Главный параноик

всего проекта?! Она открыла файл, включила громкую связь.

— Ребята! — голос говорившего был высокий, нервный такой, с чуть истерическими нотками. По такому и не определишь возраст говорящего, лишь настроение, характер — и казалось почему-то, что говорящий рыж и конопат — может, из-за имени. — Я в жопе, ребят. Выручайте!

На заднем плане специфически хлопнуло, засвистел всасываемый воздух, и Лера не замедлила среагировать.

Buss: Палево.

Lil'Prince: И не говори.

Foxie: О чём вы?

Buss: С такими хлопками чинятся куполы. А мы все знаем, какой сейчас чинится, где пробой. Кто угодно может подключиться к камерам дорожной службы и увидеть тебя!

Foxie: Да некогда мне! Последний чанк оказался палевным — похоже, подстава от эсдешников. На меня вышли, слышите? Я пока работаю, чтобы не привлекать внимания, но мне срочно нужно убежище! Принц, в том доме ещё свободно?

Lil'Prince: Дай мне час, я всё устрою.

Foxie: Хорошо! Рассчитываю на тебя.

Foxie покинул чат.

Lil'Prince: Лер, как дела? Нормально устраиваетесь? Buss: Всё в порядке. Лояльности в паренёке ни на грош, так что будем жить крепкой и дружной семьёй. Lil'Prince: Отлично. Тогда побегу вытаскивать нашего рыжего друга из беды. Отпишусь как что. Бай.

Lil'Prince покинул чат.

Лера хотела было тоже свернуть приложение, но появившаяся строка привлекла её внимание.

Глас Грядущего вошёл в чат.

Глас: Наше вам с кисточкой, Валерия Батьковна. Как сами? Как детишки?

Протокол «паника» вызубрен так, что разбуди ночью — и без запинки, без малейшего промедления — одновременное нажатие на клавишу отключения и уменьшения звука, меню, выбор — сброс на заводские настройки.

Машинально отключив нагрев воды, она метнулась в комнату, достала ноутбук, запустила пакетный файл, чохом уничтожающий всё компрометирующее содержимое и забивающий нулями освободившиеся заголовки.

— Что-то случилось? — Диня поднял голову от мультиков.

— Хакеры случились, — зло ответила Лера, раздумывая о том, что делать дальше и как уведомить подельников, не подставляясь.

Протокол диктовал после очистки хвостов оставить под первым же новостным выпуском безобидный с виду комментарий, который содержал в себе код модулятора следующего чанка. Так что сейчас, комп вернётся из ребута...

— Я тебя ви-и-и-и-ижу-у-у-у, — сразу после похрюкивания загрузки среагировали динамики ноутбука.

Лера пощёлкала клавишами, поводила курсором, с ужасом лицезрея в трее иконку удалённого доступа.

— Ч-что?! Кто ты такой?!

— О, мы до этого ещё доберёмся!

— Лера, у меня мультики... — Диня повернулся к ней, развернул на коленях ноутбук.

И они, будто поймав синхронизацию, тут же сменили заставку рабочего стола на чёрные экраны, где её ноутбук показывал дьявольский левый глаз, а красная машинка мальчика — правый.

— Приве-е-е-т, Дениска! — хихикнул голос из динамиков. — Всё шляешься?

Мальчик побледнел.

— Тебя никогда не интересовало, почему в месткомках и дорслужбе ставят такие странные камеры? — продолжал хихикать вторженец. — Для поиска по лицам хватило бы и вшивого HD, так нет же — и аналоговый сигнал, и цифровая матрица с жутким разрешением!

— Где ты?

— Посмотри, — картинка на экранах сменилась видеотрансляцией её собственного дома. — Вот ты, — верхний свет замигал, и это же отобразилось на трансляции. — А вот он я! — Окна в доме разом погасли и через пару секунд замигали, выстраиваясь в изображение огромного смайлика.

— Понятно, — процедила она, обернувшись к притихшему мальчику. — Диня, ты же говорил, что можешь открывать окошки куда угодно, так?

— Ну... Да. Наверное, — неуверенно ответил он.

— Можешь попробовать открыть такое окошко к человеку, называющему себя «Глас Грядущего»?

— Я п-попробую, — мальчик закрыл глаза, стиснул пальцами виски, напрягся...

— Ну?

— Ой! — отозвались динамики электронным смешком. — А что это ваш мальчик делает? Неужели пытается меня вычислить? Даже после того, что я милосердно молчу о его маленькой грязной тайне? Низко, ой низко.

— Диня, ну что там?

— Я н-не могу! — простонал малец, жалко поморщившись, — не существует такого человека! Никто так себя не называет!

— У-упс!

— Диня!

— Извини...

— Некрасиво. Но я вас прощаю. Так уж и быть, я могу проявить милосердие. Мы нужны друг другу сильнее, чем могли бы обидеться. А зная про деанон Лиса и Принца, уже лежащий на столе одного агента-пенсионера...

— Что тебе нужно?!

— Наконец-то правильные вопросы, — довольно откликнулся электронный голос. — Я ищу сотрудничества. Помогите мне, Лера Бусловских. А я помогу тебе.

— Отказ не принимается? — язвительно уточнила она.

— Через полчаса к тебе прибудет доставка, прими, распишись. Это поможет нам в дальнейшем сотрудничестве.

— Поняла.

— Ну и для протокола: нам потребуется общаться с людьми. Как тебя называли в этом без пяти минут мёртвом коллективе?

— Роза, — не вдаваясь в детали, ответила Лера.

— Хорошо. Значит, так будем зваться и впредь. Услышимся.

С еле слышным щелчком голос отключился. Ноутбуки тут же вернули себе функционал,

с негромким шорохом зажглись лампы над головами. Вечер продолжился — будто не было ни страшного голоса, ни новых тайн Дини, ни навязанного сотрудничества...

Принц просил час. За Лисом пришли через сорок пять минут — прямо на работу.

Он им немного даже завидовал — молодым, сильным, умным. Каждый в спецкомплекте, по кобурам распихано с пару килограмм железа. Хищные «Мангуст-М», пригодные как для метания, так и для ближнего боя, стремительные сякены, льдисто сверкающие макибаши — импорт лучшего, что придумало человечество до появления «дементоров».

«Молодым, — горько усмехнулся он. — А по паспорту меня даже на пенсию отправлять преждевременно!»

Он сидел в «гостевом» отделе штурмового «Грача» и ковырялся в служебном комме, время от времени поглядывая на слушающих инструктаж бойцов. Чёрная полупрозрачная ткань, создающая специфический «плывущий» мираж, а на теле — кевлар и пластик, способные остановить пулю до семи миллиметров. Ему, разумеется, ничего такого не полагалось; как эксперт кибер-отдела он мог рассчитывать разве что на полицейскую жилетку от пистолетной пули — но отказался, конечно. Защиты нуль, а весит, зараза, как половина экипировки «дементора».

Хотелось ещё раз влезть в полноценную сбрую, выйти на захват, почувствовать, как он, его броня и экипировка, действуют в синтении, дышат в такт, и кажется, что нет ничего невозможного! Опасное чувство. Ложное ощущение всевластия — именно оно угробило «троек», а не глупый гель диких.

Но министерство не пасовало перед сложностями, умело учиться, принимать меры и делать выводы — и новая экипировка защищала от архаичного огнестрела почти полностью. Разве что кто-нибудь добудет из спец-запасников СВД или, упаси боже, ВССК. Но поди попади для начала в «дементора» из такой винтовки — хвосты им накрутили знатно, по «маятнику» провели внеочередной интенсив...

— Хантер, готовы? — прекратив орать, вежливо обратился к нему старшина отряда. Хантер кивнул. — Отлично, тогда по коням!

Вертикальные жалюзи стрельнули вверх, и броневик вывалился на пустую проезжую часть.

Тихо мурлыкал водородный движок, из отсека тянуло сигаретами и свежей хлоркой — автозак как следует отмывали после каждого доставленного. Хантер сам сидел, курил втихомолку и думал. Схлестнувшиеся волны ярости, сцепившиеся в схватке преступные организации — всё это не проходило бесследно никогда, вызывало круги на воде. Стороны совершали глупейшие ошибки, зевали фигуры, подставлялись на ровном месте.

Самой главной ошибкой обеих сторон оказалась, как это ни странно, активность. Бихевиорист скажет, что поведенческие алгоритмы редко меняются внутри разных коллективов — и будет прав. В чём основная сила и слабость «дементора»? В полном отсутствии механизма создания привычек. Он каждый раз может делать одно и то же самую чуточку иначе, когда нормал, даже самый умный и хитрый, подвержен бичу привычек. Это касается и хакеров — презрительно пренебрегая привычками «овощей», они из принципа не пользуются хромом, предпочитая лукового лиса, не используют мессенджеры, предпочитая шифрованные конференции... И так далее, и тому подобное. Привычно пренебрегая нормами, хакер создаёт собственные нормы. Ибо «джаббер — это ня».

На такой ерунде они и погорели. Анализ трафика показал резко возросшие нагрузки на

определённые протоколы и порты — и были то совсем не порнографические и сериальные платформы. Методом исключения отсекали агломерации с минимальной активностью, пока не остановились на всего двух: Невской и Юго-западной. Именно оттуда поступало больше всего специфических запросов. А спустя неделю туда выдвинулся Хантер с предписанием и стал одного за другим обходить провайдеров.

На этой войне свистели цифровые пули, но выпускали их вполне реальные устройства. И почти каждое из таких устройств он умудрился обнаружить. Прокси-сервера в подвалах, на чердаках, в трансформаторных будках и шахтах вентиляции затопленного метро. Дальше — всё как учили: сканер на устройство, перехват и анализ трафика, и как только одно из устройств обратилось к луковой сети — у Хантера оказалась вся цепочка чанков.

Второй частью марлезонского балета он повторил интеграцию сканера в каждую из машин и снова принялся ждать. И дождался — чанк обратился к адресу ресурса, где хактивисты публиковали свои манифесты. Помнится, он скурил тогда за два часа целую пачку, обновляя и обновляя страницу, а дождавшись появления новой нетленки, тут же написал провайдеру.

И вот он здесь. Сидит в мчащемся броневике, курит и молится, чтобы «четвёрки» как следует зазубрили инструкции и не пристукнули Лисовского ненароком. Он настаивал и ругался — дайте клиенту вернуться домой, там пустим газ и упакуем тёпленьким. Но нет — сбежит. Есть фамилия и координаты, значит, берём незамедлительно.

Он ещё раз бросил взгляд на комм с открытой страничкой коммунальной службы. Лисовский, открыт наряд на починку седьмого сектора купола над центральной агломерацией. Дорожные службы уже вычислили лицо клиента, сфокусировали на нём доступные камеры.

Простое такое лицо — скуластое, веснушчатое, с еле уловимым выражением неуверенности. Впрочем, когда рядом резко остановился «грач», на лице появилась мрачная обречённость — и чуйка Хантера взвыла диким мявом.

— По рукам бейте! — рявкнул он, как чёрт из табакерки выскакивая через индивидуальный люк. — У него может быть пояс шахида!

Десять метров. Секунда для тренированного спортсмена. Треть секунды для оперативника. Лисовский успел раньше — его лицо исказилось от отвращения, рука нырнула под разгрузку и достала оттуда пневмо-пистолет. Короткое нажатие — и дюбель-сотка пронзил мягкие ткани челюсти, языка, нёба и вошёл в мозг, убив хакера на месте.

И всё перестало иметь значение — и рвущие воздух тренированные чёрные демоны, успевшие лишь подхватить заваливающееся тело, и работа последнего месяца, и...

«Смысл, — горько подумал Хантер. — Есть ли хоть какой-то смысл в том, что мы делаем? Почему из-за экс-спасателей умирают люди — больно и страшно, предпочитая расковырять гвоздём мозги, но не сдаться? Зачем мы вообще, кому мы вообще такие нужны?»

— Хантер? — юный старшина растерянно обернулся к агенту, ожидая дальнейших инструкций.

— Первый раз? — язвительно пробормотал Хантер, пытаясь заглушить горький тошнотный ком в горле ядовитым дымом сигареты.

— Что?

— Первый труп, говорю. Пакуйте его, фига ли смотреть. Коммунальщикам сообщите, чтобы мостовую замыли. Сворачиваемся.

— А как же... допрос? — на побледневшего старшину жалко было смотреть.

— Мне он не нужен. Развлекайтесь, если хотите.

Протокол требовал обыскать, описать вещи, разобрать по до последнего байта всё содержимое памяти имеющихся устройств, устроить тотальный обыск на дому преступника. Но всё это — уже не про Хантера. Он всего лишь бывший «чистовик», палочка-выручалочка для всей текучки отдела, и ему даже спец-броник не дают.

Развернувшись, он отправился к КПП агломерации — рабочий день в отделе ещё не завершился. Значит, придётся сидеть и ненавидеть себя, не умея отвлечься и успокоиться, обвиняя себя в ещё одной загубленной душе... Плевать что преступник — хоть голову Лиса очень многие хотели бы видеть на пике, его единственным преступлением оставался неправомерный доступ к информации — а это не то, за что можно казнить. С точки зрения любой из религий это даже не грех.

И теперь ему с этим жить.

Нет, ни он сам, ни министерство никогда святыми не были — и отловленные элементы в самом лучшем случае превращались бы в ссыльных — куда-нибудь в автономию Дальнего Востока. Или в покойников — такое тоже бывало.

Вот только казнят человека специально обученные нормалы с определённой диетой под определёнными препаратами — чтобы не изувечить душу. Не «дементоры». Им нельзя. Никак нельзя. Их психика застыла на уровне развития конкретно той точки, что успел достигнуть человек в момент «прививки», и после этого маятник уже не качнётся. Ни в сторону морального уроды, ни в сторону святого.

Потому и привычки к смерти не вырабатывалось никак. Каждый раз как первый, ещё хуже, чем первый — зная о последствиях. Агентов не просто так учат предотвращать и задерживать, в крайнем случае — калечить. Не убивать, хотя на такой скорости даже пощёчина ломает шейные позвонки. А после этого — стыд, ненависть к себе, острые муки совести и затяжная депрессия, из которой без посторонней помощи практически нереально выбраться.

— Хантер, доклад, — потребовал Юр Сёмыч, едва завидев сотрудника на рабочем месте.

— Труп, — коротко ответил агент. Не хотелось ничего — ни говорить, ни думать, ни делать. Сдохнуть хотелось — вот факт. — Самоубийство пневмо-пистолетом в момент задержания.

— Что ж вы так... — шеф грустно хмыкнул. — Это же явно не функционер, шишка повыше!

— В следующий раз я попрошу его подождать, — язвительно ответил Хантер, неприязненно разглядывая заторможенную мимику начальника. — Чтобы вы с ним успели пообщаться.

— Хантер! Ты что... — начал было Юр Сёмыч и тут же сдулся — вспомнил, должно быть, что-то. — Ты как вообще?

— В порядке, — уж лаконичность он вполне мог себе позволить.

— Вытяни руку, — похоже, кое-кто слишком хорошо усвоил инструкции министерства. Особенно по части психологической реабилитации эксков. — Замри.

— Я в порядке. Просто день сегодня тяжёлый.

— Вытяни руку, — повторил шеф.

Вздыхнув, Хантер вытянул ладонь вперёд, усилием воли пытаюсь заставить её не

дрожать. Ага, как же. Воспитай из вчерашнего ребёнка сначала супера, а чуть позже — и тренированного бойца, но лиши его возможности очерстветь, привыкнуть, приспособиться...

— Знаешь что? Вали-ка ты домой. Отлежишься, отоспишься, в себя придёшь. Полагаю отдел пару дней выстоит и без тебя. Сейчас приказ выпишу.

— Не стоит... — слабо запротестовал Хантер, зная — стоит. Ещё как стоит. Инструкции писаны кровью — в первую очередь слетевших с катушек агентов.

— Ага, где там был шаблон... — шеф защёлкал перчаткой, вводя в пустые поля формы данные агента. — Сегодня, завтра и послезавтра на работу не являйся, я предупрежу на проходной, чтобы не пускали. Усёк?

Хантер вздохнул. Спорить бесполезно, кивать на то, что помимо Лисовского сто процентов можно выйти и на кого-нибудь ещё — тоже. Никуда не денутся. Сегодня их поймают или послезавтра. Поймают. Это главное. И в этот раз никакого публичного захвата. Только газ. В крайнем случае — дротики, если подозреваемые опять потянутся к чему-нибудь опасному.

— Всё, забирай, — казённая серая бумажка украсилась синим штампом и тут же перекочевала в руки агента. — Отвлекись, хорошо? Развейся. Погуляй по городу, подыши. Не думай ни о чём.

— Шеф, скоро срок на форуме.

— Хорошо, что напомнил. Вот, держи — здесь куча интересностей на пару месяцев, — помимо распечатки в руках Хантера оказался накопитель. — Не выкидывай всё сразу, по очереди, с максимальной задержкой. Понимаешь?

Хантер кивнул и, не прощаясь, покинул кабинет. Пора домой, значит. Два объективных дня выходных — с учётом хвостика дня сегодняшнего это субъективная декада, которой хватит вообще на всё. Только вот домой...

«К чёрту», — он махнул рукой и отправился по лестнице наверх, к служебной квартире, просочился через краткое окошко открытия, сбросил обувь, верхнюю одежду...

Работа-работа. Он и забывать уже начал, как много в этой чёртовой рутине значит простейшая мотивация. Решение головоломных задачек, азарт охотника, вставшего на след, удовольствие от появления новых зацепок по делу — и для начальства, и для души. А теперь...

На сегодня «для души» планировалась работа со «Свободным днём» — эти прокололись со взломом, даже по почищенным следам удалось вычислить принципы, присущие лишь механическим хак-устройствам вроде компьютерного сканера. Кто-то повесил такой сканер в локальной сети службы новостей, и следы остались достаточно специфичными — устройство отечественное, госзаказ, произведено всего пара сотен штук, на руки выдано и того меньше. И из тех, что доступны к доставке и установке — всего пять.

— Э-э-э-... — старательно протянул Хантер.

Один из которых прямо сейчас на руках у Юрия Семёновича, главы отдела.

Ладно, по долгу службы агенту полагается быть недоверчивым, подозревать всех и каждого — включая ту харю кирпичом в зеркале: а ну как замыслила чего непотребного? Да только вычисление устройства — даже не половина дела. Необходимо создать доказательную базу, в идеале — влезть на комп шефа и добыть компромат.

Хватит, конечно, простого прямого заявления от экс- — государство обязательно пришлёт спецотряд внутреннего расследования, пенсионера поблагодарят за бдительность,

даже если криминала не найдут. Но это всё такие проблемы, столько суеты, маеты...

Не хочется.

«К тому же, странное поведение получается, — равнодушно закуривая, подумал Хантер, — если у шефа рыльце в пушку, то зачем он помогает скандальным контентом, цифровыми деньгами, всячески облегчает внедрение к хакерам? На что рассчитывает? Надеется завербовать в ряды этих скорбных разумом?»

К слову, о скорбных разумом. Хантер натянул перчатку, вывел казённое устройство из спящего режима и, подключив луковое соединение, забрался на форум, вбил капчу, создал новую тему...

Заколебался над названием, решил проверить — что же такого перчёного начальство имело предложить?

А имело... Имело...

— Твою ж мать, — выдохнул он, наблюдая за записью стрима с живой камеры, похоже, установленной на голове оператора.

Невидимый оператор молча и деловито доставал из рюкзака странные цилиндры, распихивал их по щелям между стыками пластиковых плит купола. На форуме такое хулиганство точно похвалят. Вот только... Откуда у шефа такая запись? Это явно снято сегодня. И снято... Лисовским?

— Шеф, вы что, из «Экзюпери»? — с изумлением спросил Хантер, завершая выгрузку файла и отправляя свежесозданную тему на форум. — Откуда у вас такое богатство?!

Сняв трубку, он набрал номер:

— Хантер. Поступили анонимные свидетельства о частичном минировании секций... — он ещё раз сверился с видео. — Семь, восемь и двадцать три. Отправьте сапёров. Да. Служите верно.

«Злоупотребляю, — хмыкнул он, стаскивая перчатку. — Был бы обычным человеком — поставили бы анонимку в очередь на проверку и сортировку, где она ждала бы своего черед триста лет, пока не попала бы к кому-нибудь, занимающемуся текучкой. То есть, ко мне. И только если в ней есть слова из стоп-списка — чуть ускорят ход. Кстати, а кто там занимается сортировкой входящих по терактам? Нормал? А, ну понятно».

Фыркнув, он бросил пиджак на кресло и, расстёгивая рубашку, зашлёпал в душ. Начальство велело отдыхать и восстанавливаться, и придётся подчиниться, иначе пришлют Хоук или Ка, а уже те...

— Спасибо, спасибо, я понял намёк! — рявкнул я, резко садясь и почёсывая пострадавшую конечность. — Здесь нельзя расслабляться, так как всё вокруг норовит меня грохнуть! Но можно мне хотя бы поспать нормально!

Я обвёл гневным взглядом пещеру, залитую неверным, потусторонним зелёно-жёлтым свечением. Все её горизонтальные поверхности заросли какой-то непонятной белой фигнёй, очень напоминающей тривиальную плесень. Если бы не одно «но» — организована эта «плесень» определённо лучше привычных мне простейших, ибо как можно объяснить её поведение?

Началось всё со странного — не умея ни огородиться, ни создать какую-никакую изгородь от возможных опасностей, я был вынужден довольствоваться имеющимся да полагаться на русский «авось». Поэтому просто забивался поглубже да молился, чтобы никто не схарчил меня, пока я почиваю. Так было и в этот раз.

Снилась, правда, ерунда всякая — про пионеров, которые испытывали силу воли, держа ладонь над огоньком дешёвой китайской зажигалки, после чего втихомолку бегали к умывальникам: хозяйственное мыло, пожалуй, только и могло справиться с чёрными опалинами, оставленными грязным газом. И вот моя очередь — я держу пять секунд, десять, пятнадцать... Руку жжёт уже невероятно, и я с криком просыпаюсь. С больной, гудящей головой и локтем, щедро усыпанным какой-то белой дрянью!

Во сне я, похоже, раскидался на своём неудобном каменном ложе, и одна конечность привлекла достаточно внимания моего полуразумного гостя — по сути, «плесень» окружила меня со всех сторон, но что-то отгоняло её, что-то сдерживало — повсеместно почти, лишь в одном месте от сплошного массива вторженца тянулась в мою сторону тоненькая ниточка молодой поросли.

Заругавшись, я попытался смахнуть с себя пакость, но только выпачкал ладонь — теперь пекло сразу обе руки!

— Блин. Но ты же до сих пор не кидаешься на меня и не норовишь слопать, — и-эх, и где только кабинетная неторопливая работа? Почему я должен всё постигать вприпрыжку на миллиметраже с тотальным абзацем?! — Что-то тебя держит, да? Держит? Признавайся!

Что-то на мне. Хм? Цветочек? Инструмент управления юнан? Я выразительно махнул рукой, и белая масса отшатнулась — в воздухе ещё более одуряюще завоняло хлоркой, по потолку запрыгали тени...

Или не в цветочке дело? Сам по себе он не плох и не хорош, да и не делает ровным счётом ничего. Тогда... Я скосил взгляд на предплечье и без особого удивления вспомнил вчерашнее знакомство с мелкими хищниками. Вставшая кровь держалась пробками, эластично тянулась вместе с кожей и в целом вела себя как полноценная часть тела. И в то же время — ранка не считалась зажившей. Не было ни корочки, ни розовой кожицы. А уж за время сна такая царапина вполне могла и поджечь!

Значит, эта юнан действительно не лечит. Уроборос — это что-то вроде универсальной заплатки для организма на все случаи жизни, подорожник на максималках. Не заживит, не вылечит, но без проблем купит достаточно времени, чтобы подранок сумел добраться в ДМЗ и сдать в нежные руки эскулапов. Форма выдавала его происхождение — гидро — и, согласно законам прародителя, юнан действовал, не добавляя ничего сверх необходимого.

Неужели именно змей отпугнул незаваного гостя?

— Давай попробуем, фи́га ли, — я вызвал пятый сектор цветочка с единственной сохранённой внутри юнан, активировал и проставил одну на то место, где до сих пор влажно темнел отпечаток моей руки.

Если не поможет, и дело в самом деле касается исключительно «цветочка» и чего-то из его функционала — попробуем, фи́га ли. Зуб, конечно, не дам, но что-то подсказывает, что разумную растительную пакость вполне может спугнуть мощная пиро. Я и сам, правда, задохнусь, но это уже мелочи.

«Плесень» попятилась, потемнела, явно демонстрируя неудовольствие.

— Не любишь, пёс, — резюмировал я. — Кушай ещё.

И весь последующий час всё, чем я занимался — это проставлял всё новые и новые «восьмёрки», безжалостно изгоняя агрессора. Да, я дубина — за несколько дней после пробуждения не сделал минимального: каждый, кто читал литературу соответствующего содержания, прекрасно знает, что перво-наперво стоит организовать себе каменный нож, каменный топор, потом построить забор от зверья. Но вот как-то не сложилось. Приходится справляться тем, что есть. Топор можно и чуть попозже соорудить — когда гео закончат вычищать агрессивные соли вокруг пещеры, и я смогу добраться до хоть какого-то дерева.

Это вдвое актуально тем ещё, что последний ореховый плод закончился вчера, но из-за ласковых объятий хищной плесени про голод я немножко забыл. А дальше — азарт, драка, выживание! В голову даже приходило отрезать часть вторженца от основного массива, огородить змеями по периметру, чтобы не сбежал, и неторопливо изучить хоть что-нибудь на натуре. Но не до того — хватило стёртой гидро, до которой дрянное простейшее умудрилось дотянуться по стене. Так что я остался в провонявшей хлоркой пещере, без воды, еды и сил. Ещё и с химическим ожогом на обеих руках — юнан выгнала с кожи остатки «плесени», но, как уже говорилось, заживлению не способствовала. Так что я немедленно удалил Уроборосов, стоило лишь белым пушистым комочкам отвалиться с кожи и уползти в сторону дневного света.

— Поползли, — скомандовал я себе. — Здесь пока проветрится.

Или меня снова судьбой бросит в условия, откуда не выберешься без изобретения чего-нибудь новенького. Аэро в идеале — для вентиляции. Ну а пока я раскидал парные гидро и пиро — хай гоняют воздух конвекцией, пока я на разведке.

Я зашлёпал босыми ногами по сильно обмелевшей луже, набрал в грудь побольше воздуха, желая оповестить джунгли о том, что папка пришёл — и заперхал, сложился пополам, лоя губами воздух. Справился с собой — и опрометью бросился обратно в убежище.

Чёрт побери, внутри ещё неплохо! Во всяком случае, из-за специфической наклонной формы дальний угол поднимался достаточно высоко, чтобы тяжёлый удушливый газ, клубами окутавший землю, не мог подняться и прибить меня. А смущающий меня зелёно-жёлтый свет оказался обычным, просто проходящим сквозь густое облако газа, оккупировавшего мою полянку.

— Кх-кх... — выдохнул я, останавливаясь на месте, откуда начался этот день. — Хлов. Февнее, его фоеди... Кх!

Я аккуратно потрогал языком стремительно распухающие дёсны. Глаза тоже моргали со всё меньшей охотой.

Твою ж. Ладно, это не «плесень» нафуныла, должен признать. Скорее всего, она обитает

внутри облака, неторопливо шляется вместе с ним, куда ветер пошлёт, и потихоньку подъедает всё, до чего дотянется. Нужно дождаться изменения ветра, и тяжёлые хлорные соединения отгонит прочь, позволяя мне выйти наружу. Правда, когда этот ветер поменяется... Я вытер слезящиеся глаза. Если до того момента весь активный кислород в каменном мешке закончится, ветер меня волновать уже не будет.

Так, по мере поступления! Изобретать аэро сейчас точно не стоит, так как ничто не берётся из ниоткуда. Если я допру до создания вентиляции, всё, чего я добьюсь — это свободного тока и без того дефицитного воздуха наружу. Так что перво-наперво избавляемся от последствий.

За грудиной больно закололо, и я снова задохал. Ожог дыхательных путей во всей красе. Прелестно. Так, что там на уроках ОБЖ говорили? Положить, убрать от хлора, накрыть одеялком, спеть песенку?

Очень смешно. Дать кислород, промыть повреждённые соединениями ткани водой с мылом. Усмехнувшись, я улёгся на камень, лихорадочно размышляя. Печаль, конечно, но у меня дефицит что с мылом, что с... Или нет?

«Надеюсь, не жахнет! — гидро снова разошлась на составляющие, дала допуск к свободным водороду и кислороду. — Теперь не даём им смешаться — и живём!»

От первого же вдоха очищенного кислорода закружилась голова, как от стопки хорошего семидесятиградусного «дяди Боди» — но мозги прочистило капитально. Так как тут же пришла идея как организовать себе мыло. Вернее, не само, а его, скажем, некое подобие. Нет, формулу мыла я не вспомнил, а если бы и сумел — едва ли получилось бы собрать полноценную юнан-молекулу с кучей атомов углерода, кислорода и водорода. Современное мне мыло — это всегда смесь животного или синтетического жира с ядрёным щелоком. И если щёлочь сделать ещё можно, то с жирами...

— Фёвочь! — воскликнул я. Химия спасовала, на выручку приходит история! До того, как просвещённое человечество начало сжигать живых существ заживо у воды, и тем самым прославило мыло, существовал куда более милосердный способ очистки. Сода. Самая обыкновенная сода. К тому же, она ничуть не хуже мыла должна справиться с солями хлорных соединений.

Осталось только вспомнить, как сделать соду. Или хотя бы её формулу — если она будет достаточно простой, я сумею её собрать.

В задумчивости почесал затылок — да, я не очень умный. Формулу не помню. Но знаю, как сделать соду! Восьмой класс средней школы, неорганическая химия. Нужно дать гидроксиду натрия прореагировать с углекислым газом в воздухе. Это одновременно очистит воздух и даст мне чистящее средство. Правда, просто так оно реагировать не будет, нужен катализатор.

И было бы неплохо найти этот самый натрий. Помнится, он, как и кальций, и литий, в чистом виде не встречается из-за своей активности. Значит, нужно искать его в соединениях, и уже там думать... Это начинает напоминать какую-то чёртову онлайн-дрочильню! В духе «сходи, Красная Шапочка, отнеси бабушке пирожки, но предварительно добудь у мельника муки, у птичницы яйца, у зеленщика капусты! При этом ни один просто так или за деньги необходимое не даст — у них свои проблемы, которые нужно решать».

Хотя чего я ещё ожидал от игры? Значит, проблемка чуть глубже, чем мне казалось, только и всего. Ещё пятнадцать минут на подъём и поиски по доступному пространству мелких образцов породы, снова разделение гидро — но в этот раз я «отпускал» один

«хвост», и свободный атом водорода улетучивался, оставляя мне гидрооснование.

Камушек. Мимо. Ещё один. Мимо. А глаза уже жечь начинает. Что-то я делаю не так. Определённо. Ещё один. В лабораторных условиях едкий натр получить достаточно сложно, к тому же, всё происходит в пробирке. Помнится, там с нагреванием ещё было что-то. Тут сразу вопрос — кипятить-то я в чём буду? Или там просто нагрев вещества? Тогда сразу мимо — с детства очень хорошо помню, как любят «стрелять» некоторые серые камешки, оказываясь в костре. Хватит с меня ранений.

Я взял в руку следующий камешек — симпатичный такой, с включениями прозрачных чешуек, напоминающих не то слюду, не то... Стоп. Рука, тянувшаяся было к разрушению следующей гидро, замерла. Прозрачные чешуйки, вода, хоть и после конденсации — солоноватая. Не туда. О чём мы? Ах да, порода необычная, и лежала она, помнится, на краю лужи — уже очищенной от ядовитой водицы. Запахи там, конечно... Аммиак, сероводород, ещё что-то. И как итог — после работы гео по периметру появляются такие вот интересные образцы.

Значит, что? Соль. Точно, соль! Сейчас главное — не сомневаться! Цветочек обречённо моргнул, выводя переходную форму между гидро и пиро, руку закололо — в воздухе остро пахло, а камешек разлетелся на осколки, которые, упав в воду, тут же ядовито зашипели, забегали по поверхности, активно дымя.

— Офлифна! — вода на мгновение помутнела, и тут же гео по периметру налились чернотой, очищая жидкость от получившегося едкого натра. Из рта на мгновение вырвалось крохотное облачко пара, а «цветочек» моргнул, подтверждая фиксацию.

Теперь нужно сделать так, чтобы гео не мешали. Но снимать, разумеется, я их не стану — они чистят пространство вокруг себя, а в воде хлор снаружи превращается в безобидный солевой раствор. Нужно отдельное место, и стенка, на которой впервые была опробована «рыбка» вполне подходит. Там и ямка необходимая есть — нужно лишь набрать с собой «камешков», выделенных из воды.

Я подготовился основательно, жалея лишь о том, что нет какой-нибудь проволоочки — касаться голый рукой взрывающегося камня, честно сказать, страшновато! Ну да ладно. Перетерпим. Поставим уробороса, а потом отлежимся. Реакция! Почему-то из пиро. Ладно, не моё дело. Камни треснули под водой, заиграли на поверхности, чуть позже над ней показался дымок свободного водорода, и я, нагнувшись, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов... И поспешил погасить гидро, исправно поставляющую всё новые и новые порции дистиллированной воды.

По мере работы юнан раствор густел, пока не выпал целиком в виде этакой мутной жижи — надо полагать... Опасливо прикусив губу, я зачерпнул чуть получившейся жижи, нанёс её на кожу, ожидая всякого! Но нет, всё хорошо! Должно быть, в тот момент, когда я перестал корчить из себя юного химика и позволил юнан работать, всё прошло как по маслу. Стянутую было кожу начало понемногу отпускать, дёсны избавлялись от отёка...

Смертельной опасности избежали, и организм, по всем законам Маслоу, захотел чего-нибудь эдакого. Пожрать, например! Вода, конечно, позволяет на время заглушить чувство голода, но не отменяет потребностей в еде полностью!

— Нужно срочно закинуть что-нибудь в топку, — неприязненно сторожа взглядом жёлто-зелёный свет, констатировал я. — С воздухом проблему решили, с водой тоже. Теперь нужна еда! Тогда я вообще наружу не сунусь. В баню. Там всё как ананас — хочет меня сожрать, даже если я его жру.

Приходили в голову даже откровенно сумасшедшие мысли вымочить в воде тряпку и быстренько сбегать к плодovому дереву. Раз есть источник соды и воды в избытке — почему бы не рискнуть. Две проблемы: у меня нет тряпки. Вообще никакой. И — а откуда такая уверенность, что ноги вспомнят, куда бежать сквозь газ? Ладно, повезёт если на какое другое дерево наткнусь, а если на анчар? Бррр. Нет.

Или посадить здесь что-нибудь этакое. Теплом и светом обеспечу, воды в избытке. Но когда оно вырастет? Я задумчиво уставился на дрейфующую на поверхности лужи веточку, чем-то напоминающую бамбук. Металла нет, дерево обрабатывать нечем... А если захочется в дальнюю экспедицию — то от камня к камню, чтобы поставить «рыбку» и облизывать поверхность? Или, может, на японский манер — нарезать такого вот «бамбука» слайсами по секции, проделать дырку и таскать воду вот так?

— Бамбук же, да? Цвет немного не тот, запах. Но это же ерунда, я тебя грызть не собираюсь. — крохотный кусочек ветки нашёл место на сгибе локтя.

Разумеется, парой секунд спустя кожу запекло. Да кто бы удивлялся, блин! Отрава. Даже если повесить на такую удобную «фляжку» целую кучу гео — овчинка выделки точно не стоит. А пить явно захочется. И орехами постоянно питаться не выйдет — цинга-с. Разве что...

— Это такая чушь, что может сработать?

Галька прошла очистку песком, содой, обеззараживание пиро и гео — и лишь после этого я поставил на неё «рыбку» и отправил в рот. Странное ощущение. Как будто «сочная» карамель, что постоянно «плачет», наполняя пространство под языком безвкусным дистиллятом. По-бедуински так. По-суровому.

Угрожающий хлорный вечер мало-помалу утрачивал насыщенность, а желудок урчал всё громче. Когда стало совсем невмоготу, я опасно выбрался из пещеры, затаив дыхание, стремглав бросился к деревьям, стараясь смотреть из-под опущенных ресниц. Плоды! Где мои плоды! Трава, ветки, насекомые — мне нужна еда! Любая!

Посмеши создателя, перечисли ему все «если» — плечо обожгло сильной болью, когда то встретилось с веткой. Не анчара, но, похоже, того самого «бамбукового» дерева. Жгучая пакость, но зону отчуждения вокруг себя не создаёт — белок приходилось видеть и на его ветвях. Что гораздо важнее — в прямой досягаемости на них висели плоды! Странные, немного напоминающие банан, но фиолетовые и раздвоенные на конце.

Даже если отравлюсь — плевать! А ручки-то помнят, сами ставят предупреждающие витеэ и гео — надо полагать, от микроорганизмов и опасных организму соединений. Хмыкнув, я бросился обратно в пещеру — мыться и приводить себя в порядок. Выждем пару минут — полагаю, если плод несъедобен абсолютно, гео преобразует его в нечто более удобоваримое. Тёплое? «Банан» ощутимо нагрелся в руке, хрустнул — и на землю со стуком обвалилась закаменевшая раздвоенная половина.

Что ж, на вкус это, конечно, не банан. И даже не какой-то экзотический фрукт. Да что там — едал я вещи и повкуснее. Но куда важнее то, что это съедобно и доступно! Клетчатка, сахара, витамины! Цинга — бай-бай! Мучнистая мякоть отдавала водорослями и скрипела на зубах, почему-то вызывая ассоциации с калием и мышьяком, но кому какое дело? Плоды достаточно сухие, лежать будут долго, а диета из них пополам с орехами достаточно питательная, чтобы вылезать из пещеры только для организации заслона на входе. Хотя, как показала практика, здесь такая дрянь творится, против которой никакой заслон не поможет.

Но ничего, ничего. Сейчас... Гидро — это термодинамика и, собственно, вода. Пиро —

это процессы и огонь. Гео — устойчивость и земля, наверное? Тогда аэро остаётся лишь катализация. Что-то, без чего ничто не начинается. Как раз закрываем «цветочек» целиком — активатор, квадриум стихий и «разное», где сейчас сидят уро и безымянный «сододел».

По структуре получается, что аэро должно быть чем-то резким, колючим, полным острых углов — это единственное, что осталось неосвоенным из моей дилетантской геометрии. Просто треугольник, конечно, не работает, это тебе не восьмёрки рисовать...

— Ну-ка, — писчий камень высек на поверхности плиты горизонтальную восьмёрку... И та не сработала никак. Ждала чего-то другого. — А почему? — Рядом с моим самопальным изображением появился Уроборос. — В чём разница? Чуть жирнее, вот и всё. Но этот работает, а мой — нет. Собственно, пуркуа?

Кривовато, конечно. Косовато. Но гео подхватила даже моё художество. А тут — шиш. Что-то не так? Делаю неправильно?

Приблизив так, что чуть ли носом в камень не уткнулся, я попытался найти различия. То же положение, та же фигура. Вот только...

— Компиляция? Почему она тогда вообще сработала в первый раз? — «Цветочек» отдал мне Уробороса, тот с явной неохотой пустил к разборке... — Ага. Понятно.

Такое камешком точно изобразить не получится. Или это будет репродукция пять на десять! Уроборос вовсе не был сплошной фигурой! Каждый, абсолютно каждый сегмент «бесконечности» в действительности состоял из разнообразных переплетённых между собой микро-юнан, половины из которых я попросту не знал. Хотя вот этот кусочек — это переходная пиро-гидро, значит, кислород. Этот вот обвод явно из чистой гидро, а тут — что-то непонятное. Углерод? Управление временем? Или, как говорили в моём сне — дефертилизатор? Не просто же так «плесень» сбежала, едва встретив змея, грызущего собственный хвост — это человек начинает задавать свои «а чо эта», зверь же чувствует опасность, и этого ему достаточно.

Вывод простой: юнан — не магия. Да, повторяюсь. Но это что-то посложнее, определённее. И кто знает, какого уровня детализации достигают другие юнан, в которых я видел лишь забавные псевдо-руны. Пофиг. Главное — пашет.

Теперь к аэро. Сложное внутри, простое снаружи. Острые углы. Катализатор. Доступное к воспроизведению в той же манере, что и прочие юнан — единым росчерком, не отрывая пера. В смысле — камня. Кубик-квадрат-треугольник? Не-а, да и не по-юнановски это как-то.

— И с каких это пор я начал мыслить «юнановскими» категориями? Но всё же.

Гидро увеличивает поверхностное натяжение, и пар становится водой. Это верно и в обратную сторону: ослабь — и вода испарится гораздо быстрее. С текучей водой, понятно, не сработает, но мою гостевую лужу какой-нибудь контр-гидро легко высушить минут за пять. С пиро связана прямыми, с гео — наличием «хвостов».

С пиро ситуация та же — реакция окисления доступна как в ту, так и в другую сторону. В конце концов, реакция выгонки натрия из солей — электрохимическая, а значит — обратимая. С гео связана сомкнутостью и прямыми.

Наконец, гео — голая химия, связывание веществ и их высвобождение. Из ключевых особенностей — наличие заметных углов.

Следовательно, старые выводы остались теми же — угловатость, прямые линии — символ направленности реакции, придаваемой активным веществом. Логическая связь с предыдущими юнан стихий. Что-то этакое...

Треугольник. Бездна фантазии. Он смотрел на меня, не собираясь никак реагировать или наливаясь чернотой. Нерабочая модель, логично. Нужно что-то ещё. Связь с гео через углы и пиро через прямые налажена. Осталось придумать что-нибудь с гидро. Доступное к начертанию одним росчерком.

— Я дурак, или да? — пещера промолчала, пиро проигнорировала, доедая дрова, гео отмолчался, связывая ещё одну порцию хлорной соли. Только рыбка гидро хитро подмигнула, шевельнулась, будто собираясь уплыть — туда, вперёд.

Меня осенило.

— Нет, дорогие мои. Я не дурак, — по пещере разнёсся заполошный стук камня о камень, — я — идиот. Направление реакции, ну что за дебил, а? Направление! Сторона! Можно получить из соли натрий, а из того — соду, но реакцию вспять не обратишь. Вернее, это будет уже совсем другая реакция, совсем другое — направление.

Получившаяся фигура, по сути, не так уж далеко ушла от стартового треугольника. Просто теперь их было три, пересекающихся на едином основании — один вытянутый вверх, другой посередине, третий — книзу. Юнан озорно шевельнулась, и затхлый воздух вымело прочь. На краткое мгновение показалось вдруг, что глупый голый человечек с ранками и ожогами остался где-то внизу, а я-настоящий посмотрел со стороны, сверху — огромный, неуязвимый. И стало понятно вдруг, что южная сторона скалы закрыта огромной «ракеткой» пиро, что ещё более крупная гидро удерживает болота в тысяче километров к востоку от неизбежного затопления, а стоящие за ней рядом мелкие, всего-то километр в диаметре, аэро и гео ловят испарения вырывающихся из-под земли огромных жёлто-зелёных гейзеров.

— Камерный мир? — за глупость меня тут же вернули обратно, в неловкое тело, болящее, чешущееся, полуголодное. — Кто и зачем это сделал?

Впрочем, спрашивать не у кого. И ладно. «Цветочек» принял новенькую благосклонно, доступ дал сразу — и два символа тут же заняли места возле входа в пещеру. Ещё одного визита хлорного облака, боюсь, не переживу.

Вечер поблёк окончательно, и я заспешил наружу — джунгли неизбежно выпускают самых опасных тварей именно по ночам. Поэтому обезьянке стоит успеть запасть кормом, пока ещё есть время.

Пик. Пик. Пи-и-и-ик.

Ведущая с чёрным от горя лицом попыталась вымучить улыбку — и безуспешно. «Чита-а-а-ай!» — слышалось из-за кадра, и она, с непонятной жалостью глянув куда-то в сторону, взяла себя в руки.

— Здравствуйте, в эфире программа «Время», в студии Анжелика Свифт, коротко о главных событиях дня.

Сегодня она впервые не выглядит уставшей, впервые без мешков под глазами и пожёванных щёк. Если не смотреть на выражение, на лихорадочный блеск глаз — воспряла ото сна! Ожила всеми любимая — рейтинги сайтов правил 63 и 39 не дадут соврать — телеведущая. Правда, похоже, ей потребовались крайне сильнодействующие вещества.

Пока камера совершала облёт, нарочито упуская диктора из виду, за кадром слышалось то, чему и места в программе такого калибра быть не должно — выдохи, звуки жадных глотков, какое-то шипение.

Наконец, студийная камера сменилась цветастой заставкой дайджеста, и посторонние звуки стихли.

— Любовь спасёт мир. Главы автономий направили официальное письмо президенту с просьбой признать день Святого Валентина государственным праздником.

— Цена жизни. Оба Радиосити открыли центры трансфузиологии — жертвам пандемии с Дальнего Востока срочно нужна плазма. Донорам с антителами удвоены выплаты.

— Квант-панк. Компьютеры перестали справляться с растущими потребностями человечества. Куда развиваться дальше? Мнение специалистов института Мура.

— Привет от Солнца — все три выходных дня над Радиосити-2 будет бушевать сильнейшая магнитная буря. Что делать метеочувствительным людям — советы главврача федерации.

Тут голос ведущей еле уловимо дрогнул — вышколенная, беспристрастная Свифт позволила себе сделать микросекундную паузу перед последней новостью дайджеста.

— Смерти вопреки. Кремль одобрил экспериментальную программу пост-мортем допроса Лисовского Даниила, подозреваемого по делу «Экзюперы».

Оставьте ваш комментарий:

Plodow wkusiliy: Пост-мортем? Министерство совсем отчаялось и начало нанимать на работу некротомов? >Shutiha Gitara: Животики надорвёшь. Я всё думал — почему они своих дотла сжигают. Теперь ясно. Если у нас есть такие технологии, то у заокеанских друзей точно возможности не хуже. VoiceOfHereafter: квантовый компьютер вам? Зачем? Вы всё равно не знаете, что с ним делать! > Masyama: А ты знаешь? > > VoiceOfHereafter: у меня он хотя бы есть. > > > Masyama: в подвале собрал? Из говна и палок? > > > > VoiceOfHereafter: _ссылка удалена модератором_. Держи спецификации и железо. > > > > > Yu-you: Пардон, жидкий азот? Какое он отношение имеет к квантовым вычислениям? > > > > > «Первый»: у тебя в самом деле есть такой компьютер? > > > > > > VoiceOfHereafter: quantum_sb.png > > > > > > «Первый»: написал в ЛС. > > > > > > Masyama: А нафига он нужен? Ни видяшки, ни периферии, в игры не погоняешь. > > > > > > Hunter: не все компьютеры собраны для игрушек. Министерство Чистоты Булок: А что

там с хакером случилось? Инфу трут оперативно даже из телеги. > ViVal: росконадзор, когда за ним пришли. Работал на починке купола, а там пневматические монтажные машины, они считай стреляют гвоздём, так как снизу вверх молотком особо не помашешь. Остальное додумаешь сам. > > Министерство Чистоты Булок: Вах! Спасибо! Василь Петрович: Магнитные бури, значит. То-то у меня вся семья с мигренью свалилась. ... Развернуть обсуждение (1514 комментариев)...

— Ты сошёл с ума, если думаешь, что я так просто туда отправлюсь!

Шипеть приходилось в воротник куртки, чтобы окружающие не обратили внимания, не попала запись на камеры дорожной службы, а те не передали «подозрительное поведение» на контроль министерским псам. Конечно, плюс в невозможности психануть и пойти вразнос присутствовал — как тренировка самоконтроля. Но, положив руку на мягкие ткани, она предпочла бы поорать. А ещё лучше — придушить чёртова хакера.

— Мы же уже договорились, — среагировал бестелесный голос в наушнике. — Ты нужна мне в качестве представителя и — мимо, обдав потоком воздуха, промчался броневик министерства, мазнул фарами по охранным стенам нахохлившихся домов, и всё стихло, — и рук.

— У тебя их нет?

— В некотором роде. Зачем тебе баллончик? — кажется, перцовка в нагрудном кармане и в самом деле беспокоила Гласа — он задавал этот вопрос в уже третий раз.

— Давай поразмыслим. Не успели мы поздороваться, как ты сразу же погнал меня непонятно куда, непонятно зачем. И ещё успокоить попытался — мол, будут только государевы слуги, — она пренебрежительно фыркнула, — успокоил, спору ноль.

— «Первый» захотел доказательств того, что у меня есть технологии. Их ты и предоставишь. В центральном аггло уже создали площадку. Некого там опасаться. И баллончик тебе там не нужен, а вот если обыщут — возникнет неприятность.

— Это ты моя неприятность. Я ещё не сошла с ума — идти куда-то, не подготовившись. Брать что-то серьёзное нельзя, за это засудить могут, обороняться по закону нельзя, приходиться «пустой» тоже нельзя.

— Переговорщики просто хотят демонстрации. Вряд ли там будут обычные силовики, а от «чистовиков» баллончик не поможет.

— Мне поможет! Мне!

Спокойствие дорогого стоит. Особенно после крайне удачного — или неудачного, тут как посмотреть — посещения безрайона в прошлый раз. Да, Диня. Да, новый чип в документах, не засвеченный ещё нигде. Но рейтинг!

И, видимо, ничему не научившись, она чапает в сторону реки, выступающей естественной границей между Невской и Центральной агломерациями. Приняла посылку, засунула в ухо наушник — и тут же отправилась, только Диню засадила за телешколу, чтоб не скучал.

А хотелось, чтобы иначе. Ментальность русской требовала организовать на сабантуй со стаканами, коркой дефицитного хлебушка на одном из не востребуемых, занавешенными зеркалами. Мать учила, пока ещё жива была. Но друзья-параноики ни разу не позволяли назначить встречу в реале, в лица друг друга не знали... Хотя, конечно, Принц точно видел её — как минимум, на снимках камер, когда формировал ТЗ в прикормленный паспортный стол — биометрия в документах обязательна, как ни крути. Так что не будет поминок, и звучит и выглядит это по-скотски — не попрощаться с другом.

Всё ради того, чтобы тот даже на пост-мортем не выдал других. И никто из них не выдал.

Подходя к будке КПП, она неосознанно тронула правое запястье — там в шве запрятана

тоненькая и безобидная с виду ниточка статического е-текстиля. Не является металлом или электроникой, не пахнет и не фонит. Но если некуда будет бежать, то буквально два движения с обшлагом, и заряд обогрева костюма отправится, куда нужно, а ниточка превратится в острейшую иглу. Не для защиты или нападения, а... Руки помнили правильный угол и силу удара. К счастью, Глас об этом даже не догадывался — хватило и истерики с баллончиком.

— Куда? — скучающе поинтересовался «чистовик» поколения так второго — слишком уж в возрасте.

— Центральная агломерация. Деловая встреча семнадцать-тринадцать «б», — сверившись с коммом, сообщила Лера.

Охранник взял её карточку, опустил в считыватель, уставился на экран. Делал он всё нарочито неспешно, будто вовсе не жил вчетверо быстрее обычного человека. Или уже и не жил? Леру никогда не интересовал этот вопрос. Возможно, после выхода на пенсию им делают какую-нибудь контр-прививку? Тайна за семью печатями на таком лютом сервере, куда даже Лис не совался. Она помрачнела.

— Бусловских, значит. Рейтинг семьдесят пять. Почему идёте верхом?

— Вы видели команду захвата? — поморщилась девушка. — Идти по випке мне рейтинга не хватает, а обочиной...

— Тут у меня указано, что ваша встреча назначена с какой-то Розой.

— Это мой псевдоним.

— Тогда не смею задерживать, — вертухай вернул документы и, откинувшись в кресле, нажал на большую зелёную кнопку. — Надеюсь, ваша вторая вылазка пройдёт успешнее.

В дальней стене что-то щёлкнуло, и казавшаяся монолитной стена треснула, открывая тёмный провал шлюзовальной камеры. Пахнуло сыростью, запахом дезактивирующей смеси и почему-то корицей.

Вторая вылазка, как же. Если бы дед на кнопке знал, что она облазила все жилые и нежилые территории Радиосити-2... Но подозрительно, нельзя. До совершеннолетия выходить за границы агломерации без веской причины запрещено вообще-то. Но организации требовались подставные электронные адреса, серверы, независимая связь — и старые коммуникации города предоставляли возможность раскинуть сеть любых масштабов. И если бы Лис пользовался только домашней сетью, то...

Она вздохнула и, нацепив респиратор, шагнула в полумрак, ёжась в неприятном предвкушении вонючего душа. Зачем «дезу» лить до выхода — оставалось решительно непонятным, но она привычно не задавала вопросов. Профилактика, может. Или указание начальства, далёкого как от подчинённых, так и от творящегося на земле.

Зашипели форсунки, сверху ударило мутным душем смеси, бессильно скатывающейся по одежде. Хлопьев нет, значит, и заражения тоже. Пятнадцать секунд на душ, и дверь за спиной захлопнулась, из сумрака потянуло сквозняком, вспыхнули неяркие лампочки, указывающие путь к выходу.

— Удачи снаружи, — непонятно зачем ещё раз пожелал охранник.

Снаружи, блин. Есть некое «внутри» — относительно чистое и безопасное, есть «снаружи» — смертельно опасное и грязное. Но почему-то никто не говорит, что мир не ограничивается радиоактивными развалинами некогда прекрасного города. Есть остальная страна, другие автономии, куда никогда не падали бомбы — там чистый воздух, чистая еда и вода, население здоровое и спокойное... Так какого ж рожна люди продолжают цепляться за

эти проклятые муравейники?

Она малодушно опускала такой же вопрос к самой себе. Пакостить в сети можно и из какого-нибудь Магадана — зная допуски к внешним серверам, попасть в «интра» любой агломерации не составит труда. А больше ничто здесь не держит. Капсульная квартирка у самой стены? Очень смешно. Будущее распределение на какую-нибудь должность у муниципалов или министерства? А зачем оно ей?

Валить надо по хорошему. Диню в охапку, запас провизии на дорожку — и до магистрали. Держать и ловить не станут: меньше ртов — лучше бюджету. Но нет. И ладно относительно обласканные «овощи» — дикие здесь что забыли? Зачем они выбираются из области туда, где шанс склеить ласты удваивается — от радиации, от своего брата-сталкера, от лютоющих «чистовиков».

Слишком сложные материи для семнадцатилетней девушки.

Наверное, тут играют роль совсем уже высокодуховные угрызения вроде чести, совести и патриотизма. Дикое животное никогда не забредёт в радиоактивный очаг, а если и — то постарается как можно быстрее убраться подальше. Но человек — не дикое животное. Потому и звучат глупости вроде «это больное болото, но это наше болото».

По сравнению с любым другим безрайоном, переход от дома к центру всё же самый безопасный. Оба КПП выходят к самому мосту, и всё, что нужно путнику с рейтингом, недостаточным для использования правительственной логистики — это пересечь реку. Здесь не бывает диких, не шляются посторонние, единственной опасностью остаётся пыль, которую прекрасно фильтрует респиратор.

Ветром ударило в левую скулу, и она остановилась. Повернулась к реке, уставилась на заснеженное поле с проталиной посередине. Говорят, раньше по зиме льдом покрывалось всё. Но с тех пор много воды утекло — чёрной, грязной, слишком тёплой для того, чтобы схватиться целиком. Или содержащей в себе слишком много примесей, создающих раствор, не мёрзнувший до минус неизвестно сколько.

От центральной специфически щёлкнуло, и она невольно втянула голову в плечи. Рассмеявшись, махнула рукой, бегом пересекла мост по ширине, перегнулась через перила. Вниз по течению неторопливо двигалась лодка с недвижимым уже телом в белом комбинезоне химзащиты. Минута — и стремнина подхватила, утянула судёнышко под мост. Министерство бдит, вам здесь не рады — сотни табличек развешены как на набережной, так и на полквартила вглубь. И всё равно лезут. Зачем? Кто бы знал.

— Ладно, пора валить, пока в меня целиться не начали, — пробубнила она из-под маски и наощупь нашла тактилоканер комма.

Запрос — отклик. Свой — чужой. Не стреляйте, дяденьки, я гражданская, я своя! По глазам ударило отсверком заходящего солнца, и она успела уловить движение в окнах пятого этажа дома напротив. Охотник скрылся за тёмным стеклом, напоследок окинув путешественницу ничего не выражающим взглядом. Огня открывать не велели, и он быстро потерял к ней интерес. Скорее всего, вернулся бдить за системами видеонаблюдения. Этаким дорожной службы местного разлива, уютно устроившейся за глухим бетонным кольцом основания купола.

По вечному асфальту шлось легко, дозиметр весело пощёлкивал, отмечая приемлемый фон, и даже подъём на виадук не испортил настроения — хоть она и схватилась за явно грязный поручень, когда под ногами заскользило. Ничего, сейчас душем окатят, и следа не останется.

В сам центр по земле попасть невозможно. Никак. Ещё до момента становления министерства местный бомонд скинулся на создание глухой обороны, поверх которой в будущем и воздвигли тяжёлый пластиковый купол. Так что либо по воздуху — или виадук в данном случае — либо через туннели. В том числе соцказ — грузовики въезжали под землю где-то ещё за чертой города и останавливались, достигнув приблизительных координат бывшего центрального проспекта. Никаких торговых караванов и прочей ерунды — только вооружённая до зубов охрана и логистический узел на станции бывшего метро. Шестьдесят метров ниже поверхности, свинцовые кузова автомобилей, осуждённые, работающие на погрузочно-разгрузочных... Вообще-то это гостайна, и всяким подозрительным её знать не полагалось. Но из «Экзюпери» она или погулять вышла?

Правда, скучная тайна. Из тех, о которых на каждом углу кричать никак не получится.

— Опознан гражданин, — донёсся приятный женский голос из динамиков, и парные двери разошлись в стороны. — Пожалуйста, встаньте в сканирующую зону. У вас десять секунд, или мы открываем огонь.

На асфальте тут же зажглись два отпечатка ног, с особым тщанием выписанных лазерным лучом, и девушка поспешила встать, куда требовалось.

— Медленно достаньте левой рукой удостоверение и поднимите его на уровень подбородка.

Безопасность на высоте. Хотя что-то и подсказывало — решишь кто-нибудь на самоубийственный штурм купола — и не помогут ни автотурели, ни охотники с монструозными ВССК, сидящие на верхних этажах незащищённых домов. Бетонное кольцо-стена тоже не панацея. Собственно, спасает только принцип неуловимого Джо — никому особо купол не сдался. Ну и то ещё, что при любых раскладах обороняющихся следует давить хотя бы трёхкратным перевесом, потери нападающих всегда выше, а потому тащить с собой нужно хотя бы полторы тысячи бойцов... Способных к размену хотя бы один к одному с нормалами и десять к одному со сверхами.

— Личность подтверждена. Гражданин, добро пожаловать в центральную агломерацию! — робот включил знакомые «взлётно-посадочные» диоды, позволяя войти в шлюз.

— Ваш путь от Невской занял на двадцать три процента больше рекомендуемого, — охранник (видимо, в качестве разнообразия из нормалов) положил на колени девятимиллиметровый «Вихрь», демонстрируя готовность в любой момент вскинуть оружие — от калибра 9х39 прозрачная преграда не спасёт. — Объяснитесь, гражданин.

— Прошу прощения, — эмоции под контроль, это обычная процедура, всё строго по инструкции. — Засмотрелась на работу вашего охотника.

Она поморщилась от устойчивого запаха смеси — хлопья пришлось смывать трижды, прежде чем сканер позволил ей тут оказаться. То ли наступила, куда не следует, то ли ветер сегодня «свежее» обычного.

— Выделить сопровождение? — охранник явно расслабился, услышав её ответ.

— Спасибо, не нужно. Я найду дорогу.

Снова подтекст — её ожидают настолько влиятельные люди, что появление в одиночку может пагубно повлиять на складывающийся имидж делового человека. Но плевала она! Не по своей воле, да и выполняя требования кого-то другого, под чужим именем.

— Гостевой пропуск в открывшемся ящике. Не забудьте погасить его, когда будете возвращаться.

Не успела она и дверь пройти, как тут же услышала чей-то возглас:

— А вот и наша героиня! Роза, да?

Лера обернулась.

— Меня зовут Тайго Ахабс. Я ваш поверенный от ООН, — к ней спешил, протягивая руку, высоченный иностранец, швед по внешности. Хоть и говорит без акцента.

На её недоумённую гримасу он вопросительно оглядел ладонь, подумал — и хлопнул ей же себя по лбу.

— Ах да, простите. Вечно я забываю о ваших правилах. Я недавно в Радиосити.

— Я заметила, — неприязненно ответила девушка, стараясь держаться от него подальше. Небольшая проблема, учитывая размеры проспекта, ведущего к зданию бывшего посольства.

— До сих пор не понимаю, если честно, — тараторил он, грузно двигаясь рядом, — обычно федераты никогда не обращаются к мировой общественности, вы первая такая.

«Ну да, где тебе, скандинавской харе, понять. Не дышал нуклидами, не трясся от страха, слыша, как ломают соседнюю дверь. Действительно, почему это я к властям не обратилась?»

У федерации наблюдались крупные проблемы с математикой. Они умели отнимать и делить. Вот с прочими действиями... И, спрашивается, зачем прогибаться под непонятного крикуна из сети, если можно присвоить его наработки и выступить спасителем мира?

— Прошу, — Ахабс приглашающе махнул рукой в сторону раскрывшихся дверей. — Нам на верхний этаж.

Хитрая система. Здесь, как и в основной части центра, первый этаж либо не задействовали вовсе, либо залили бетоном наглухо, создавая подушку-фундамент. Потому вместо входной двери прямо с улицы курсировал сквозной лифт со всеми удобствами.

Места хватало и на двоих, и на пятерых в случае чего — стоявший поодаль швед с неудовольствием прикрыл глаза, а Лера с буддийским спокойствием слышала знакомый шум разбрызгивателей. Сверху хлынула дез-смесь, облегчённая, домашняя версия — больше для контроля, чем для действительно чистоты. Если хлопья полезут — лифт встанет, механизмы переключатся на промышленный концентрат...

Смесь отключилась, ей на смену пришёл тёплый ветерок, легко высушивший одежду. Так что к моменту, когда кабинка добралась до мансарды-2, оба человека внутри были чистыми и сухими.

Сложно сказать, чего она ожидала, направляясь на переговоры. Может быть, строгих кабинетов, служек с мёртвыми глазами, бегающих по пропахшим хлоркой коридорам, суровой охраны... Но не того, что двери откроются прямо в круглый зал с панорамным окном и телевизором на противоположной стене. Вокруг стола в непринуждённых позах расселись люди, половину из которых она вполне себе узнала — люди из ящика, из новостей.

Министр. Тот дядька из Новосмба — надо полагать, ведущий астроном Федерации. Представитель ООН по правам человека. Помимо них в комнате заседали два американца, судя по стоящему перед ними звёздно-полосатому флажку, и собственно Лера и Ахабс.

— Я агент Ка, — подал голос министр. — Сегодня я проктор аттестации соискателя и председатель заседания в случае успешного прохождения. Давайте начинать. Милочка, вам не нужно что-нибудь? Воды, карамельку, таблеточку для спокойствия?

— Аттестации? — растерянно переспросила Лера.

— Успокойся, — щекотнул ухо бестелесный голос. — Это я беру на себя. Просто

повторяй за мной.

— Может, мы просто узнаем про квантовый компьютер, — один из американцев, сухой, с прямой как жердь спиной, покачал головой, будто разминаясь. — У меня сегодня ещё куча дел.

— Джулай, я узнавал ваше расписание, — скрипнул министр. — И кроме очередной попытки вытащить племянника из расследования, на сегодня у вас ничего не запланировано. Ещё возражения есть? — он обвёл взглядом собравшихся. — Нет? Тогда начинаем. Соискатель Роза... просто Роза утверждает, что обладает нужными компетенциями и ресурсами для расчёта минимизации последствий солнечного кризиса-2. Соискатель?

— Я, — хрипло откликнулась Лера.

— Возможно, у вас есть уже научные труды на нужную тематику.

— Труды?

— Исследования, — терпеливо пояснил Ка. — Патенты. Статьи. Если есть, то мы можем опустить аттестацию.

— На деле есть. Но зачем им знать? — усмехнулся Глас. — Но они пока не догадываются, зачем мы на самом деле здесь собрались.

Лера отрицательно покачала головой.

— Хорошо. Первый вопрос...

* * *

Да, это было слишком просто. Сдача экзамена с наушником в ухе — классика жанра. Хотя не оставляло впечатление, что захоти она наугад решить хотя бы одного вопроса...

— Аттестация успешна, — наконец, закончил допрос министр. — Поздравляю, соискатель, вы достаточно компетентны, чтобы подписать договор намерений.

— И когда мы увидим ваш так называемый «компьютер»? — едва дождавшись окончания экзамена, тут же влез лысый дядька в свитере с кожаными вставками. — Вы же привезли его с собой, так?

— Извините, Лев Денисович, но не нужны никакие компьютеры, чтобы понять: все мажорные решения — это бред пьяных идиотов, — начал Глас. — Сейчас вас должны интересовать не расчёты, а вероятностный анализ, который я вам и предоставлю.

— Надо полагать, вы дока не только в солярологии, но и в вероятностном анализе? — хмыкнул лысый Лев Денисович.

— А как же. Считаю я определённо лучше вашего. Смотрите, — Лера коснулась комм, и телевизор включился, на нём ворохом чертежей запестрели какие-то графики, напроць ей непонятные. Но Глас рёк, и она рекла за ним. — На основании того, что ВЪ знаете с Солнце, достаточно выстроить простенький вероятностный график с учётом каких-то семнадцати переменных. Перечислить их?

Учёный зашевелил губами, складывая пальцы, помолчал. Но возразил в итоге:

— Почему семнадцать? Я насчитал всего пятнадцать!

— Ещё влияние тёмной материи и ингибция термоядерного синтеза, — подсказал Глас, и учёный смолк, согласно кивнув. — Так вот. На текущий момент наиболее простым выходом из ситуации является повторный блэкаут. Полностью управляемый.

Присутствующие зашумели, переглядываясь.

— Абсолютно исключено! — взорвался Джулай. — Мы не можем позволить себе ещё один «день солнца»! Каждые сутки простоя биржи стоят миллиарды! А что делать с «эвтанази», безвылазно сидящими в виртуале? А с людьми на искусственных почках и

лёгких — ваша, между прочим, заслуга!

— Смотрите цифры сами. Простой график в семнадцатимерном пространстве. Ерунда для КК, но определённые сложности для ваших машин. Заметьте, я не пытаюсь говорить вам, что делать, я всего лишь отвечаю на вопрос — поможет ли то, что вы сами придумали.

— Да кто ты такой? — не выдержал второй американец. — С чего ты явился непонятно откуда и думаешь, что мы станем тебя слушать?

— Кто я такой? — картинка на экране сменилась россыпью отсканированных листов с патентными записями. — У меня много имён. Но лучше всего вам пусть говорят мои достижения. Механизмы биржевого прогнозирования — позапрошлый год. Обработка биг-даты внеполитического спектра — десять лет по текущий, патент возобновляемый. «Хавок», на котором вы прилетели, уважаемые Джулай и Уилсон, построен с использованием уточнений на основе моих моделей.

— Физик, теперь ещё математик, — проворчал министр. — Кто ещё?

— Аналитик, господин Ка. Это мой конёк. Кому как не вам знать, и вам, товарищ поверенный. Ибо алгоритмы допроса преступников...

— Пост-мортем, — прошептал Ахабс.

— Тайго, вы зря стесняетесь.

Лера застонала. Ну, разумеется. Максимум бездушности. И с ним она согласилась сотрудничать?! Ей как никогда захотелось вытряхнуть и раздавить наушник, выскочить за дверь и больше никогда, никогда не пускать в свою жизнь этого прохвоста!

Но что будет, когда собравшиеся здесь сильные мира сего узнают, что она — просто лицо тандема? Нет, терпеть.

— На текущий момент управляемый блэкаут — это не самый плохой выход, — между тем продолжил Глас. — Потому что ничего вы солнышку не сделаете.

— Но позвольте! — крикнул Уилсон. — Наши новые CSTM-ракеты несут на борту достаточно...

— Недостаточно. Вы из военных, господин Уилсон? Так хочется жахнуть, да? Посильнее. Погасить взрыв взрывом. Нет, идея хороша. Но нет у нас достаточно мощи, ваша бомба крохотная даже по меркам Земли. А чтобы Солнце утихомирить — нужно саму Землю туда кидать. К тому же, как уже было сказано, антивещество — не самый эффективный ингибитор термоядерной реакции. С бегством и бункерами — всё понятно. Ну а про строительство щитов я уже не говорю.

Присутствующие в комнате обменялись понимающими взглядами — должно быть, поклонников «щита» здесь действительно не было.

— Джулай прав, — прервал монолог Гласа министр, — мы действительно слишком сильно зависим от электроники, чтобы отключать её даже на день. Нужно другое решение.

— А оно есть.

— Помимо предоставления квантового компьютера? — потёр ладошки Ахабс.

— Помимо его документации, чертежей и технологий. Строить будете сами, — уточнил Глас. — Свой я вам не отдам. Но к вопросу о спасении...

— Мы вас слушаем.

— Это решение встанет вам ещё дороже. Но действительно не придётся ничего отключать или останавливать.

— А именно?

— Мне нужен бункер, — сообщил Глас. — В идеале — на территории Федерации.

Подготовленный по документам, которые я предоставлю. Он должен быть автономным, полностью герметичным и залегать достаточно глубоко, чтобы находящиеся внутри не пострадали. Как только бункер будет готов, вы получите документы по квант-компьютеру и модель спасения.

Вспышка света особой длины, сканирование сетчатки и электросигналов в мозге, смена слайда на следующий. Вспышка, скан, щелчок.

— А, Хантер! Заходи, — приглашающе махнул рукой Юр Сёмыч, потенциальная гнида и коллаборационист. — А мы тут с нашим другом общаемся.

Сама допросная походила на что угодно, только не на помещение психологической пытки. Под окном уютно потрескивал теле-камин, раздающий всамделишное инфракрасное излучение, и греющий оттого, ноги вязли в толстом серо-синем ковролине, а занявший место рядом со входом шкаф буквально ломился от фантастики. Небольшой столик с углублениями под чашки, три удобных кресла... Тут жить можно при желании, а не выкачивать из непокорных левых информацию. Говорят, настоящая слава приходит к городам, когда они избавляются от стен — силы их воинов достаточно.

Может, и здесь похожая логика — минимализм, холод и отсутствие уюта предназначались службам традиционным, в которых человеку противостоит такой же человек... Разве что чуть лучше обученный и натасканный.

А тут и вертухай не нужен — агент Ка в случае чего поймает и переломает преступнику ноги ещё быстрее, чем тот замыслит что-то нехорошее. Именно он и занимал третье кресло. Хоть и не по ранжиру.

— Агент, шеф.

Хантер кивнул и остался стоять. Шebutная рожа на месте допрашиваемого из привычной картины выбивалась. Не той короны подданный, чужой человек, внешняя юрисдикция, уже бывал здесь в гостях, смысла его пребывания сейчас...

— Господин Джулай.

— Привет, агент, — небрежно откликнулся юнец с жутким акцентом. — У меня проблемы со зрением, а у тебя как дела?

— Вам позвать врача?

— Да нет. Врач мне не поможет. Адвокат, я не вижу адвоката!

— Адвокат, господин Джулай? — ненатурально подивился Ка. — Помилуйте, зачем вам защита?

— Но...

— Защита нужна только человеку подсудимому, вы же, — шеф важно поднял палец, — уже осуждены, и здесь с нами просто скашиваете себе срок. Если, конечно, сообщите достаточно, чтобы это засчитали как сделку со следствием.

— Вы не имеете права! — завопил Джулай. — Я буду жаловаться! Вы знаете, кто мой дядя?!

— Знаю, — скучающе ответил Ка. — Ещё один Джулай. Но ему хватило ума при пересечении границы не таскать в комме запрещённые видео.

— Какие видео?! Я ничего не знаю! Мне подбросили!

Вспышка, скан, щелчок. Вспышка... Терпение у Хантера лопнуло окончательно — там сейчас мёртвый Лисовский даже после смерти лишён покоя, пока тут эта сытая рожа...

— Мередит Страховски, агломерация Бруклин, — скучающе сообщил он. — Она всё рассказала, Кип. Хорошая девочка, глазки светлые, умненькая. Один недостаток — влюбилась в подонка.

Джулай резко сглотнул, его кожа посерела, а маленькие глазки забегали. Смахнув крупные капли пота со лба, он мякнул умоляющим голосом:

— Но вы же не...

— Пока не, Кип. Сами посудите, что для вас лучше — пять лет за хранение, а ваш аппарат где-нибудь затеряется — или свидетельские показания, изготовление и прочие присущие. Догадываетесь, что ждёт вас, стоит лишь пересечь терминал?

— Дайте попить, — попросил Джулай. Хантер бросил вопросительный взгляд на шефа, и преступник взорвался: — Да не из этих я! Я жить хочу!

— Шеф, — ожил интерком, — в приёмной мистер Джулай, требует аудиенции.

— Я схожу, — Юр Сёмыч неохотно поднялся из кресла, — развлекайтесь без меня, мальчики.

Хлопнула дверь, и кресло приняло в объятия ноющую спину Хантера.

— Выручать пришёл, тля, — хмыкнул Ка. — Знал бы он, что лучше.

— Политика, — односложно ответил Хантер.

Ситуация смешная, на самом деле. Кип Джулай действительно осуждён по статье «хранение контр-государственных материалов», а на всё остальное следствие согласилось закрыть глаза — если он поделится информацией. Но его дядя будет обивать пороги и ныть, жаловаться то в посольство, то в Кремль, и в итоге это ударит по и без того некрепким узам стран. Сдать бы его, и дело с концом. Кучу нервов и ресурсов сэкономит. Но министерство не обладало привычкой выпускать добычу, раз запустив туда клыки.

Так что Джулай в относительной безопасности. Он сам пока об этом не в курсе, конечно. На этом стоит сыграть.

— Итак, начнём, — закурив, начал Ка. — Вам говорят что-нибудь имена Ахабс и Уилсон?

— Уилсона знаю. Это коллега моего дяди! А этого Хабса...

— Ахабса, господин Джулай. Попрошу отнестись серьёзнее к происходящему. У группы задержанных изъяли коммы, на одном из которых был контакт с вами. Что можете сказать на этот счёт?

— Господа детективы, — скучающе протянул Джулай. — Я не смогу вам помочь, если не буду знать, о чём речь. Задержанные? Кто? Почему? При чём здесь Уилсон и Хабс?

— Ахабс, — ещё раз поправил Ка. — Вчера прошли аттестационные переговоры. Появился очередной спаситель человечества, и мы должны были убедиться в том, что он достаточно компетентен. Некая Роза. После завершения переговоров её и поверенного от ООН преследовала группа людей, попытавшаяся устроить драку. Роза нейтрализовала их с помощью перцового баллончика и сдала на руки нашим агентам. Остальное вы знаете.

— И вы хотите, чтобы я рассказал, зачем и по чьему приказу ваши задержанные пристали к будущей мессии? — с какой-то даже тоской в глазах протянул Джулай.

— Именно. И чем больше подробностей вы сообщите, тем сильнее поможете.

— Не могу, — коротко мотнул головой американец.

— Кажется, вы не понимаете...

— Да не могу я! Не улавливаете разницу? Не «не хочу», а «не могу»! Мне предложили подзаработать, передав небольшую посылку с дипломатической почтой, потом со мной связались с неизвестного номера, и я выдал им код получения. Это всё, что я знаю, клянусь!

— И всё же — не понимаете, — усмехнулся Хантер, успевший за время исповеди обдумать всё как следует. — Это не контрабанда наркотиков или информации, вы же

понимаете? Не единоразовый заказ. Работает какая-то организация, и эта организация в курсе, что вы сотрудничаете с министерством. Выложили всё, что знаете и не знаете, сдали всех с потрохами...

— Смешно! Я лишь рассказал о передаче посылки!

— О, правда? — Ка подмигнул. — Значит, всё в порядке. Всё замечательно. И они, конечно, вам поверят. Особенно после четырёх с половиной лет под Магаданом.

— Вы же говорили «пяти»... — американец тут же прикусил язык.

— Ой, да, простите. Я хотел сказать «четырёх». Вами заинтересовались очень нехорошие люди, очень проблемные. И защита от них в сделку уже не входит.

— И что мне делать?

— Ничего, — Хантер потянулся к кнопке вызова охраны. — Если верить сообщениям учёных, мы не переживём и полугода. А на том свете никакой «Свободный День» вас не достанет.

— Эздэ?! — Кип округлил глаза и заторопился. — Пойдите! Погодите! Я не могу больше ничего рассказать про этот случай, но я много интересного знаю.

— Например?

— Про Уилсона. Про дядю. Их махинации...

* * *

— Джулай-старший для нас недоступен, — спустя полчаса американца всё же увели, и агенты остались в комнате вдвоём. — Атташе, мать его. Дипломатическая неприкосновенность.

— Да пёс с ним. Не у нас же ворует. Ты мне лучше скажи — что там с этой Розой? Узнал подробности?

— Да узнал, — кивнул Хантер. — Бусловских Лера из семьи врагов народа, имя очищено по одиннадцатой поправке. Высокий рейтинг, но звёзд с неба не хватает, надежд не подаёт и в целом не очень походит на спасителя.

— А кто из нас походит... — философски протянул Ка. — Она смотрела на меня так, будто знает что делает. Я не говорю уж про уровень её знаний — тот старпёр из Академа чуть не лопнул от возмущения, пытаюсь её засыпать. Может, мы имеем дело со спящим гением?

— Тогда уж с савантом. Эта недотёпа всю жизнь прожила в родной агломерации и в первую же прогулку наружу умудрилась потерять документы. Вернее, её ограбили дикие, которые в принципе никогда так далеко на север не забредали. Удивлён, что во второй выход она не попала в беду, просто пересекая мост. Хотя, говорят, там подстрелили очередных «пльвунцов» примерно в то же самое время.

— Север... Поймай, это не там случайно наших «троек» положили?

— Там...

— Любопытно. То есть, она точно не может быть изобретателем квантового компьютера?

— Не знаю, босс, — признался Хантер. — Она какая-то слишком... обычная. Понимаете? С какой стороны ни копни — ничего выдающегося. Обыватель с активной гражданской позицией, после ареста опекунов и очистки имени сидела в капсуле безвылазно, и тут в один момент ограбление, утрата документов и прорыв гениальности? Слабо верится.

— Может, она ширма. Атташе вроде нашего неуважаемого Джулая. Лицо конторы.

— Считаете, за ней кто-то стоит?

— Да ничего я не считаю, — поморщился Ка. — На пенсию я хочу, вот что. Закрою текучку — и порастит оно всё ромашками. К слову, о текучке — как там пост-мортем?

— Гоняем. Гад слишком хорошо знал, куда бить, чтобы навредить побольнее. От него осталось всего ничего — ни светских бесед, ни связной информации. Вот гоняем по реакциям. Если узнает кого-нибудь помимо коллег и родственников — можно будет работать. Юг и юго-запад уже закрыли.

— Базу, говоришь. Ты знаешь что сделай — добавь в парсер эту Бусловских на всякий случай. Сделаешь?

— Думаете, он её узнает? — сомневаясь переспросил Хантер.

— Вряд ли. Но лишним не будет. Хорошая гражданка с высоким рейтингом и активностью настолько противоположна преступнику, что вспоминаешь поневоле поговорку о тихих омурах.

— Хантер, закончили? — спросил комм голосом шефа. — Зайди.

— Труба зовёт, — уютное кресло определённо нравилось больше, чем холодный «аквариум» шефа, а потом неудобный стул рабочего места.

— Бывай, — Ка бросил ему сухую ладонь и отпустил экс-сотрудника.

Рабочий офис встретил его недоумёнными и подчас неприязненными даже взглядами. Особенно с третьей и восьмой машин. Старик усмехнулся про себя, сохраняя каменное лицо. Знал, с домашней машины видел, куда перенаправляется основной поток текучки. Но раз ты рыцарь — ты рыцарь всегда, а раз ты «дементор», то никакой тебе пенсии.

— Звали, — стеклянные двери пропустили его в святая святых.

— А вот и наш старый пёс, — неприязненно фыркнул Джулай-старший, сидящий здесь же. — Вы объясните мне, Хантер — почему моего племянника до сих пор не выпустили?

— Он нарушил несколько серьёзных законов Радиосити, — спокойно ответил Хантер. — Суд уже был, Кипа признали виновным по всем статьям.

— Вы не могли его судить, он не гражданин вашей страны! Это вообще чужая юрисдикция! Вы должны были...

— Со всем уважением, — непреклонно перебил его Юр Сёмыч, — но не вам говорить «дементору», что он должен, а что нет. Посидит ваш племянничек немного, не помрёт. Работа на свежем воздухе, здоровое питание и никаких компьютеров — всё на пользу пойдёт.

— Я не оставлю родственника в этом... Этом средневековье!

— Извините? — Юр Сёмыч даже растерялся на секунду. — Технологически мы вашим ненаглядным Штатам не уступаем, и...

— Не переводите тему, — зло выкрикнул Джулай. — Я узнавал — вы раздроблены на кучу автономных областей, как в феодальном государстве. Если Кипа повезут куда-нибудь из города — это даже не другая область, это другая страна!

— Сказал человек из раздробленных североамериканских штатов, — не выдержал Хантер. — Занимались бы лучше подготовкой к сотрудничеству с Розой, а не впустую время тут тратили. Я слышал, вы из Техаса. Это же ваш штат почти единогласно проголосовал за то, чтобы жажнуть по Солнцу бомбой помощнее?

В глазах Джулая что-то неуловимо поменялось, он каким-то приторно-ласковым голосом проговорил, почти пропел:

— Техас прекрасен, господин «дементор». Знаете, что в нём лучше всего, помимо

разрешения «стоять насмерть» и плодородных полей? Девушки. Знаете, красивые такие. В обтягивающей одежде, юбочках, на каблуках, с красивыми ногами. У вас тут как с этим? Писк сезона — розовый РХБЗ и противогаз со стразами?

«Глупо», — подумал Хантер.

Дурак Джулай, конечно, прав в чём-то — уже поколение выросло, никогда не видевшее каблуков и юбок — но говорить такие вещи на переговорах ход заведомо слабый. Попахивает, знаете ли, «сам дурак» и всё в таком духе.

— У нас свой путь в будущее, — спокойно ответил он. — Вы, наверное, не заметили, но у нас все спецслужбы из нормалов оснащены сверхсовременным оборудованием, а вы продолжаете, как обезьяны, размахивать «эмками»; оба Радиосити оснащены и настроены как «умный дом», традиционная преступность в агломерациях почти побеждена, остались только дикие — у вас с этим как? Может, и неплохо, что девушки у нас в комбинезонах ходят, а не раздеваются чуть не догола?

«Старый дурак, куда тебя несёт?»

Он о многом умолчал, разумеется. Есть подписки о неразглашении, есть гостайны, есть тонкости, знать которые господину балаболу вот вообще не стоит. Про то, что калибры девять и двенадцать миллиметров поголовно дозвуковые, чтобы «дементор» легко мог увернуться от выстрела, про то, что налаживание видеонаблюдения не в последнюю очередь работает именно на спецслужбы, а не в интересах уважаемых горожан...

Юр Сёмыч наблюдал за их пикировкой со странным блеском в глазах. То ли не хотел вмешиваться, то ли наслаждался шоу. Но не вмешивался. Хотя тут как ни крути, а обе стороны налажали конкретно, повели себя как те дураки из сектора комментариев под каждым выпуском новостей. Только там пишут подростки тринадцати-шестнадцати лет, а тут два старика...

— И у нас есть Роза, — поддакнул он. — А если вам больше неинтересно сотрудничество по спасению, то я сообщу ей, что Америку защищать не станем. Договорились?

— Нет, — тут же сник Джулай. — Агент Хантер, агент Матвеев, приношу извинения за несдержанность. Но и вы поймите меня...

— Джонатан, — мягко начал шеф. — Мы не министерство. Хоть у нас и работает один из его пенсионеров, мы другая организация. По простому доносу мы арестовывать не станем, тем более, граждан другой страны. Просто поверьте на слово: если у вас узнают всё, что сожрала совокупность улик — он сядет на несколько пожизненных. А в вашем Техасе, кажется, до сих пор разрешена инъекция...

— Что же вы там такого нашли? — атташе, похоже, сдался окончательно. — Что этот идиот с собой таскал?

— Документальные свидетельства его связи с... Это вообще закрытая информация. Понимаете, в интересах следствия её лучше вообще никому не сообщать, но у вас случай особый. И самое страшное, Джулай, что мир уже изменился. А вы никак не поспеваете. Пять лет назад казалось дикостью сажать за электронное устройство в рюкзаке — даже не следящее, не шпионящее, простой комм. Только вот идиот Джулай-младший настолько капитально подставился...

— Да, пожалуйста. Я никому не скажу.

— Вашего племянника обвиняют в связях со «Свободным днём». Вы понимаете, что это значит?

Джонатан определённо понимал — он хватанул воздух посиневшими губами, судорожно забрался во внутренний карман пиджака, трясущимися руками добыл оттуда коробочку с таблетками, закинул в рот пару штук, задержал дыхание, и обмяк. Агенты молча наблюдали, позволяя ему справиться с истерикой.

«Насухую, значит — машинально отметил Хантер. — Значит, болячка старая, опыта море».

— Он хотя бы будет жить? — спросил американец, когда краски вернулись на лицо.

— Мы его точно не убьём и убить не дадим. А вот будет он жить или нет, зависит вовсе не от нас.

— А от кого?

— От вас, уважаемый атташе. Работайте и дайте работать Розе, иначе, боюсь, всё будет бессмысленно. Договаривайтесь, давите на Ахабса и ООН. Если всем миром не соберёмся...

— Да, — сказал Джулай. — Да! — И уже гораздо тише: — Вот только что я скажу сестре...

В глухой тишине он поднялся и вышел, оставляя переглядывающихся агентов.

— Почему мы нянькаемся с этими клоунами? — будто повторяя незаданный вопрос, начал шеф. — Потому что мы лицо, Хантер. Нам не везут сюда ресурсы бесплатно, и деньги нужно откуда-то брать.

— Откуда?

— Мы оказываем представительские услуги целому миру. Когда ты известный на всю планету Радиосити-2, ни за что так хорошо не платят, как за торговлю лицом. А теперь у нас есть ещё Роза. Понимаешь, что это значит?

— Угу, — проворчал Хантер. — Если она справится, ясли-сад «Радиосити-2» откроет вторую смену. Пойду я, подсуну бригаде снимок Бусловских — мало ли.

Неизвестный

Дождь снова встретил меня ударом в сердце. Не ледяной, выпивающий остатки жизни и травящий насилию живые останки, не прошибающий насквозь до слёз и ненависти. Самый обыкновенный молчун, слёзы сельвы, объясняющие такую богатую зелень в почти полное отсутствие рек. И я среди этого всего — чужой, побеждённый кряду несколько раз, но не собирающийся сдаваться.

И сны эти. Знаете? Когда думается, что от тебя остался только остывающий симпатичный труп, ибо и жил ты быстро, и помер, не затягивая — а всё же остаётся живым труп. Пригласи меня танцевать, протяни руку и разменяй остатки глупых ценностей одним простым касанием губ...

— ...не могу его бросить просто так! Это она, она виновата! Дай я просто её убью!

— Это поможет? Вернёт его? Тогда я первый схвачусь за нож.

— ...нет. Но ты предлагаешь невозможное! Нельзя его так бросать! Он городской овощ, ни в каких других джунглях просто не выживет!

— Да брось. Ему самому это нужно.

— Но...

— Верь мне. Разве я хоть раз подводил нас? Или врал? Ничего я не говорю, если не уверен, и сейчас говорю — спаси его! Дай случиться неизбежному.

— Нет. Нужно просто дать ему хоть что-то, иначе он вообще ничем от предтеч отличаться не сможет! Не тот век, не та психология!

— Забудь про гаджеты.

— Да не в них дело.

— А в чём?

— Мне нужно подумать.

Думай. Пока не сбилось дыхание, а в натруженном правом боку не закололо пониманием того, что ты безнадёжно опоздал. И тем страшнее спешить, чем больше уверенности, что уже никуда и никак ты не успеваешь — сколько ни рви ноги. Сколько ни ускоряйся, сколько ни пищи твои идиотские фитнес-часы, способные вслух пересчитать шаги, но и близко не умеющие вычислить коэффициент банального человеческого счастья.

Гео стало «нео», и камень превратился в легко принимающий эргономические очертания эластичный конструкт, а я помню, как меня тянуло до следующей ветки. После аэро было и что-то ещё, и дело вовсе не в огромной «ракетке» поверх скалы, не в сдерживающих — забыл слово — там, далеко. Стоит им лишь чуть ослабнуть, и по мне тут же ударит чем-нибудь, несовместимым с жизнью. А я жить хочу! Жить!

Одиночество никогда не спешило вслед за мной, и потому догнало, почти не напрягаясь. Вопросы сами всплывали в голове, лица сами мелькали перед глазами, формируя всё новые и новые аспекты простого вопроса...

— А нужен ли я такой? — шевельнулись пересохшие губы. — Кому я такой нужен?

Сверкающие в неукротимом резонансе «короны» освещали всё большую территорию — километры, пары, десятки. И ровным счётом нигде вокруг — во всяком случае, принимая за ориентир радиус в сотню километров — никого. Кричать хочется. Плакать.

— Спасите меня!

Я не голоден и не умираю от жажды, дикие твари сторонкой обходят мои владения,

любая другая статистика, демонстрирующая мой прогресс, прямо показывает — я побеждаю. Против природы, человек из бестолкового будущего с полагающимся набором способностей и ресурсов — побеждаю. Ещё чуть-чуть, и начну строительство собственного дома, что даже по наиглупейшим правилам некоторых любителей «реализма» не падёт под наводнением, штурмом или тэта-излучением.

Я обязательно справлюсь. Мы. Раздвоение, растроение, расчетверение — и голоса из-за края гроба, мерцающая лишь в момент общения полоска статистик... Мне нужно хоть с кем-то обменяться словами. Поделиться изобретениями, обсудить вещи, невысказанные в старой жизни... Продемонстрировать, но не давать, похвалиться, но не делиться. И... Поработить! Завоевать! Победить!

Да уж. Определённо, не того я хочу, о чём на первый взгляд мечтается. Так что, возможно, не так уж и плохо отсутствие посторонних. Накоротке с джунглями и собственной природой, в обнажённой правде о том, кто и что я такое. Проставляю «короны» на деревьях — включая и не такой уж ядовитый анчар — и с каждой новой расширяя границы познания, лишь убеждаюсь: нет вокруг никого. Безмозглые животные, будто сбежавшие из наркотического бреда, птицы и насекомые с неясной природой и сырые заросли — вот всё, что видят мои аэро. Зато они освежают воздух, связывают остатки хлорного облака, и с каждой проведённой здесь минутой становится легче дышать.

Покамест не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть теорию о происхождении юнан. Но — слишком уж они несовместимы с обычной логикой, слишком анти-человечны. Как дождь, как гуляющая по траве жёлтая смерть — контр-человеческая логика, невесть как затесавшаяся на предплечье чужака. Помогающая выжить и справиться. Не дающая ожидаемых файрболлов, ситхских молний, каменных пуль и тому подобной чуши — лишь добавляющая десятые доли процента к шансу выживания.

Может быть, я просто неблагоприятная скотина? Как ещё объяснить расстановку сканирующих аэро повсюду, включая собственное убежище? Криком «заберите»? Чёрной неблагоприятностью? Или...

В природе нет прямых линий, прямых углов. Любое кратчайшее расстояние между точками она всегда проходит очень по-своему. И тем ускользает от сканирующего внимания сети юнан. Не то, не так, неправильно! Нужны зацепки. Если это в самом деле погибший мир на обломках сгинувших в никуда разумных тараканов, дельфинов или морских свинок — я хочу знать об этом. В конце концов, сроки приличия выбраны, пластик и металл разложились, всё обросло травой, деревьями...

Дайте мне хоть что-то! Какое-то утешение! Я не один! Я просто последний, и были уже другие! Просто ушли. Даже самые крохотные следы успокоят. Пусть под землёй останутся прямые линии и углы загнивших подвалов, бункеров и метро — они-то от времени консервированы, пожалуй, круче всех прочих. Хоть что-то...

Но жестокий бог местного кошмара не владеет моей кодировкой, бракует мои молитвы, и эквивалент удачи определённо отходит тене-белкам. Их естественный враг ушёл вслед за облаком. А я... Замер, парализованный, когда от безысходности направленные вглубь земли аэро нашли что-то с углом, близким к девяноста.

Ровно под убежищем. За... Да. Той самой дверью, что однажды распахнулась, выбрасывая меня навстречу неизвестности. Выживай, лишенец, копайся в поте лица своего и безысходности, и может быть, смерть твоя не будет такой уж мучительной.

«Не пустит», — фыркнул я, изучая установленную заподлицо тяжеленную даже с виду

металлическую плиту.

Здесь динамит нужен. Хотя какая-то взрывчатка. Когда моим лучшим достижением был и остаётся гремучий газ. Даже перекись мне недоступна, ибо хранить её попросту негде. Расковырять писчим камнем? Даже не смешно. Подкопаться с другой стороны?

Простая логика — да, юнан принадлежат этому миру, но меня сюда поместили. То есть, откуда-то я всё же взялся! Не хочется думать об игровых правилах, о том, что здесь вполне может быть точка стартового спавна. Ибо если это так — я пойду и разобью бестолковку о ближайший камень. Слишком уж всё остальное здесь по-честному и настоящее. Хочется мечтать о том, что каким-то образом бессознательную тушку сюда доставили.

Может быть, даже не через эту плиту. Может, как-нибудь сбоку, сзади, снизу...

Аэро показали полное отсутствие жизнеформ в округе, и я почти безбоязненно выскочил наружу. Надо поискать! Как следует! Хлопок по ладони, выбор «воздушного» лепестка — единственная юнан, работающая с воздушной стихией — первый прыжок!

Не слишком силён во всех этих сложных материях, но, похоже, достигнув максимума по ширине, аэро устремились в небо, покоряя с каждым новым отпечатком километр за километром в сторону космоса.

Там должны быть спутники! Хотя бы хлам, создающий сферу Кесслера! Если это не просто камни — я докажу, что здесь когда-то жили разумные! Увлёкшись этим, я бежал вперёд, хлопая и хлопая по стволам деревьев, собирая замкнутый контур...

И повалился наземь. Нога под коленом колола адски, и это работа вовсе не световолка. Те предпочитали работать по-змеиному, прошибая кожу аккуратной парой дырочек и не более того. Здесь же...

В глазах помутнело, во рту поселился отчётливый привкус дверной ручки, и я на автомате хлопнул по предплечью, выбрал единственный доступный символ юнан из виты — кровеостанавливающий. Всё останавливающий. Сознание тут же очистилось — оказалось, что мир не мутнел, не гас. Всего лишь вечер, почему-то завалившийся на планету в обход всех распланированных графиков, окутавший доступный мне пяточок паскудными сумерками.

И в сумерках этих резвились какие-то твари. Непонятные, недоступные. Глаза вращали, не хватывали их в фокус зрения — всякая попытка сконцентрироваться, увидеть врага оканчивалась мерзкими цветными пятнами. Будто попытка взглянуть в темноту напрямую. Бесполезно. Палочки-колбочки периферийного зрения могут уловить картинку и при худших условиях, чем взгляд в упор, а стоит лишь повернуться — что увидишь? Здесь всё ровно так же: твари резвились, хватываемые боковым, между делом подметали деревья и снующих туда-сюда «белок» — и кружили, кружили...

Мне нужны бинты, коагулянт, антидот и противостолбнячная сыворотка. Ерунда, доступная к приобретению в первой же попавшейся аптеке, здесь превратилась в непомерную роскошь. И пока не появится хоть какой-то замены, снимать «заморозку» никак нельзя — истеку кровью, сторю в лихорадке, изойду пеной.

— Сволочи вы, — душевно сообщил я тварям. — И что мне теперь делать?

Твари продолжали резвиться в сумраке, не отвечая. Им-то вполне доступны планы на будущее. Загнать этого прямоходящего, запинать толпой, слопать самое сладкое мяско — парное, дымящееся, пахнущее ещё адреналином и болью.

Не выдержав, одна расплывчатая гадина бросилась на меня — и тут же наткнулась на собравшийся между пальцев пирог. Вспышка, вой, запах гари.

— Кушай, дрянь, — пригласил я.

И тут же с криком повалился наземь.

Говори после этого, что хищники сельвы безмозглые. Возможно, отработанный механизм, возможно, удачная импровизация — но пока я отвлекался на одного из стаи, остальные успешно пробрались в тыл. Короткий рывок сзади — и сухожилия левой ноги подрезаны аналогично правой, даже Уроборос не спасёт.

— Не получится, — всё же «бесконечность» зафиксировала хлещущую рану, избавила от головной боли по поводу микрофлоры нападавших. Потом справлюсь. Додумаю, изобрету, соображу! Если будет хоть какое-то «потом». — Вы не на того нарвались, сволочи.

Пиро чуть ли не одномоментно закрыли периметр вокруг меня, ярко засветились оранжевым, разгоняющим полумрак, и нечто расплывчатое, прыгнув со всего маху, покатилося назад, оглашая окрестности протестующим визгом и вонью палёной шерсти.

Нужно вернуться назад в пещеру. Там враги только с одной стороны, можно не беспокоиться за спину!

Только вот...

Некуда бежать. Пути отступления в любую сторону перекрыты. Разве что подпрыгнуть и улететь? Или закопаться в землю?

— Ай! — сухожилия правой ноги срезало, как бритвой, и я повалился на землю. Пиро засверкали почти болезненно ярко, намекая на что-то, но я уже не успевал. Никак не успевал.

Прыжок, рычание.

Последнее, что успело зафиксировать сознание — это распахнутые белоснежные, бритвенно-острые челюсти — пожалуй, единственное, что я сумел рассмотреть в портрете врагов.

Сознание померкло, из многочисленных ран хлынула кровь... И я, будто со стороны, слышал крики заживо пожираемого себя, хруст костей, бульканье вырывающейся, но более не сдерживаемой крови...

* * *

Может, это просто галлюцинации. Сон перед рассветом, когда из-за полностью угасшего разума веришь в любой бред. Может, нашёптанные вселенной перспективы жизни — и формирующийся в утробе младенец рождается, не ожидая от будущего ровным счётом ничего хорошего.

А я ожидал?

Да блин, если предельно честно — то просто выживал. Старался. Но архангелы не встречают, не зачитывают по книжке список моих прегрешений, не пытаются бить по самооценке потенциального обитателя ада. Значит, я жив?

Пусть темнота и пустота слабо напоминают настоящее — быть может, мы все торчим в темноте и пустоте, лишь убеждая себя в настоящести мира, создаём сервера с возможностью делиться выдумками, а в итоге... Загибаемся от онкологии? От нарушений в работе эндокринки? От банального цирроза или пьяных кретинов за рулём баварских дебиловозок?

Колокольчик не позвонил нигде. Значит, совпадений нет? Значит, я не болел, не сошёл на ноль, не размазался по асфальту тонким слоем дерьма и сала? Я...

Темнота выпускала меня однажды навстречу аммиачному дождю, хлорному туману и сумрачным тварям. Значит, мой прилично выглядящий труп кто-то доставил сюда? Кто-то потрудился как следует, оживляя бездыханные мощи.

И вот я второй раз здесь. Всё ещё мыслящий, но не слышащий больше переговоров снаружи, неспособный пошевелиться, вдохнуть или хотя бы почесать нос.

Кем бы ни была девушка, она полностью права. Нельзя меня в джунгли. Городской житель не сможет выжить, дай ему хоть десять юнан на все случаи жизни. Вот и я не смог.

А девушка ушла.

Сердце больно кольнуло — почти так же, как однажды от укуса световолка, как от режущих челюстей сумрачных гиен. Чуть выше и правее колотящего обычно, а сейчас спящего мотора.

Не бьётся? Какие-то беды с сердцем? Вот как я здесь оказался?

Инфаркт? — сердце рассыпалось обломками. Инсульты? — в основание черепа вонзилась ледяная игла, и лицо онемело. Недостаточность, ишемия — и стоящий мотор стянуло кольцами судороги-страха.

Смолкло. Значит, не моё? Не так и неправда?

«Хватит, — приказал себе я. — Мне дали шанс пожить. Задаваться вопросом, взамен чего и из какой глубины задницы меня вытянули, считаю невежливым».

Нужно просто проснуться. Отчитаться о загубленной партии «выживастика» в чужом мире. А дальше? Не знаю. Может, потребую вернуть обратно. Может, попрошусь на новый круг «выживача». Самое главное — чтобы не тьма и барокамера. Не могу я без впечатлений, даже виртуальных. Депривация сводит с ума и шепчет, что пуля в висок — решение не из худших.

А сознание не остановить. Яды, бьющие по сердцу, болезни, неудачные стечения обстоятельств! Что-то из этого должно вызвать хоть какие-то реакции. Хотя бы узнавание. Хотя бы... Да не могли же меня просто зарезать в уличной драке! Я себя совсем тогда уважать перестану.

Перестану же, да?

В этой истории конкретно я смотрю на мир от первого лица. Следовательно, история обо мне, я главный герой. А главгерои застрахованы от чуши такого калибра сценарной бронёй! Нет, должно быть что-то лучшее, интересное, правильное!

В сердце кольнуло ледяной сталью, ткани завопили от боли, когда отточенное лезвие распахало их вглубь. Крови не было, было лишь изумление — в моих глазах и в глазах напротив — зелёных, бездонных, бесконечно печальных, но перепуганных сейчас.

— Ты что... — выдавило пересохшее горло.

А над головой загудело, зашумело, засвистело — и темнота схлынула, как зловонные помои, освобождая место слепящему свету. Под крестец что-то сильно стукнуло, и я сделал несколько шагов вперёд.

За спиной загрохотало, и я, обернувшись, смог лишь увидеть заподлицо со скалой подогнанную дверь — ни трещин, ни прямоугольника, ничего лишнего.

«Вы желаете уничтожить память? — услужливо поинтересовался цветочек на предплечье. — Это увеличит КПД каждого выживания».

Значит, он может не только перекидываться из фигуры в фигуру? Забавно. Нет уж. Я хочу помнить. И сумрачных сволочей я тоже к стенке поставлю, дай только срок! Справлюсь.

Я — справлюсь.

Лишь бы не режущий холод внутри, не вставшее сердце и барокамера во тьме.

Пик. Пик. Пи-и-и-ик.

Сегодня ведущая была определённо в ударе — макияж, причёска с двумя стекающими по вискам локонами, контактные линзы с усилением цвета и улыбка, которая при сдержанности Свифт приравнивалась чуть ли не к смеху во всё горло.

— Доброго дня, дорогие зрители! В эфире программа «Время», в студии Анжелики Свифт! О главных событиях дня.

— Таблетка помощи. Сегодня от восстановленного Ленинградского вокзала отправился первый поезд с призывом врачей и партией синтетических лекарств для жертв пандемии.

— У тебя есть код? Комендантский час и цифровые вак-сертификаты на территориях Радиосити. Новый федеральный закон и последствия для гостей.

— Два слова о Солнце. Правительство Радиосити-2 подписало сделку-соглашение с некой Розой. Мнения ведущих соляристов о неизбежной катастрофе.

— Вы не умрёте никогда. На сто седьмом году жизни скончался ведущий геронтолог центра Шойгу. После трёхдневного заседания консилиума всё же решено было уступить требованиям специалиста и отключить систему жизнеобеспечения.

— Он не должен быть умнее и человеченее нас. Пара слов президента на саммите «Артифициал Эй» о том, как должен работать и мыслить искусственный интеллект.

— Пострадал за правду. Вчера постановлением правительства закрыт крупнейший частный архив выпусков нашей программы. О подробностях дополнительно расскажет специалист отдела «К».

Оставьте ваши комментарии:

Shutiha Gitara: Не, вы только послушайте! «Ужесточение режима вызвано высокой смертностью пострадавших от пандемии!» Это не мы плохие, это просто болезнь! А лечить её кто будет? >Мастао Ю: Не верьте в этот бред. Лечим зелёной и ватной палочкой. Медикаментов нет, а всё свободное время занимаемся писаниной. Василий Иоаныч: Хроника пикирующего бомбардировщика. Ещё один канал заблокировали за то, что мы всё сами видим. >Unpated0: Закрыли? О чём речь? > >You-уи: Забавный чел. По сути просто нарезка новостей изо дня в день, ничего от себя не добавил. Просто хроника, как мы катимся в ад, спорные решения и их последствия. > > >Plodow Wkusily: Всё будет хорошо, я узнавал! > > >Shutiha Gitara: Обязательно. Загнобим неуволненных врачей писаниной и безысходностью, угробим призванных на Востоке. Что дальше? Отправят «чистых» за уклонистами? Человек недообнятый: И так из раза в раз: политика, пандемия, что-то запретили и кто-то умер. В мире что, больше вообще ничего не происходит?! Rise'l: Чел этот подозрительный больно. Если он реально собирается всех спасти — нафига ему бункер? Его же на руках носить станут! VoiceOfHereafter: президент рассказал о том, что ему там должен искусственный интеллект. Долго переслушивал. Смеялся.

Комментарии закрыты.

Лера злилась. На всех по чуть-чуть, но в особенности, разумеется — на Гласа в наушнике. Одно к одному, чёрт побери.

«Мог бы и предупредить, скотина бестелесная, — говорила она себе, вышагивая через мост обратно в родную агломерацию. — У меня от него секретов нет!»

Хотя, конечно, дело не в её искренности и откровенности. Скорее, в способностях Гласа забраться куда угодно и узнать о каждом. В том числе и о ней. И о... Она поёжилась, представив себе, как её подельник обнародует факт «усыновления» Дини и пластику последнего. И всё-таки...

Раньше здесь плотным потоком двигались машины — вон, в новостях из других автономий и стран трафик совершенно сумасшедший при той же плотности заселения. Все спешат куда-то, чего-то все хотят, плевать, кто в итоге останется у обочины... Но, должно быть, это нечто уже генетическое, а по проезжей части, пусть и чистой от даже следов автомобилей, она не пошла. Выбрала правую сторону, направилась по тротуару, прикидывая по пути, чем грозит ей раскрытие — а в его неизбежности она не сомневалась.

— Мог бы и сказать, что написал эту программу, чёрт, — не выдержала она, остановившись ровно посередине моста.

Через срединную проталину ленивое течение тащило знакомую уже лодку с подстреленным диким. Переговоры заняли так немного времени? Или это другая лодка и другой дикий? Сколько их тут?

— Мне много наработок принадлежит, — уклончиво ответил Глас. — Но тебя это не должно сейчас интересовать.

— Позволь мне самой решать! — психанула девушка, — я не...

— Лера, мы поругаемся позже. А пока — марш домой! Диня в беде!

Правильно подобранные слова — девушку смело с места заполошным спринтом до КПП. И, видимо, в качестве издевательства, дез-смесь текла неторопливо, нормал в будке бесстыдно пялился на неё рыбьими глазами, а секунды тягуче капали, капали...

Почему-то в голову не пришло задать элементарный вопрос напарнику. Раз он знает, что с мальчиком, то и подробности тоже мог бы осветить! Но хорошая мысль, как говорится, далеко не сразу приходит — три сотни через отмытую до скрипа мостовую она пролетела единым махом, трясушимися руками добыла из кармана карточку, отомкнула магнитный замок и, набрав в грудь побольше воздуха на случай продувки, бросилась внутрь.

— Так... пф... что... там? — пропыхтела она, штурмуя лестницу через ступеньку.

— Увидишь, — лаконично ответил Глас. — Ничего, с чем не справилась бы ты сама.

— Да?

Вот и знакомая дверь с видимым квадратом свежей краски поверх хулиганства месячной давности. Ключи, прицел, рывок...

Она набрала было в грудь побольше воздуха, чтобы позвать, и тут же осеклась. Пальцы нащупали свободно висящий на шее респиратор, опустили со лба очки — дым в квартире стоял коромыслом! Пожар?! Она бросилась в комнату — пусто, на кухню...

* * *

— Скоро там мастера приедут? — проканючил Даня, по самый нос укутанный слишком крупным комбинезоном рад-защиты. — Мне скучно!

Из-за респиратора бубнил он презабавно, и это единственное, что удерживало девушку от убийства на горячую руку.

— И фильтры, кажется, заканчиваются. Я точно чую запах дыма! Можно мы включим мультики?

— Нет. Нет. Нет, — скрипнув зубами, ответила она — по каждому пункту. Комм просигналил — время приёма лекарств. И как в прошлый раз — этот стон у нас песней зовётся. Пополам со скрежетом баночек. — Пей без разговоров!

— Но я не хочу-у-у-у! — простонал он.

— А я хочу? — предатель Глас в наушнике молчал — чуял, видимо, плавно заканчивающееся терпение. — Ты вообще как умудрился грохнуть установку? Она ж с защитой от дурака!

— От дурака, а не от меня! — надулся Диня. — В телешколе рассказывали о реагенте. Перманганат калия. Ватка, пропитанная его раствором, темнеет от радиации, это лабораторная работа!

— Впервые слышу, — покачала головой девушка. — А при чём здесь кондиционер?

— Так там в картриджах спиртовой раствор! Я хотел проверить! Залез...

— Не отключая.

Диня повесил голову.

— Прости.

— Да я-то что, — отмахнулась Лера. — Вытяжка работает, но воздух... Ты почему не посмотрел состав раствора? Его же специально делают таким, чтобы не пили! Сам раствор не опасен, но его пары... Магний металл активный, а у меня тут куча необработанного пластика. Это вам в телешколе не объяснили?

— Я успел только введение посмотреть, — повинился Даня. — Интересно рассказывают.

Она только вздохнула, проверяя свежесть фильтров. Дымящий эко-пластик, пары марганцовки — такую дрянь на выходной клапан вентиляции подавать нельзя, там штрафы такие, что... Пришлось по совету месткома курочить и открывать окна.

— А в новостройках даже проветрить не получилось бы. Представляешь?

— Там есть экстренная вытяжка, — возразил мальчик. — Вернее, удаление воздуха совсем. При пожаре.

Их квартирка такой роскошью не располагала. Так что по старинке, открыли окна и проветрили помещение. Тем самым, уличным, грязным воздухом.

«Потом мыть здесь всё, — с тоской подумала она. — Опять перерасход смеси. Усыновила, блин. На свою голову».

Грязная капсула, фактически, кусок улицы — месткомовцы тут же отсекли её от домовой подачи воздуха, поблагодарив, что не довела дело до срабатывания автоматики, пообещали прислать специалиста по наладке оборудования и посоветовали не снимать уличной защиты. Спасибо огромное, сами бы не догадались!

И не едут.

— Да сколько можно? — она бросила взгляд на часы. С момента заявки шестой час пошёл, чем можно всё это время заниматься? — может, их поторопить немного?

— Я бы не стал, — отозвался Глас. — Ты сейчас в центре внимания всех подряд. Любое неправомерное действие — и все всё узнают.

— И что теперь?! Сидеть в грязи и хватать зиверт за зивертом?!

— Ты могла бы связаться со своими друзьями. Попросить у них временно приютить вас.

— Не у кого просить. Сам знаешь, один не светится, а второй...

Она судорожно выдохнула, остро жалея, что не курит, а через маску особо не подымишь. Лиса нет. Больше нет. А то, что от него осталось, сейчас допрашивают в министерстве. Никак не среагировала. Возраст такой — ты стесняешься грусти и печали до слёз, почитая их слабостью. Злости бы... Да на кого? На «чистовиков»? Да кто ж их, сволочей любит, исполнителей безвольных. На тех, кто ими командует? Ну, сегодня она пообщалась с одним таким — усталый до невозможности дед, в глазах которого ни воли, ни жизни. Его ненавидеть?

Но так действительно сидеть бесконечно нельзя. Рано или поздно комбез исчерпает ресурс и сам превратится в источник заражения. Не свинцовый доспех чай, он не предназначен для длительного пребывания в опасных зонах — перебежать по улице до работы и обратно. Час-два в худшем случае. Потом очистка. Не шесть часов!

По протоколу должно быть просто. В случае утечки и реакции необходимо отключить установку, пройти по горизонтальным поверхностям тряпочкой с дез-смесью — там, помимо прочего, ингибитор реакции. Пары минимальной концентрации допустимо отправлять в домашнюю вентиляцию, так как на выпускных клапанах фильтры, и большую часть заразы отловят. Потом прибудет спец, всё починит, даст добро, и можно будет снимать костюм. Разумеется, предварительно прошерстив со счётчиком Гейгера каждый угол капсулы на предмет остаточного заражения.

Но это по протоколу. Фактически же — не едут. Она машинально проверила статус заказа: в очереди. Местком, по идее, управлял только одним домом. Фактически же соотношение «местком на дом» соблюдалось в лучшем случае в центре и в новостройках, агломерации типа этой справлялись как могли. Отсюда и...

— Диня, голодный? — мальчик кивнул, и она протянула ему протеиновый батончик. — Ешь аккуратнее, не вдыхай.

Мальчик кивнул, а она задумалась. При всей неприязни к Гласу и его изобретениям, говорил он по существу. Возможно, есть смысл попробовать перекантоваться где-нибудь ещё? Ещё часа четыре — и оба защитных комплекта можно утилизировать. А запасных нет. Их нужно заказывать, надеясь уложиться в квоту — штрафы к рейтингу дают о себе знать — и тот же местком должен доставить. Когда-нибудь. В духе починки кондиционера, блин.

— Ладно, я не могу никуда залезть, но ты-то можешь? — спросила она у Гласа.

Тот помолчал немного, видимо, сомневаясь. В итоге ответил всё же:

— Залезть не проблема. Но что именно ты хочешь чтобы я сделал? Передвинул твой заказ наверх? Добавил ему приоритета?

— Не смешно. Даже мне понятно, что это слишком заметно. Просто посмотри статус заказа и сколько людей передо мной.

— Секунду, — в наушнике щёлкнуло. Лера прислушалась, пытаясь уловить хотя бы намёк на треск клавиш, но внутри совершенно не мешающего наушника царил лишь мёртвая тишина.

— Надо было уточнить, что там с его зарядкой, — спохватилась она. — А ну как батарейки сядут в самый неподходящий момент?

— Лера, а что значит МТО? — оторвался от комм Диня. Машинку тоже предстоит надраить.

— Что? — очнулась от раздумий она.

— МТО. В новостях пишут, что возможны перебои с поставками из-за диких на юге.

— Материально-техническое обеспечение, — автоматически ответила Лера. — Средства индивидуальной защиты, инструмент и так далее.

— А... Это то, чем должны были починить нам кондиционер? Поэтому никто не едет?

— Нет. На случай вызовов у месткома всегда существует резерв. Ты что там за чернуху смотришь вообще? Дай комм.

— Новости, говорю же, — мальчик попытался было спрятать аппарат, но она была быстрее.

Присмотрелась. Ну да, новости. Тот самый, официально одобренный. Правда, в комментариях там творилось такое... Их малец и читал.

— Отдай, — слабо заспорил он. — Мне и так скучно.

— Мне тоже, знаешь ли, — огрызнулась Лера. — Я бы сейчас фильм посмотрела. Или музыку послушала. А не сидела тут в уличном. Ну где там Глас?

— Здесь я, — отозвался собеседник. — Ты первая в списке. Но с пометкой LR, которую обычно ставят неблагонадёжным.

— Эй! Какое «неблагонадёжный»?! Семьдесят шесть пунктов!

— Шестьдесят шесть. Минус десять за порчу домашней собственности.

— Докатилась, — сознание, будто помимо воли, тут же прикинуло количество кляуз, жалоб и проявлений позиции, разделило на количество — и завыло. Для простого возвращения своего потрудиться предстояло... — Но раз первая.

— Поправка. Только что бригада выехала на заказ сразу за твоим.

— Да они там совсем офонарели, что ли?! Какой у них там адрес?

— Ты же не собираешься идти туда драться?

— Нет. Но хотя бы потороплю.

— Жди. Это лучшее, что ты можешь сейчас сделать.

— Да сколько можно ждать уже?! Время первый час. Не ложиться же спать в таких условиях?

— Дикие ложатся — и ничего.

— Рада за диких, — фыркнула она. — А я планирую детишек — и не уродов, а генетически нормальных.

— Если дело не выгорит, никаких детишек тебе не светит.

— Да выдадут тебе бункер, не беспокойся. Разве что моей пользы здесь не особо...

— Ты будешь жить. С детишками. Это ли не польза?

Глас определённо недоговаривал. Что-то стояло за его выбором конкретно её кандидатуры. Мог взять кого угодно — для работы говорящей головой не нужны ни навыки, ни интеллект выше уровня табуретки. Тогда почему она? Но спрашивать... Сейчас других проблем хватает.

И — видимо, в качестве ответа — тут же заверещал домофон: прибыли мастера.

— Показывайте, хозяйюшка, — пробубнил из-под маски первый, пока второй сноровисто достал счётчик и хмурился потрескиванию из-под маски. — Что у вас там?

Явились, не запылились.

— Всё в заявке, — кивком приказав Дине спрятаться в комнате и не отвечивать, она повела первого мастера на кухню.

— Вскрывали? — будто уличив её в чём-то непристойном. — Что же вы так, Валерия? Взрослая же девушка.

«Ой, да захлопнитесь вы к чёрту! И так ехали полгода, а рот свой открывают! Доиграетесь — и я вам устрою внеочередную проверку! Тише, тише. Ты не Глас. Всё, спокойно. Выдыхаем. Это ему можно хамить в глаза чинам и ничего за это не получить. А ты получаешь строго то, что заслужила. Выдыхай».

— Чинить будете?

— Будем, конечно, — хмыкнул второй, спрятав счётчик, — но сначала...

Он многозначительно постучал согнутым указательным пальцем по комму — явно намекая на проставленную оценку. Смешно. Раньше бы почесал подушечки указательного и среднего о большой или щёлкнул бы себя по кадыку. Время идёт, а люди не меняются.

— Никаких «сначала», пока я не увижу работающую установку, — всё, ловить прорвавшееся раздражение поздно. Минус ещё два балла. Чёрт, чёрт.

— Ну как знаете, гражданочка, — ответил второй, снимая со спины рюкзак с инструментом. — А могли бы по-людски.

Первый посторонился, безбожно пачкая грязной одеждой и без того не самые чистые стены. Это тоже мыть. И всё, что после них, мыть — ни одна скотина не догадалась ополоснуть обувь в тазике со смесью.

— Работайте, — велела она и ушла в комнату.

Хотелось кого-нибудь прибить. Или наорать. Но сегодня она слишком хорошо убедилась, как ценит государство лояльных граждан, а как относится ко всем остальным.

«Может, и не стоит их всех спасать, — всплыла крамольная мысль. — Пусть выжигает солнышком».

И тут же затрясла головой, выгоняя пакостливые идейки. Нельзя. Они все тоже люди. И так же, как она, имеют право на шанс выжить. Как бы ни старались испортить впечатление о себе.

— Я не хотел бункер, — непонятно с чего ожил Глас. — Он мне не нужен.

— Что? О чём ты? Диня!

— А? — мальчик вздрогнул, и распахнутое «окошко», ведущее в какое-то помещение с лежащим на кровати явно больным, хлопнулось. — Но я...

— Диня! — девушка шатнулась ближе и, цепко схватив мальчика за плечо, зашипела, — не знаю, умеют ли остальные то же самое, или это ты уникам, но нам совсем не нужна паразитная слава! Понимаешь? Мы — обычные люди! Выживаем на пособие, ничего не умеем, понял?

— Но... — он вздохнул. — Я опять что-то не то сделал?

— Пока в доме посторонние?

Жертва? Это же из-за него всё началось! Надо на него наорать! А лучше — избить! И этих уродов на кухне тоже! Залить глаза перцем и с наслаждением пинать по голове!

«Что со мной?! — с ужасом спросила себя Лера. — Я же никогда ничего такого не думала! Это не моё? Чужое? Но почему?»

Взять себя в руки.

— У нас есть секреты, — выдавило непослушное горло. — Понимаешь? Не умеют люди того, что...

А у этих двух гадов вполне могут возникнуть вопросы, о чём это мы здесь шепчемся. Так, вслух.

— Кто это был?

— Это... Не знаю.

— Не знаешь. Понятно, — что ж, подробности можно выяснить и позже. А что там Глас говорил? — Глас?

— Я тоже.

— Не, о чём ты говорил? Про бункер.

— Да. Мне требовалось кое-что другое. Но люди, к сожалению, пока не могут дать мне то, чего я хочу.

— Люди?

— Не научились пока ещё. Придётся подождать.

— В бункере.

— Именно.

Ещё один источник головной боли.

А под потолком характерно щёлкнули и закрутились вентиляторы вытяжки, с кухни засвистела система рециркуляции. Дом признал её и принял обратно.

В час ночи-то. Самое время.

— Третий такой уже за последнюю неделю, — задумчиво жуя эрзац-пышку, сообщил патрульный. — Пёс его знает, что с людьми случилось в последнее время.

— А что случилось? — Хантеру ровным счётом никакого дела до обывателей не было никогда, но начальник нашёл дело интересным, а стало быть, засел здесь плотно и надолго. — Никогда такого не было?

— Дык в том и дело. Смотри, кровь запеклась как шоколадная глазурь. Красиво!

— Да, да. Так что там с...

— Да ничего, — патрульный, хоть и из нормалов, определённо мог похвастаться крепостью нервов — они у него были покрепче, чем у неженков из департамента. Во всяком случае, здесь лишь он и его напарник ели и пили кофе над обезображенными трупами без вести пропавших. — За неделю третья пропажа. Просто выходит человек из дома — и с концами.

— Что дорожная служба?

— Да дармоеды они, — доев завтрак, патрульный поискал глазами и, не найдя ничего другого, вытер липкие пальцы о форму. — В голос кричат, что пропавшие попадают в мёртвую зону их систем наблюдения. Гнать их поганой метлой надо. Ну а вы...

— А?

— Сударь, вы, конечно, в годах и старательно тормозите, но меня не обманешь. Я повадки министерской братии хорошо знаю! Нетерпимы к трате своего и чужого времени, не терпите дураков. Даже не «плывёте», хотя по походке видно, что вам привычнее двигаться совсем иначе. Послушайте, я вам вот что скажу: даже дикие, штурмующие Каллила и Канау, редко берут с собой что-то кроме травматического боеприпаса — чисто поугагать зверьё. А тут кто-то со знанием дела поработал.

— Канау? — не понял Хантер. — Мыза же фонит как реактор.

— Тем не менее, они туда рвутся, идиоты. Но мирные идиоты. В людей не стреляют. Помните, урочище раскопали аккурат за полгода до войны? Там идол Марены, а она сучка ревнивая, дикие боятся её гнева.

Хантер вежливо покивал — нормал продолжал говорить что-то ещё, но самое интересное он уже донёс: дикие действительно не любили убивать. Нет, при необходимости каждый из них мог похвастать хотя бы вшивым СР-1 из запасников в области — но всё это скорее дань традиции. Мол, идёшь на больные земли — возьми с собой фляжку, таблетки от радиации и какое-никакое, а пуляло. Действительно, в ход его пускали за всё время соседства... Да раз пять в лучшем случае, и последний — когда таинственно исчез неофит министерства, а две «тройки» простились с жизнью. А тут...

— Выглядят как жертвы мясника, — с непонятной весёлостью сообщил Юр Сёмыч, подкравшись сзади. — Работали ножом, предварительно выведя из строя — даже потенциально — точки наблюдения. Но дикие идут на сотрудничество. Работал Алтай — безобидный дурачок из Луги. Он всегда таскал с собой самодельный кукри, и...

— Но почему?! — не выдержал Хантер. — Дикость какая-то...

— У наших друзей та же петрушка, — хмыкнул шеф. — Только у них сталкеры чернокожие, прикинь. И так же режут беспечных. Необоснованная ярость, Хантер. Уже понятно, откуда и почему оно.

— Что?

— Привет от будущего конца света, дружище. Люди начинают ненавидеть друг друга, ибо близок закат. А ночью всегда водятся призраки. К слову, о призраках — твоего внимания настойчиво домогается министр. Ты бы сходил к нему в гости, а?

* * *

Технократия не одобряет религию, это факт. Власти экспертов и достойнейших противна сама мысль, что может существовать нечто непознаваемое, превосходящее не то что нас, а и всё, что мы могли увидеть, изучить, понять. Только вот человеку нужно верить. Это как потребность в любви — свободное сердце ищет инвестора.

Свободное сердце...

— Хотя, конечно, это не технократия и близко, — пробормотал Хантер, задумчиво изучая стену с распечатками. Где-то здесь висел пяток и его фотографий. — Унио, протоунио в лучшем случае, но мы стараемся.

Мыза действительно фонила. Жутко, адски, настолько, что нормалы не совались сюда даже в тяжёлых просвинцованных полимер-скорлупах, накачавшись йодидом по самые брови. Место для больных диких, дураков-фанатиков и, конечно, «чистовиков» — «чистовиков», по мнению общественности, ибо последним всё нипочём.

Кому и зачем придумалось основать здесь храм — сейчас и не вспомнишь уже. Но самое смешное в том, кого здесь можно было встретить. Самых разных людей, самых...

— Зря ты так, — мягко усмехнулись рядом, — мы, может, и не идеальны, но стараемся.

— Привет, Ка, — не поворачиваясь, поморщился Хантер. — Говорят, ты хотел меня видеть.

— У нас так удачно прихлопнуло дармоедов, что разум действительно побеждает. Во всяком случае, не верю я в Розу на территории общеамериканских штатов. А ты?

— Жить захочешь, — туманно ответил Хантер. Остался последний ряд снимков, а он до сих пор не нашёл...

— Тебя, наверное, интересуется, почему америкосы приняли правила игры, даже одобрили нашего Спасителя?

— Не совсем. Их дело. Не моё.

— И всё же. Мы нужны друг другу. Чтобы ты понимал: в моей квартире два замка, и только верхний можно открыть ключом снаружи. Поэтому я до поры всегда запирался изнутри только на нижний — мало ли... Чтобы никто внутрь не попал.

— Теперь только на верхний? — поддался на провокацию агент.

— Ага, — усмехнулся Ка, — по тем же самым причинам.

— Им тоже нужна надежда. Хорохориться хорошо, когда ты умница и с винтовкой, — Ка проследил вопросительный взгляд Хантера на сигарету и пояснил, — у меня тут блат, не удивляйся. Старому человеку многое прощают.

— Особенно, если ты министр, — не сдержал сарказма Хантер.

— Да? Никогда не думал об этом в таком ключе! Ладно, кроме шуток. Винтовки и умницы перестали работать, когда посыпалась тропосфера. Видишь ли, спутники дают поправку себе и летающим чуть ниже джетам, согласно теории вероятности, а тут что-то пошло не так. В общем, намёк они поняли.

— Угу.

— Господи, да оттай ты уже! — не выдержав, Ка ткнул пальцем в фотографию на уровне глаз. — Вот она. Смотри.

«Проглядел, — вяло подивился он, изучая распечатку, — как же это я так?»

Не испарившаяся, не замёрзшая, не отравленная память, чудом выжившая на облачном хранилище где-то на территории Бельгии. Пять лет жизни в современном обществе, документальное свидетельство того, что жив. И живы были!

— Нас ждёт драка, понимаешь? Я хочу, чтобы ты забрал себе это, — на ладони Ка материализовался дешёвенький красный браслет из отполированных камешков.

— Ты хочешь как кто? — наверное, стоило сделать шаг навстречу, отреагировать, сделать что-то? Хантер просто стоял, наблюдая за желчной ухмылкой экс-босса. — Как министр? Главный «чистовик»?

— Как настоятель, — горько улыбнулся Ка. — Впереди ночь, малыш. А ты не переживёшь её без родителей. Бери.

Он ещё раз протянул руку, и в этот раз Хантер принял украшение. Да, возможно, оно не имеет отношения к тому, десятилетней давности, что он принёс сюда однажды. Камешки могли отравиться, нитки вытереться, смысл потеряться... Но важнее идея.

— Американцы пнули ООН, — тот спокойно кивнул, будто этого и ждал, — новый проект носит предварительное название «магнитная колыбель» и полностью основан на расчётах Розы. Как думаешь, выгорит?

— Мне-то какая разница? Я не планирую жить вечно.

— А придётся, — хитро хмыкнул Ка.

— Что? Почему?

— Я уйду в храм окончательно, Хан. Надоели мне эти игрища. Блин, меня учили держать рукав и направлять поток воды, а не править потоками имбецилов и служак.

— Но... — Хантер запнулся на миг. — А как же мы?

— Именно поэтому ты здесь.

— Простите?

— Кремль предварительно согласовал твою кандидатуру на пост следующего Радиосити-министра. По второму, конечно — никто тебя отсюда не заберёт.

— Что?! Но... — Хантер осёкся под осуждающими взглядами стоящих рядом с той же стеной. Понизил голос, — отказы не принимаются?

— Нет. Так что изучай, будущий министр, кто здесь с чем и зачем цацкается. В будущем пригодится.

Голос настоятеля отразился от низких сводов храма, зашелестел тысячами распечаток, миллионами несложившихся жизней. Кому-то везло, и он мог принести сюда то, чему нет пути обратно из-за ослепляющего марева ядерного взрыва, а кто-то остался один как перст... Так или иначе, а храм Родителей привечал всех — даже тех, кому в силу обстоятельств не полагалось никаких.

Хантеру, например. Или Дэ. Или Хоук. Или мальцу Близких — и потому здесь искали в первую очередь.

— Последний экзамен, — и я заберу свои вещи из чёртова кабинета, засяду на крыше в центральном с кальяном и горячительным. Ты только справишься...

— Экзамен?

— Спасти мир, разумеется.

— А, ну да, — Хантер слабо улыбнулся. — Действительно, как ещё можно аттестовать министра? Но мне это всё ещё не нравится!

— По законам технократии ты вообще должен уступить место Розе, — в тон ему

усмехнулся нынешний министр.

— Но...

— Она сказала, что не хочет.

Хантер закатил глаза, собрался было сказать что-то — и передумал.

Власть экспертов? Звучит как нечто многообещающее... И, должно быть, единственное, способное направить человечество на нужные рельсы. Чуть-чуть диктата, репрессий и притеснений для миллионов — и миллиарды переживут гнев светила. По плечу ли бывшему боевику министерства ответственность такого плана?

А Розе?

Браслет занял своё место на запястье — гранат, сердолик, яшма. Их так любила мама, а вот невеста терпеть не могла. Ей по душе больше зелень — изумрудная, халцедоновая, малахитовая...

Он накричал на обеих, настоял, чтобы они хотя бы попытались найти общий язык. Напыщенный индюк приказал им быть в одном месте, когда вернётся из универа. Можно пока попить чаю и ни в коем случае не ругаться.

А потом в городе взошли солнца. Новые, жгучие, жёсткие.

Мысли перескочили на первый выезд в качестве силовика — не было тогда ни спецброни, ни экипировки живущего слишком быстро человека. Крутились...

Наверное, из-за этого, когда тосненские солнцепоконники выкатили огромное семиметровое «солнце», зажигающееся тем сильнее, чем ближе наблюдатель, он и не щадил никого. Да, мило, тепло, немного наивно — дарить ещё не запертым по аггло людям солнце. Но и нотка диссонанса!

Они помнили — что такое жить. Дышать. Каков настоящий цвет неба, почему стоит дать земле прийти в себя хотя бы сто лет, а самим — уйти. А Ка приказал тогда при малейшем сопротивлении бить в полную силу — в лазарете пришли с испытаний первые «Реборны», и любые повреждения...

Он со всей дури хлопнул дверью в храм, ссыпался по ступенькам к бетонным блокам, огораживающим подъезд. Раньше здесь был бассейн, а до того школа. И, кажется, что-то ещё. Но строилось здание как храм. Вернее, как монастырь. И по дремучим средневековым поверьям стены монастыря способны остановить даже дьявола — что уж тут говорить про ерунду вроде делящихся атомов.

Больше по привычке кинул взгляд на запястье, где светло-синим маркером светилось панно счётчика. Подивился — меньше даже природной нормы — но сел на блок, подпер голову кулаком, задумался.

А пальцы, будто помимо воли, обводили знакомую руну-сатори, высеченную в камне.

«Реборны» работали только для тех, кому хватало скорости не рассыпаться по дороге. Последний шанс, дополнительная жизнь для агента в поле. На краю гибели нащупать плоский полиэтиленовый пузырик под мышкой, вытащить, обнажить иглу, вколоть меж рёбрами — и спустя бесконечность липкого обморока воскреснуть.

Могли ли солнцепоклонники этим похвастаться? Смогут ли храмовники?

Хотя да, конечно... У них Ка. Он в одиночку справится с десятком любого поколения после первого.

А мальчики с Тосны в рясах, девочки с Мги в худи — лежат там, под обломками, и в их гибели есть и его, подонка, вина. Нет, он не перестал спать, не перестал жить, узнав все подробности. Только вот, перебравшись в кресло Ка, с таким сталкиваться придётся много-

много чаще.

И имеет ли право кто-то вроде него на жесты «спасения человечества»? Бред же. Ему бы как Ка — куда-нибудь, где угли тлеют достаточно быстро, чтобы даже «дементор» мог сделать затяжку, а высококонцентрированное спиртное способно унести даже «сверха», пусть и ненадолго.

Комм пиликнул.

«Ваша учётная запись получила престиж-уровень! — с неуместной радостью сообщили с форума. — Ментор «свободного дня» желает пообщаться с вами лично или посредством ЛС для выдачи задания! Прочитано/нет?»

А вот «Экзюперы» отмалчивались. Не заводили друзей, форумов, социальных сетей и открытых мессенджеров. Должно быть, именно это на краткий миг заставило Хантера проникнуться к ним чуть большей симпатией.

«Прочитано, — отреагировал он, — в пути, буду дома через пару часов».

Раскачать, развести, вытянуть если не подробности, то считываемые реакции — и в этот раз брать с помощью газа. Хакеры-луддиты — как бы смешно это ни звучало — сейчас оставались последними, не показавшими ни позитивной, ни негативной реакции к будущему концу света.

А это наводило на определённые мысли.

Снявшись с места, он перешёл на неторопливый по его меркам бег — шестьдесят километров в час, достаточно для оценки и реакции, до родного центра пять субъективных минут.

А там... Сутки-2? Второй объективный рабочий день за сутки, текучка, задания от коллег. Определённо не то, чем может и должен хвастаться будущий министр по чистоте помыслов.

«Ещё не поздно отказаться, — вяло подумал Хантер, как можно легче наступая на левую ногу. — Сослаться на проблемы со здоровьем, упираться на незаконченные дела...»

На выходе из КПП он столкнулся с неуловимо знакомой девушкой.

— Внутрь, наружу? — спросил он, выбирая сторону, куда потесниться.

— Я... Я не знаю, — отчаянно улыбнулась девушка. — А что вы посоветуете?

«Забиться в угол и ждать, когда всё само рассосётся».

А вместо этого он пригляделся, обратился к поисковику по лицам и уточнил:

— Лера Бусловских? Я попрошу вас пройти со мной.

Неизвестный

Собрались. Проверка на фиксацию, стиснутые зубы — и по всему телу до боли знакомо резануло невыносимо зелёной полосой лазера-сканера, неуместного здесь, в глупых джунглях, тысячелетиями не видевших человека. Здесь всё всегда остаётся прежним, потому нет никакого смысла в путешествиях, изменениях...

Смерть. Я не верю в высшие силы, сверхразум сверху или чертей снизу, а потому мне по ранжиру полагается бесконечная тьма накоротке с червями. Там ничего не будет, но это не займёт ровно никакого времени — лично для меня. А потом... Не знаю даже — реинкарнация? Респавн? Хотя это тоже из убеждений мракобесов. Но слишком уж жутко думать, что ни до, ни после мгновения жизни ровным счётом ничего не будет.

Бр-р-р. Уж лучше тогда задержусь здесь. При всех недостатках сложившегося макрокосма определённый плюс всё же имеется — здесь есть свет. Слепит не успевшие приспособиться глаза, заставляет больно сузиться зрачок, врёт подчас — как с теми тварями. Но уж лучше так. Тем более, что к тварям я готов! О, да! Пока я отдыхал в точке возрождения да боролся с внутренними демонами, промелькнула там одна мыслишка...

Ладно, к делу! Я пробежал по пещере, по свежей памяти раскидывая юнаны: дистиллятор Гидро, огниво Пиро, очистку Гео, разведку и кондиционирование Аэро. На всякий случай от плесени и грибка — Уро, на его совести уничтожение любой микроскопической жизни. Вернее, полная остановка... Что на таких масштабах равноценно.

Теперь изобретение с того света. Из всех моих «не знаю» и «не хочу», пожалуй, наиболее убедительным оставалось простое молчание. Да, не знаю, как выжить, «вооружиться» хотя бы травяной юбочкой и кремниевым топориком — не учили, а сам как-то не интересовался жанром. Да, не хочу бегать неглиже по джунглям, где сожрать или хотя бы покалечить способно потенциально... Да всё! Но стиснули зубы, принесли дров, набрали воды.

Я — будущее не думающего человечества. Как, например, можно думать о чём-то, если меня убеждают в полном запустении и дикости — а створ дверей прямой? И сама дверь, хоть и подогнана сверхплотно, но при небольшой помощи юнан можно разглядеть щель толщиной в четверть волоса. Значит, всё же игра?

Идеальное решение для выходца из эпохи каверов и римейков. Ну кто её ещё может населять? Только поколение «уникальных». Трансгуманистов доморощенных, чуть что ныряющих в криостаз, замену бионикой всего и... Да, да. Переключение реальности, пока потребности тела удовлетворяют гекалитры химии, носящейся по венам где-то в тёмном подвале, в глухой капсуле...

Как там выражались хиппи — преследуя водопады. Или целенаправленно разрушая себя в вечной гонке за мортидо. Я такой же? Да знаете что! Это вы вопите тут, до седых волос будете хвастаться достижениями, победками и прогрессиком, а на деле... Ну, два, три, пять лет после выпускного — и что можете про себя рассказать? Дело мечты, приносящее деньги, по профилю, по образованию? Не, ну здорово — бизнес, шурупами торгуешь. Мечта всей жизни. В детстве, наверное, мечтал об этом.

Нет, ну не мне хвастаться — я вообще вёл растительное существование, в перерывах между сном занимаясь чем-то. Зато, зато... Хватало. Зажмурься, захлопни ушки — вполне себе музыка. Как мечталось. А мог бы за долгое евро и полный соцпакет исполнять

Циммера, Морриконе, Ласта — под запись, что прозвучит в фильме. Мог бы...

Зато я не торгую шурупами.

— ... мать! — в чувство привела покрасневшая «восьмёрка», начавшая кое-где уже пузыриться волдырями.

Вовремя Уро сработал, спору нет. Слишком уж мысли мои, родные, личные! Именно в таком режиме я мыслил до смерти. Заунывные претензии, острая жалость к самому себе. Это настолько моё, что подвоха не заметил!

Исключая, понятно, обстоятельства. Нытьё, конечно, штука роднее ежеутренней порции прозака, но не здесь же! И не сейчас. Товарищ Маслоу достаточно чётко обрисовал порядок потребностей, и жажда самоутешения стоит определённо повыше банальных голода с жаждой. И, понятно, либидо — оно, как ни странно, тоже не выстрелило пока. Не хотелось. Мультиков, интернета, успокоительных, смешных видео с сайтов для взрослых... Запястье опять укололо — похоже, я «поплыл» во второй раз.

— Что. Это. За дрянью?!

В пещеру, нагнувшись, заглянула настолько колоритная образина, что я чуть не перекрестился и автоматом приложил её вспышкой-Пиро и обновил Уро. Завизжав, страшилище отпрянуло назад и... рассыпалось? Я потряс головой, ожидая, что это очередная дрянью со способностью унижать моё восприятие, поставил ещё одну Пиро...

Нет. Всё в порядке. Мои глаза не врут, и это действительно не одна огромная фигура, а этакий конгломерат целой кучи мелких существ, объединившихся стаей. «Мурмурация», — пришло вдруг в голову. Так что неизвестно ещё, кто из нас кого боится больше! Во всяком случае волна плаксивости схлынула как и не было, по пещере пробежал порыв ветра, выметая непрошенных посетителей, и дышать стало ещё чуть легче.

Ещё чуть... Пиро с удовольствием вгрызся в кусок коры, ещё Аэро — и одурающе завоняло обугливающимся хитином. Значит, всё же жуки. Радиус поиска противодействия сузился примерно вчетверо! Думать. Чем можно вызвать на ровном месте такой уровень демотивации? Задача не из простых, но даже мне известно минимум три способа: гормональный, химический и пси. Раз жуки, гормоны отпадают — в этой машине я слишком посторонний винтик, чтобы насекомая братия успела подобрать действующий коктейль. Значит, химия либо пси. В пользу последнего, кстати, свидетельствует поведение гештальт-организма, но мало ли...

Проветривание завершилось, и колючие символы погасли — воздух определённо пригоден для дыхания. Дышим. Но если жуки меня химией травили — неощутимой, неосознаваемой, без цвета, вкуса и запаха... Или с моей дурной фортуной — смертельный для местных яд вызвал лишь желание похныкать.

— Лично я за то, чтобы это было пси, — хриплым с непривычки голосом сообщил я враждебному пространству. — Но дай срок, и я под каждую местную пакость сыщу рецептик!

В конце концов, против хлора нашёл, против волков и прочих пакостей — тоже сумел. Против...

— Да ну. Это было бы слишком предсказуемо.

Костерок вспыхнул поярче, на периферии зрения что-то блеснуло, и я тут же бросился туда. Время пережёвывает скалы и выплёвывает их песком, но большая часть последнего всё же принесена снаружи — ветром, ногами, на шкурах посетителей. Блеск внутри образовавшейся толстой подушки означать мог как некий полудрагоценный камешек, так и

то, что представляет собой сейчас ценность куда большую.

Пальцы царапнуло острыми краями, волглый песок неохотно рассыпался по сторонам, обнажая причудливую вытянутую фигуру — что-то вроде палочки. Только я знал, что внутри она — на щелчок пальцами отозвалась звоном — пустая. Видел такие в пустынях раньше. Встречал. Ещё до того, как попасть сюда. Иногда молния бьёт в дюну, и там, где песок встречает электричество, образуются такие вот забавные штуkenции. Правда, я не помню, как они называются, но главное другое.

Вернее, главного даже два! Первое — у меня есть какой-никакой, а сосуд. Второе сложнее. Для удара молнии в песок нужны условия — разряд, конечно, скачет между ионами воздуха, но фактически поражает цель на прямой видимости от начала. То есть, не мой случай, в пещеру молния могла залететь только под какими-то сумасшедше острым углом, а я физику помню! Отвлёклись.

Я отволок находку к Гидро и, стараясь не давить слишком сильно, отёр нагоревший песок, проверил герметичность. Не шипит, не булькает. Отлично. Значит, стекляшка запирает определённый объём намертво. Пригодится.

С улицы пахло соком анчара, истошно заверещали тене-белки — мои зубастые знакомые вышли на охоту. Мне бы тоже надо. Пока не горит, но человек хочет кушать. А я...

Да что такое со мной сегодня?! С мысли на мысль прыгаю! Последствия пережитой смерти? Нервный срыв? Или опять эта пакость коллективная на меня зуб точит?

Цепочку размышлений — назад. Волки, белки, яд, отравы, стекло... О, стекло! Молния никак не могла ударить сюда — с таким углом атаки она скорее врежется в первое попавшееся дерево. Следовательно, источник электрической атаки какой-то другой. «Цветочек» подмигнул, показывая полуразобранную Гидро — электролиз... Электро. Но я не умею швырять молнии из рук, я вам не Дарт Балбес какой-нибудь.

Не умею.

Или не знаю, как. Лично я не знаю. Этот я. Который... В общем, либо здесь до меня кто-то развлекался с символами куда успешнее моего, либо... Ну да. Это был я. Лупил по кому-то разрядами, вот один и нашёл себе место в песочке. А теперь я пользуюсь.

Трубочка, наконец, очистилась окончательно. Теперь... Я огляделся. Было, было! Видел точно! Ага, вот. Камешек с синими прожилками. Гео. Работай пока.

Перед самым выходом из пещеры в голову пришло, что, возможно, стоит поступить по-пиратски. Сиречь — облегчить адаптацию к свету. А для этого лучше постоять пяток секунд, зажмурившись. Хоть это и чревато.

Пять секунд, нервно прислушиваясь к дыханию окружающего мира. Не слышно ли шагов, не шуршит ли, не гремит? Никто не идёт сожрать такого восхитительно беззащитного меня? Я даже сопротивляться не смогу. Четыре. Три.

— А-а-а-а! — на двух секундах нервы не выдержали, и ноги сами вытащили на свежий воздух.

Предосторожности оправдались, и от очередного укуса световолка удалось увернуться, после чего на его озадаченной морде на миг проступила «ракетка». Хищник с визгом умчался прочь.

Лес, будто в ответ, оживился ещё пуще — загомонил, зашумел на разные голоса — щёлканье, свист, шипение. Даже костяной перестук тех экзоформ, должно быть, уже доевших предыдущего меня. Но мы быстренько. В пещеру они не зайдут, а если и зайдут — там «ракеток» с избытком! Вполне сойдут за гранату, если настроить корректно.

Знакомое дерево стояло там же, делилось орехами и корой с той же равнодушной щедростью — загребай, мол. Да с удовольствием. Но сумочку хоть какую бы. Или мешок. Да хотя бы полотнище, чтобы куль связать! Чего нет, того нет, довольствуемся листьями-коробочками и берём, сколько руки несут.

Без костра спокойнее как-то — не нарушает светомаскировку, не забывает обоняние продуктами гари. Готовить на нём тоже нечего. Но сейчас без него никак. В конце концов, я собираюсь переизобрести велосипед. Вернее...

Гео завершило работу — от камня остались только ярко-синие огрызки достаточно узнаваемой специфической формы. Пиро, жжение в ладони, вспышка — и в затлевшие куски коры полетел и мой трофей. Но форма узнаваемая, чёрт. Где же я мог её видеть?

Что-то вроде треугольника неправильной формы, каждая сторона которого представляет собой внутреннюю петлю. Будь мы в моём старом мире, я бы решил, что это логотип какой-нибудь бесчеловечной корпорации по производству кошачьего корма. Но здесь с продакт-плейсментом достаточно туго, следовательно, символ стоит запомнить. А ещё лучше...

Прямые линии, острые углы... Аэро? «Корона» недовольно шевельнулась, позволяя мне приступить к разбору. Но тут шука посложнее, к тому же, правила чёртовы требуют начертания взмахом, не отрывая руки. Хм...

Где там был мой писчий камень? Начнём с наброска.

Костерок приветливо потрескивал, камень смотрел хмуро сквозь огоньки пламени. Но ничего, скоро всё будет.

Смахнул пыль и песок с уже исчерканной поверхности, почесал затылок и приступил к разработке. Меня интересует газ — это Аэро. А ещё не направленное его движение, а статика. То есть, фигура без направления. Равнобедренный — нет, равносторонний — треугольник с вписанными петлями. В идеале, петли тоже стоит сделать «колючими». Почему не прямоугольник или квадрат? Углы перестают быть острыми. А это уже епархия Гео.

Попка-дурак делает, сам не понимая, что и зачем. Обезьяна с калашом. Дрессированный тюлень, играющий мячиком. Обидно? Ну, ладно. Тогда я — нейросеть, на основе алгоритмов работаю с тем, что есть, пытаюсь вычислить шаблоны, и по ним создать что-то своё. Нейронки, к слову, давным-давно научились удалять людей с видео, напроць, вплоть до теней и отражений. А в моём выживании не может быть так, что меня тоже какая-то сеть удалила из мира?

— Хватит! — жуков не видно, но это не мешает им мелко пакостить из-за пределов «огнемета». — Ничего-ничего. Сейчас закончу, и поглядим, кто будет смеяться!

Газ. Электричество. Треугольник и петли.

— Не то, — я забраковал ещё один набросок. — Нужно что-то такое, чтобы...

Ощущалось. Как рисунки пальцем на стене — не оставляя следов нигде, кроме собственного подсознания. Газ. Электричество. Аэро и переход Пиро-Гидро. Вложенная система...

Камень в костре зашипел и начал медленно оплывать.

— Отлично! — Я подскочил к огню, отряхнул трубочку от брызг и аккуратно, стараясь не делать резких движений, коснулся уже мягкой как пластилин породы.

Не домна, конечно, но мне и не высокоуглеродистую сталь делать. От толчка камень покосился и, будто подтаявшее по жаре мороженое, стал плавно нисходить в пышущую

жаром лужицу расплава.

Сейчас главное — не передержать! Одна из «пупырышек» зацепила расплав, и тот потянулся тонкой ниточкой. Хмыкнув, я быстро-быстро закрутил трубочкой, наматывая на неё металл. Сто процентов, грязный трубочист с жутким количеством примесей!

Ни в каких других условиях мои прожекты работать не стали бы. Но я уже привык к тому, что моя «магия» позволяет низвести до условностей очень многое. Или то игровые условности?

Последний штрих.

Отломив «головку» трубочки, я зачерпнул чуть-чуть уже совсем жидкого металла, наклонил получившуюся конструкцию, чтобы капля катилась вниз, оставляя след, и тем самым...

Аэро. Конструкция захрустела, сжимаясь, но устояла. Грязное стекло, заляпанное то ли свинцом, то ли бронзой — вот, как это выглядело бы для человека современного. Но я видел в этом кривобоком чудище будущее! Вернее, даже...

Аэро на ладонь, прижать отверстие, другой рукой электролиз — ладонь привычно закололо — и трубочка с грохотом взорвалась в ладонях!

...

— Хорошо хоть не по глазам, — неизвестно сколько времени спустя прохрипел я, наблюдая за местом очередного взрыва. — Может, ну их, эти эксперименты? Займись лучше рисо...

Я осёкся. Уж не знаю, что там случилось — то ли башка от взрыва прояснилась, то ли выветрилась жучиная химоза, а до меня, наконец, дошло правильное расположение элементов будущей юнан. Медленно, не тревожа возможные сломанные или посечённые части тела...

Элементы вставляли на свои места, будто узнавая старое расположение, а я опять чувствовал себя дураком. Не привыкать, конечно, но, ожидая новых тропинок во мраке, как-то теряешься, выходя на уже разведанное место. Кто-то — может, даже человек, оставивший мне след в виде стеклянной трубочки — уже делал это.

Значит, и я?

— Жуки, пошли вон!

Рядом на камнях вспыхнули «коронки», и голова прояснилась.

Треугольник, петли. Не хватало одного элемента, который пришёл в голову во время моего краткого полёта. Проводимость. Газовая проводимость, чёрт. По идее, от плюса, но здесь наоборот, так что...

Трубка рванула, хотя в лучшем случае разряда вольт на сто было. Это говорит о том, что изобретаю я нечто крайне важное!

С ощутимым хрустом последний элемент встал на место, и от угла протянулась медиана.

— Сим нарекаю тебя Йони! — «Цветочек» заволновался, выпустил сектор воздушной «магии», где уже горели две вариации Аэро, а теперь добавился и новый участник.

Касание — и на камне вспыхнул треугольник. Недобрым, фиолетовым цветом.

Всё верно, блин. Фульгурит — во, вспомнил слово, наконец — проводящий металл, газ, разряд. Реакция именно такая!

От входа послышалось угрожающее шуршание, и я вскинулся было драться, но... Песок зашевелился, собрался в огромную фигуру и, пошатываясь, удалился в сторону выхода. Цвет

Йони чуть померк, потерял в насыщенности...

Ничего удивительного, что монстрам это не понравилось. Именно монстрам! Сами гады, ещё и окружающее пространство портят! Фонят-с.

Именно-именно. Конечно, газоразрядник вышел грубым, одноразовым, но на то и был расчёт. Окажись здесь безопасный или хотя бы чуть-чуть повышенный фон — и дело обошлось бы просто громким щелчком. Но рвануло капитально, импровизированный счётчик вышел совсем уж одноразовым.

Следовательно, Йони будет трудиться. А я постараюсь не думать о том, сколько мог хапнуть, и сколько — уже. Если, конечно, жуки не показатель.

Пик. Пик. Пишишиш.

Сегодня на Свифт невесть каким пьяным редактором оказалась допущена кофточка вырвиглазно-розового цвета. Ладно, если не ворчать, то и не кофточка вовсе, а вполне себе строгий пиджак. И цвет не вырвиглазный, а... В международной классификации он имеет кодовое название «неоновый розовый» с легко запоминающимся шестнадцатиричным кодом: FC0FC0, и... Вырвиглазный. Ну, или сигнальный, если посудить. Как будто Анжелики всеми силами пыталась подать кому-то сигнал.

— Здравствуйте, — профессионально улыбаясь одними губами, начала она, — в эфире программа «Время», в студии Анжелики Свифт, главные события дня.

Только вот глаза выдавали. Что-то с ней случилось. Никто и близко не знает, что именно да почему, и всё же за миг до смены плана на нарезку дайджеста мелькнуло во взгляде нечто вроде ненависти пополам с усталостью. Никто бы не заметил. Никто.

— Холодный приём. В изолированном туннеле Бункера-зеро нашли инженера-криотехнолога, которого уже считали погибшим. Последние известия со второй самой амбициозной стройки года.

— Патронов не считаем. Силы министерства чрезвычайных ситуаций разгромили особенно крупный отряд диких на самых подступах к КАД Радиосити 2. Подробности зачистки из области от пресс-аташе министерства.

— Идите в «НОРАД». Специалистов из североатлантического воздушно-космического третью неделю держат в карантине. Новые ограничения на въезд из стран, потенциально заражённых дальневосточным вирусом.

— Сверхтехнологии или секта? Спецслужбы федерации одобрили чертежи Бункера, их смутила лишь религиозная символика.

— Освободите землю. Активисты из запрещённой на территории Федерации группировки «Свободный День» презентовали властям Франции, Германии и Италии образцы сои и технологии гидропонического выращивания последней.

Оставьте ваш комментарий:

Леонид Йетц: тухленько как-то. А что ж ни слова о последнем деле «Экзюпери»? Воп уж у кого-то бабахнуло так бабахнуло! >Shutiha Gitara: это ж «Первый», ты чего вообще ждал? > >Hunter: это не «экзы». Кто-то под них косит, и бесталанно причём. >HollowNight: о чём речь? Я вчера с вахты приехал, о последних новостях не в курсе. > >Masyama: под Розу начали копать, и исподнее всех копавших оказалось в клирнете. Для утончённых засранцев из «Экзюпери» слишком топорная работа. > > >HollowNight: простите, Розу? А это кто? > > >Voogho Sapiens: так. Держи ссылку на тематический плейлист новостей по сабжу за последний месяц. Приятного просмотра. Секта свидетелей сыра: был на каде. Это, конечно, не моё дело, но «чистовикам» бы доктору показаться. Мясорубка — жесть, и всё это голыми руками! >Litrii His: они же не используют огнестрел, для них он слишком медленный. > >You-уи: я тебе намекну. Человека можно убить ножом, ударив в сердце или ещё куда-то в уязвимое место. А можно мелко нашинковать для салата. > > >ViVal: меня сейчас стошнит. Василь Петрович: клоуны, блин. И ради десяти секунд эфира останавливали производство на сутки. Времени-то вагон. > >VoiceOfHereafter: не беспокойтесь. Без ваших АСММ всё равно ничего не получится. > >

>Василь Петрович: да блин, успеть бы! А то вопили про спасение мира и горящие сроки, а конкретно никто ничего не сообщает. > > > >VoiceOfHereafter: в двадцатых числах мая всё должно произойти. «Первый»: пользователь VoiceOfHereafter заблокирован на сутки за разглашение служебной информации. Я найду тебя, подонок, и ты пулей с места вылетитишь.
> >Shutiha Gitara: модерский произвол, лол.
...Развернуть обсуждение (2696 комментариев)...

Слова Гласа логично сбылись. Грядущего же, чёрт возьми. Сначала она действительно удивлялась этакой старомодной форме прозвища — ну какой глас, когда голос — но однажды забралась в секцию комментариев под одним из выпусков теле-новостей...

В общем, нет гарантий, что он в самом деле понимает будущее, но, должно быть, обладает настолько фантастическими вычислительными мощностями, что в некотором роде может воплотить кошмар Лапласа наяву и предрассчитать если не отдельные поступки, то тенденции точно. Вон как её просчитал — как пятилетку с капитошкой на крыше. А она не первый год в подполье, кое-чему научилась...

Но это лирика. Как и то, что и как говорил Глас. Куда важнее сомкнувшаяся на плече стальная хватка и профессионально замедленный голос.

— Лера Бусловских?

Она взвыла. Не стоило выходить из дома. Не стоило отходить от родной крепости даже на шаг. Глас предупреждал, плюс её стремительно катящийся в нулину рейтинг — в общем, сиди дома и не высывайся! Так ведь нет — прогулочным шагом до отдела фэдобразования лично в гости к той тётеньке, что однажды позволила условно совершеннолетней тогда ещё Лер-Лерычу заселиться туда, где стены хранили запах родных. Конкретно этой тётке она доверяла, а используй кабинет в муниципалке или министерстве — ещё неизвестно кому попадёт. А Дине срочно требовалась легализация.

Тут, конечно, менталитет сыграл. Когда привыкаешь решать все проблемы с помощью молотка, всё остальное не стоит и гвоздя, а если ты вдруг навострился пропихивать свои сложности вперёд по социальной очереди с помощью ловкости рук и понимания уязвимостей, то теперь... Да как-то тускло, нелётная погода для соколов, блин. Приземляет очень ощутимо. А чёртов Глас рассматривает обращения только и исключительно по его собственному делу.

В итоге личный контроль оборачивается личной встречей — сбитыми ногами, новой фильтрующе-поглощающей и помидоркой на этой яичнице — «чистовиком».

Тяжело быть до поры взрослой. Иного ущерба так пугает безвозвратность совершеннолетия, что до конца дней своих бегаёт в кепке с лопастями да коротких штанишках. И такой гипотетический ущерб сейчас заныл бы что-нибудь в духе «дяденька, отпустите».

Она, к сожалению, такими навыками не обладала. А необходимыми в таких ситуациях взрослыми навыками вроде краснобайства или боевых искусств ещё пока не овладела в должной степени. Так что молилась Лерыч, скрещивала пальчики и судорожно парсила память в поисках ключевых грехов.

Помимо Дини, конечно же. Но школа действительно не станет ждать — пропущенная четверть выглядит достаточно веским аргументом в пользу визита дармоедов из ювеналки. И так уже одно «письмо счастья» прислали. В следующий раз навестят лично — и их по дороге определённо никто не остановит.

— Я хочу задать несколько вопросов о Розе. Если вы, конечно, не против.

Нашёл дурака. Ага, скажи-ка такое в лицо экс-оперативнику! Если ещё камеры зафиксируют — там вообще туши свет и двигай своим ходом к биореактору, чтобы не гонять казённую карету.

Это голос разума. Глас, чтоб его. Сама же девушка сейчас мечтала лишь о том, чтобы «чистовик» не заметил бьющую её тело крупную дрожь. По той же причине она и не говорила ничего — если заплещет ещё и челюсть. Так что «нет» не принимается. Вот хоть бы раз в такой ситуации потребовалось объяснять согласие куда-то идти или что-то делать!

«Отставить панику! — рывкнула она на себя. — Если бы этот старый пень что-нибудь прознал, то меня бы не под ручку на улице ловили, а прислали бы пару-тройку чёрных с приказом об имобилизации».

— Тогда пошли, — будто маскируя собственную натуру, силовик неуклюже повернулся через правое, сгорбился чуть сильнее и зашаркал по асфальту в сторону «голубого ящика» в конце улицы. Сильнейшие файрволы, умнейшие специалисты — те, кого поймали вовремя, чтобы успеть предложить зарплату.

— Киберкрайм? — подивилась она.

— Угу. — «Чистовик» зашаркал впереди неё, даже не трудясь контролировать, двигается ли девушка вслед.

Впрочем, захоти она убежать, во-первых — поймают, во-вторых — срок за сопротивление, в-третьих — ненужные подозрения, а Глас велел не высовываться...

Хватало причин, в общем.

— Нет причин для беспокойства, — голос у старого силовика был ясным, звонким, как у молодого, — посидим, попьём кофейка, оцените, как я его завариваю. Настоящая арабика, не эрзац-мерзость!

— Не пробовала, — равнодушно проронила она.

Куда бы ей с соцпайком. Хорошо, если цикорий доставят — по уверениям на упаковке, эта бурда имела запах и вкус настоящего, но... В общем, сравнивать было не с чем.

— Как вам район, кстати? — будто между делом осведомился провожатый.

— Ничего, — осторожность не повредит. Мало ли, он тут живёт? — Аггло не хуже всех прочих.

— Обижаете, — старик обернулся к ней, щедро обвёл рукой окружающие малоэтажки фирменного охряного цвета, — квотированное жильё по праву считается лучшим в городе!

— Квотированное?

— Как я слышал, у вас недавно произошло пополнение в семье. Новые законы позволяют вам претендовать на площадь побольше!

— Здорово, — ещё равнодушнее ответила она.

Будто поняв, что каши с ней не сварить, «чистовик» смолк и продолжил путь в сторону отдела по борьбе с киберпреступлениями, где он консультировал, скорее всего. Из «чистых» уходят вперёд ногами, а кто не может, того до конца жизни держат под боком министра. Так что...

— Хантер? Здравствуйте, — из распахнувшейся двери показалась удивительно интеллигентная физиономия мужичка средних лет, блеснула очками, — шеф уже ждёт, поторопитесь!

— Да иду. Не забывайте, из нас двоих сверх только я. — Хантер придержал дверь перед Лерой. — Будете обижать нашу милую гостью — я начальству пожалуюсь. Оно примет меры.

И посмотрел выразительно этак. Мужичок сдулся и промолчал — должно быть, понимал, что действительно сдаст и всё в красках распишет. Эти сверхи с их насквозь большой моралью...

— Здравствуйте, чем могу помочь? — зашебетала со стойки прелестница в ярко-салатовом респираторе под какое-то аниме. — О, Андре...

— Хантер, Светочка, — оборвал «чистовик». — Мы к шефу на поклон, он в курсе.

— Да, вижу. — Внутри стойки что-то щёлкнуло — удивительно громко, выразительно так.

Это заставило Леру высыпаться из ступора, цепко оглядеть окрестности. Так, внимательно. Стекла перед Светочкой нет, но оно возможно — пазы на столе позволяют. Сам стол тоже вовсе не так прост — выкрашенный под дешёвую ДСП, он тем не менее не скрипит и не реагирует ни на одно движение хрупкой прелестницы, включая и явное усилие при нажатии кнопки.

И так во всём — характерные трещины на потолке выдают места бронеплит, мгновенно превращающих помещение в долговременную огневую точку, квадратики автоматических турелей, треугольники разбрызгивателей как безобидной дез-смеси, так и соединений позлобнее. В общем, при всём легкомысленном декоруме это была, есть и остаётся структура угнетения и власти, локальный ад для грешников с клавиатурами.

Разве что черти местные с претензиями, и не желают работать в глухом бетоне, стали и дезсмеси.

«Компьютерщики, — со смешком подумала она. — И я тоже могла бы здесь трудиться».

— Нравится? — Хантер обошёл её со стороны, забрал карточку временного пропуска и бросил девушке. — Тут на лифт, этаж последний.

Трясущийся и дребезжащий гроб, неторопливо ползущий под самую крышу, определённо не выступал мериллом безопасности и заставлял нервничать даже насквозь нормальную Леру. Она покосилась на Хантера, молчаливо замершего рядом. Вот уж для кого мучений раза в четыре больше!

Но молчит. Терпит. И всё же, при чём здесь киберкрайм? Шеф какой-то ещё. Но с вопросами лучше повременить — каждая лишняя секунда разъяснений отодвигает разрешение дела, по которому её сюда пригласили. Временно, разумеется. Хоть это радует. А там — домой, документы Дине, официальное прикрепление к телешколе и статус жителя агломерации. Пусть хоть удоказываются о чём хотят после этого! Всё! Бусловских, и не волнует.

Гроб добрался в итоге до точки назначения — сверху что-то хрустнуло, по бокам отозвалось эхом, и кабина замерла. Медленно разъехались створки, и Хантер выветрился наружу быстрее, чем она успела раскрыть рот. Лоб он при этом потирал куда озадаченнее, чем должен бы. Если, конечно, спина с плывущими контурами может выражать хоть какую-то озадаченность.

— О, Роза? — с порога в отделе её встретил уже знакомый министр. — Мы вас ждём! Хантер такой кофе заварил — даже меня понимает! Пойдёмте!

Он поймал её под локоток и потащил вслед за собой с силищей, удивительной в таком сухоньком теле. Чуть ли не пинком распахнул дверь в длинное вытянутое помещение, разгороженное офисными пластиковыми стеночками, милостиво кивнул гомонящим силовикам и, не останавливаясь, проволоч к стеклянному кабинету-аквариуму в самом конце.

— Даже вас? — спросила она, когда дверь за спиной захлопнулась, отсекая гул голосов.

— Ну... У меня организм такой, что пронять тяжело, — министр прикрыл глаза, выдохнул — и Лера охнула: на краткий миг черты лица его потекли, потеряли чёткость, как

у самого всамделишного «чистовика»! — Так что нужен особый рецепт.

Министр тоже сверх? Нет, ну логично, конечно, что в банке с пауками наверху должна сидеть тварь, выделяющаяся лишь злобностью, но со способностями не хуже. И всё же... Тысячу раз видела его на экране, тысячу раз проверяла био — ничем не выдающийся нормал, чудом ухвативший за поводок свору злобных паранормальных псов. А тут вот оно что...

— Господин министр, но мне, наверное, тогда не стоит это пить, — слабо запротестовала она. — Боюсь, меня тогда...

— Экс-министр, — поправили её. — Ну как... Без пяти минут. Давненько хочу, но родина велела уж дожать это дело. Насчёт кофе же не беспокойтесь — добавки для сверхнормалам не вредят совершенно. Разве что настроение может слишком уж подняться. Но вы же этого не боитесь?

— Нисколько, — ответила она и отчаянно смело пригубила из чашки.

Вкусно, что тут скажешь.

— Все собрались? — хлопнула дверь, и в кабинете добавилось ещё одно действующее лицо. — Отлично. Раньше сядем, как говорится...

Говоривший не отличался ни богатырской статью, ни какой-то сверх-уверенностью в себе. И всё же Хантер тут же поднялся на ноги:

— Шеф.

— Сидите, Хантер. Министр, — и кивок в сторону Леры. — И вы здравствуйте.

— Вы пейте, пейте, милочка, — проигнорировал шефа министр, — не отвлекайтесь.

«Отрава? — тут же засигналила паранойя, — сыворотка правды?»

— Просто очень хороший кофе, — фыркнул наблюдавший за её терзаниями Хантер. — Шеф, на пару слов.

Снова хлопнула дверь, и Лера осталась наедине со старым властным «чистовиком», тут же спрятавшим маску доброжелательности.

— Ладно, по существу, деточка. Мне очень хотелось бы потолковать с тобой о твоём крайне удачно всплывшем племяннике. Документы в идеальном порядке, генопробы соответствуют, даже по прошлому всё чисто.

— Н-не понимаю, о чём вы, — заикнулась она.

— Да просто всплыл он так вовремя, понимаешь?

— Вовремя? — так, похоже, пора искать пути к отступлению. Взгляд заметался в поисках хотя бы окна, но глухой аквариум, похоже, специально строили для таких неприятных разговоров, — вы говорите загадками.

— Бусловских Денис, маленький симпатичный мальчик, очень похожий на свою опекуницу. Успеваает в школе, ведёт себя хорошо, здоровьем отличается. Конечно, немного проказничает, как это и положено детям — фильтр, вон, поломал, смесь пролил.

Не к месту вспомнилось вдруг, что с момента входа в фойе их нигде не остановили для обработки от радиации. Что говорило либо о крайней беспечности всех присутствовавших, либо...

— Только вот появился он так своевременно и удачно, правда? — между тем продолжил министр. — Нет, деточка, я ни на что не намекаю и не давлу. Но раз вы такая социально ответственная гражданка с высоким социальным рейтингом — давайте посотрудничаем?

— Не с таким уж и высоким, — огрызнулась Лера. — После... событий я самая что ни на есть серая масса. Как раз с фильтром этим успела оценить уже.

После всех штрафов отношение к ней было не как к грязи, конечно, но близко к тому — попытавшись написать претензию в своём обычном духе, она нарвалась на достаточно жёсткую отповедь от месткома. Мстит, паскуда, за то, что выбилась... Почти выбилась.

— И что там с мальчиком? Вы намекаете на то, чтобы я вам его отдала? Не выйдет За ним некому приглядывать, кроме меня, но я есть. И до той поры он не окажется в питомнике ваших будущих «чистых».

— Как это некому приглядывать? — фыркнул министр. — А радионяня? А телешкола? В конце концов, камеры наблюдения уже. — Леру парализовало, а министр понимающе покивал. — Да-да. Мы увидели кое-что интересное на местах, где проставляли тату пятому поколению. Опять же, никакого давления, но удобно так, удачно, да? Один мальчик пропал. Другой появился. Так будем говорить?

Он смолк, хотя явно хватало, чего добавить и сверх того. Правда, в таком случае, как опасалась девушка, компромат пойдёт уже не на её «семью», а конкретно на неё саму. А там — кто знает, чего они уже успели накопать в поисках настоящей личности Розы.

— Чего вы хотите? — устало спросила она. — Если всё так плохо, почему я пью кофе, а не давлюсь кровью в допросной?

— Вы симпатичная, — подмигнул министр. — А я слишком слаб и немощен, в мире слишком мало красоты, чтобы позволять кому-то загубить ещё немного.

— Вы закончили с прелюдиями? — дверь распахнулась, на пороге появился шеф. — Бусловских, нам нужно знать всё про Розу и её связь с американцами.

Оп. Прокол. До сей поры все, абсолютно все считали, что она и Роза — это одно лицо. И страшную тайну, которую знали лишь два человека...

«Неужели это Глас?! — изумилась она, во все глаза изучая непримечательное лицо в очках. — Вот как он выглядит по-настоящему...»

— Связи с американцами? — тем не менее, ровно спросила она.

— Смотрите, — ожила видеостена, и дёргаными кадрами посыпались последствия той бойни в центре, когда её и Ахабса пытались захватить те неизвестные в масках. — Вы сработали хорошо с баллончиком, но видели далеко не всё. А вот кое-кто видел, и кадры уже попали в сеть.

— А при чём тут Роза?

— Бойню спровоцировали америкосы, и это известно абсолютно точно. Но кадры выложил «Свободный день». И нам очень хотелось бы знать, что именно связывает Розу, эздэшников и туристов. Желательно, в подробностях.

— Я вас оставляю, — поднялся из кресла министр. — Буду в комнате отдыха, если что.

Шеф проигнорировал его, неотрывно следя за тем, что будет делать девушка. Его веко опускалось в медленном, незаметном подмигивании.

«Плыви по течению», — ровно так в голос рекомендовали и шеф, и министр. Учись, мол. Хотя поздновато, прямо скажем. Пусть по паспорту и стукнуло не так уж много лет — у сверхов хватало сложностей с поиском общих знаменателей с нормальной жизнью. Да что там — министр не сильно-то старше, а уже сдал. Про предыдущего и говорить не приходится — там разрыв в возрасте сумасшедший, больше пяти лет! Абсолютных, что в пересчёте на время «дементора» ощутимо увесистее...

И всё же чувствовал он себя на фоне и чуть более старшего товарища, и чуть менее младшего начальника в лучшем случае незванным гостем на вечеринке. Они на местах, при деле, чётко понимают — что, зачем, почему. Уверены, спокойны, размеренны. Профессионалы, чёрт. Взрослые люди. А он кто?

Ненастоящий какой-то взрослый. Несолидный. Учился беречь жизни, когда их столько, что дешевле соли уж должны быть, а в итоге превратился в того, кто эти жизни ставит на паузу, пресекает порой. С допросами, правда, сложности — не давалась наука. Хоть ты тресни. Ни наука допросов, ни наука взрослости. Если последнее слово вообще существует.

Он чувствовал себя гораздо ближе к этой забитой рыжей, чем к двум своим почти сверстникам. Она какая-то настоящая, живая в душном прокуренном аквариуме. Поплыла и раскололась быстро, зачастила фактами, домыслами, выводами. Вот имя только одно назвала. Глас. Не «глаз», а именно так — выпрэнно, по старинке.

Берегла своего «родственничка» с тату под ухом, выгораживала как могла, врала и крутилась... Но уже сейчас даже глухому к намёкам «дементору» становилось ясно — не изымут. Во всяком случае, не эти двое. Если всё случится по прогнозам яйцеголовых — утрата одного привитого уже не будет иметь никакого значения. Если по её идеям и расчётам — ни одна собака не посмеет предъявить претензии спасителю человечества. Так что зря переживает. Диня останется с ней.

Разумеется, ничего такого Хантер не говорил. Следственные мероприятия вообще и допросы в частности — танцы сложные, выстроенные на куче недоговорок, психологии и откровенного вранья. Но чуйка опытного агента непонятным чудом уживавшаяся рядом с неповзрослевшей душой шептала на ухо, что не всё так просто и понятно здесь. Идеально чистых людей без скелетов в шкафах не бывает. И даже у этой несовершеннолетней нормалки хватает тайн. Но — следственные мероприятия. Танец, направленный в одну сторону, без огульного охвата всего смежного.

Шеф крикнул и откинулся на спинку кресла, закурил, подозрительно меряя взглядом девицу.

— То есть, если тебе верить, то ты вообще никто и звать тебя никак, и в вашей трогательной паре ты просто говорящая голова?

Рыжие кудри качнулись утвердительно — за последние полчаса она так и не оторвала взгляда от столешницы.

— Тогда зачем ты вообще нужна Гласу? И помимо тебя хватит людей, к которым точно отнесутся серьёзнее. Взяли бы кого-нибудь другого, с возрастом, опытом, заслугами.

— Да не знаю я! — взорвалась девица. — Я вообще не просила ни о чём. Сидела дома, готовилась выходить на работу, за родственником смотрела. Мне нет дела ни до мира, ни до его спасения!

Ни до чего другого. Врёт, разумеется. Кому в юном возрасте не отшибало критическое мышление амбициями и мечтами о собственной богоизбранности? Но шеф удовлетворённо кивнул:

— Умница, девочка. Так в будущем и говори. Если вдруг кто-то спросит.

— А... Спросят? — робко уточнила она.

— Несомненно, — вмешался министр. — Мы сделаем всё, чтобы ни лица твоего, ни внешности... Но сама понимаешь — ты прошла экзамен, на тебя охотились эти дуралеи... Кое-кто тебя определённо знает.

— Жука? — деловито осведомился шеф.

— Ни в коем случае! Если хоть кто-то засечёт, что она под наблюдением... Ты можешь быть свободна, деточка. Хантер.

Агент послушно поднялся, кивнул девице на выход — провожу, мол. За закрытой дверью аквариума сейчас начнётся политика. А ему, даром что первый кандидат на пост министра сверхов, пока совершенно не стоит соваться в хитрую вязь обмана, недоговорок и противовесов.

На улице свежее. Звучит забавно пополам с мерно потрескивающей газоразрядной трубки, но...

Снова хитрая схема обеззараживания «на ходу», не вынуждающая ни останавливаться, ни ждать чего-либо, снова лифт вниз к пустоглазой и пустоголовой чьей-то протее за стойкой, снова у...

Чуйка взвыла громким мявом, заставляя силой сбросить размеренно-растянутое восприятие нормала. Секунды послушно растянулись, зрение затуманилось, и мир из туннельно-прямого исказился шаровой перспективой «рыбьего глаза».

Где? Где?! Зрочки забегали, ловя периферийным зрением потоки внимания и возможные вспышки. Есть!

Он скакнул к девушке и как мог, медленно и аккуратно, подсёк её под колени, роняя на грязный асфальт. Над ней тут же неконвенционально быстро мелькнуло бешено вращающееся тело пули. Девять миллиметров, но слишком короткая — значит, не ПАБ, а обычная пистолетка. Не наша. Чья?

Ещё один хлопок — сутулая удаляющаяся спина случайного прохожего дрогнула всего на миг, и Хантер швырнул в неё металлический шарик подшипника. Прохожий повалился наземь как подкошенный.

— Эй, что... — забавно-растянуто начала басом возмущаться девица.

Проигнорировав её, Хантер прыгнул к несостоявшемуся убийце. Так, магнитный порошок, вариатор поля, чуть-чуть краски — это явно армейские технологии. И всё ради чего?! Убийца зашевелился и тут же повалился наземь. Слишком уж активно он зашевелился! Слишком быстро!

По асфальту с пластиковым стуком запрыгал чёрный предмет. Небольшой, чёрный, матовый, больше похожий на коммутатор последней модели — но всё же это был пистолет. Что-то из последней линейки австрийцев. Мелькнула приметная буква «G» на боку, Хантер нагнулся...

И прыгнул вперёд, костеря на все лады чёртову систему маскировки. Наёмник, сам оказавшийся из сверхов, не лежал всё это время на земле, а вполне себе достал из кармана копию утерянного оружия, взвёл, прицелился...

Вместо ожидаемого звука выстрела послышалось лишь скрежетание пластика о

пластик. Резкий удар, хруст кубика генератора — и на ногах остался только Хантер.

— Австрияки, — пренебрежительно фыркнул агент, легко удерживая ладонью ствол пистолета. — Если бы ты хоть чуть-чуть учил матчасть, то знал бы, почему с «Глоком» в ближний бой не ходят.

На деле кажущийся недостаток одновременно являлся и преимуществом этих пистолетов. Своего рода защита от дурака — пока ствол упирается во что-то твёрдое, любое срабатывание механизма затвора приводит к его распираанию и, как результат, к невозможности вести огонь. Так что никакого геройства в попытке остановить пулю ладонью — в случае с этой братией такой финт вполне выполним. Хантера учили этому, как и всех на его потоке, а вот этого...

Рука машинально скользнула по бедру, нащупала в кобуре иньектор с ингибитором, игла прошила кожу, превращая залётного сверха в медленного даже по меркам обычных людей.

— Хантер, АИ-714, нападение на агента. Фиксация, отправка, — приказал он в воздух неизвестно кому.

Всё равно, на самом деле. Дорожная служба бдит круглосуточно, и материалы по делу окажутся на столе шефа быстрее, чем он доберётся до девицы. Ещё через пару минут придут и за незадачливым киллером — сейчас он уже не опасен.

Хотя одну игрушку определённо стоило бы прибрать. Лицензия есть, а с вещдоком вопросы разным заинтересованным всегда звучат весомее. Дело даже не только и не столько в нападении на «дементора» или Леру эту — а в том, с чем на них напали! Конвенция, мать её, задаёт определённые требования, и нарушение — повод для того, чтобы к стенке поставили не только заказчика и исполнителя, а всю цепочку, вплоть до производителя и поставщика оружия.

Кажется, второе поколение только вступило в силу, когда приняли это соглашение, и, что забавно, почти единогласно приняли на заседании ООН. Громкие слова о шумовом загрязнении, о сегрегации и тому подобной чуши... Фактически же Штаты и Скандинавия, старательно создающие собственных сверхов, хотели видеть последних действительно последним аргументом, способным голыми руками бороться против любого противника. И коли тот будет вооружён каким-нибудь СР-3 с дозвуковой пулей, то и увернуться будет куда проще, чем от свинцовой дуры, несущейся под семь сотен в секунду.

Притом, что дозвуковой патрон не теряет ни в каких других характеристиках, кроме настильности и собственно скорости, он требует меньше... да всего, наверное. И пороха, и толщины стенок патрона, и... В общем, будущее за медленно летящими пулями. А нарушение конвенции грех, конечно, не слишком большой, но это привлечение внимания. Как если бы он напал на них, размахивая цвайхандером. Сильная подстава в первую очередь заказчика.

— Живы? — удивительно быстро послышалось над плечом, и Хантер обернулся.

— Привет, Хоук. Какими судьбами?

— Стреляли, — уклончиво ответила женщина. — Не бережётесь вы совсем, Андрей Валентинович. — Начвос подобрала с земли пистолет, повертела в руках. — Симпатичная игрушка. Слышала про такие.

— Вот как?

— Ага, — она заученно выщелкнула магазин, добыла оттуда патрон со странно искажённой головкой пули. — Видели такой боеприпас?

Спину насквозь прострелило электрическим разрядом ужаса. К этому... Нет, определённо, к этому он не был готов.

— «Убийца чистовиков», — прошептал Хантер, тщетно загоня внутрь дрожь.

— Именно. Ты знаешь что это значит?

Он знал. И Хоук знала. Равно как и оператор наблюдения дорожной службы. Бусловских хватило бы обычной пули, летящей с любой скоростью. Человек вообще система хрупкая, и любое попадание быстро движущегося металла выводит его из строя либо на месте и с гарантией, либо чуть попозже, но всё равно без шансов. Даже простреленное плечо крайне скверно сказывается на боеспособности, а уж если попасть в шею или бедренную артерию...

Он прикинул, на каком уровне летела пуля. Нет, не голова или сердце. Тут наповал сразу, тогда агент экстренно фиксирует ситуацию и мгновенно выдвигается на борьбу с наёмником. А вот ежели такая дурында разворотит бедро — то он в любом случае будет вынужден тратить время на уход за раненым, хотя бы элементарную перетяжку сосуда на ноге. Как следствие — время потеряно, убийца скрылся.

Ну или, что вероятнее, убийца навёлся ещё раз и выстрелил по спине оказывающего помощь агента. Хитро заверченным наследником «дум-думов», выводящим из строя даже «чистовиков», способных переварить и снайперский патрон. Такое он бы точно не переварил — прилёг бы отдохнуть рядом. Почему не в сердце или в голову? Так рефлексы же — сверх в любом бою бережёт их в первую очередь, легко уводя с линии возможного огня. А вот центр тяжести так просто не уберёшь — факт.

Наконец положенные двадцать пять секунд истекли, и из дверей посыпались «четвёрки», тут же утащившие обездвиженного убийцу, обступившие Хантера, Хоук и бессознательную Бусловских. Из уха последней выпал какой-то небольшой предмет, и Хантер, поколебавшись, поднял его и спрятал в карман.

— Ну, что теперь делать будем? — язвительно осведомилась Хоук. — Мне некогда, меня детишки ждут.

— Её тоже, — со вздохом ответил Хантер. — Врача дождёмся, приведём в сознание да пойдём.

— А как же, — Хоук сделала страшные глаза, опустилась на стоящий неподалёку бетонный блок, — убивец треклятый, стреляющий по гаранту спокойствия и справедливости?!

— Перестаньте. Все всё видели, а я по закону в расследовании не участвую, ибо сейчас жертва, а не специалист.

...

Бусловских пришла в себя, не дождавшись врача — села, потирая ушибленную ногу, прислушалась к чему-то — и отчаянно заискала что-то вокруг себя.

— Потеряла что-то? — он с неудовольствием включил замедлитель речи.

— А? Н-нет... Просто по мне ещё никогда не стреляли.

— Привыкнешь, — фыркнула Хоук. — На пути спасителей человечества такое сплошь и рядом... Роза. Или всё-таки Лера?

— Лера, — послышался голос шефа. — Но это государственная тайна. Хантер, верни девочке её добро.

— Да я собирался, — проворчал агент, копаясь по карманам.

— Так же собирался, как сдать второй пистолет? Хоук.

— Юрий Семёнович, — женщина склонила голову в знак приветствия. Поднялась с

блока, отряхнула брючный костюм. — Раз вы здесь — я пошла.

— Погодите, Хоук, — попытался было остановить её шеф. — Вы проходите свидетелем по делу...

— Повесткой вызовете, — отмахнулась Хоук, мгновенно переходя на «сверх».

Испарилась.

— Держите, Бусловских. Не теряйте больше.

Анализатор закончил расшифровку входящего сигнала, определил частоту, направление, сендера. До прямого знакомства с настоящим центром проекта «Роза» осталось всего ничего.

— С-спасибо, — девушка сгребла наушник, тут же поставила на место. — Я-я...

— Пойдёмте домой. Я вас провожу.

— Н-не стоит. Здесь близко, я сама дойду.

— Вы уже дошли разок, — шеф поднял с асфальта стальной шарик, неодобрительно покачал головой, вернул Хантеру. — Уж лучше держитесь нашего специалиста, иначе в следующий раз не обойдётесь просто ушибленной ногой.

Здесь ей, конечно, крыть нечем. Говорящая голова. Настоящие каверзные вопросы предстоит задать совсем другому человеку.

А их хватало. Конечно, допрашивать действительного спасителя на пороге непосредственно спасения немножко контрпродуктивно, но... Вопросы были.

Что за «План ноль» лежал по соседству с расчётами «крэбла» на том же репозитории? Откуда исходники насквозь засекреченного пост-мортем у простого пользователя? Какого рода медицинская помощь устроила бы Гласа вместо затратного строительства бункера?

С бункером тоже хватало вопросов. В частности, эти символы. Может, чистая эстетика и ничего больше. Может, религиозное значение — а в этом мире никто не посягал на верования другого, ибо святое. Может... вообще что-то другое.

Нужно лишь подобрать правильные слова. Иначе сбежит, к конкурентам сбежит — вон, NORAD обещали не только лоббирование интересов и строительство, но ещё и финансовую помощь в решении любых вопросов. И если алчности Хантер не ценил, то тягу к деньгам вполне мог понять.

А америкосы и без того слишком часто спасали этот грешный шарик. Ерунда, конечно, что спасали от того, что сами и накосячили — сам факт! И если шеф или министр узнают, что Глас переметнулся из-за некомпетентного допроса агента Хантера... Не видать ему министерского кресла как собственных ушей.

Хм. Хм!

А это идея!

Он закашлялся, скрывая предвкушающую улыбку, упорно забирающуюся на уголки губ, повернулся к Лере:

— Пойдёмте, Валерия. Ваш мальчик, наверное, вас уже заждался. Я провожу.

— Хантер, на сегодня свободен, — донеслось в спину. — Абсолютные сутки в твоём распоряжении. Что бы ты ни задумал. Потом жду отчёт.

Что ни говори, а кресло шеф занимал по праву. Догадался о чём-то, паршивец.

— ... понимаем, что для мемов, как явления, наше время ничем не выделяется. Никакой эксклюзивности, и уж тем более, не стоит думать, будто её изобрели досужие пользователи глобальной сети, — деловито вещал динамик с грехом пополам отреставрированного магнитофона, — специалисты по криптоказуистике выделяют около двух сотен возможных ситуаций, требующих особого смыслового маркера. Это сродни языку жестов бонобо, не разделяющих смысловые единицы уровня слова или предложения. Есть некая капсулированная единица-образ, до появления глобальной сети её характеризовали пословицами, поговорками и приметам. Сейчас эти инструменты метаморфировали в единый — мем.

— Ри, не грузи человека. Подоплёку пусть досужие импотенты копают, нам нужна строго прикладная часть!

Знакомые голоса, давненько не слышались. С момента того «тutorials», похоже.

Желудок снова начало подводить, и он отправился к горке орехов в дальнем верхнем углу пещеры. Сюда, по идее, не должна доставать ни одна дрянь из числа щедро насылаемых внешним миром. Хотя насчёт радиации есть сомнения, но волков бояться — тапки не прятать.

Импровизированный счётчик Гейгера не выдал щелчков, первый проверочный укус не выявил недостатков — орехи ни слежаться, ни забродить, ни любым другим способом отравиться не успели. А, может, и не должны. Не зря же их так тенебелки жалуют.

Снова вспомнился зануда из цветочка, завывающий о будущем, прогрессе пополам с эволюцией и питании прямо чистой энергией.

«Ага-ага, — фыркнул он про себя, — и отказаться от сочного бифштекса? Иди сам от розетки питайся, дурилка абстинентная».

Он с относительным комфортом устроился меж сталагнатов, поглаживая сытый желудок. Костерок уютно потрескивал на сухом пяточке, куда в прошлый раз не добралась вода, через гулкий туннель доносился стрёкот тенебелок и порывивание световолков. Но думалось сейчас совсем не об этом...

Мы называли город просто Городом, но он именовался иначе как-то. Вроде ...бур какой-то. Кажется, так. Память держала название непереведённым, значит, город старый. Он хранил множество тайн, знал неисчислимо много историй, но делился ими редко, неохотно.

... о солдатике, выживающем на гражданке...

... об одиночестве и поиске собственного призвания...

... о совершенно логично появившемся психическом заболевании, выражающемся в язвительном комментаторе в голове...

А ещё там были окна. Люди их не видели почти, не воспринимали, но время от времени по запарке или недомыслию всё же шагали за голубой срез. Таких называли без вести пропавшими. Но...

Пальцы машинально схватили кусок коры, и нацарапали на нём полужнакомую завитушку: скрипичный ключ, совмещённый с латинской малой «аш».

— Мемо, — скрипнули ослабленные связки.

Ну, конечно. Если есть аеро, гидро, пиро и далее по заветам греков, отвечавших за взаимодействие с миром внешним, почему не должно существовать чего-то,

взаимодействовавшего и с миром внутренним?! В конце концов, оперировать чем-то внутри себя определённо дешевле по части энергозатрат.

Без понимания природы завитушек что-то предсказать тяжело. Что это — некая магия или технологии, превосходящие всё, известное человечеству? Или, быть может, никем ранее не подмеченный закон природы, неким досужим гением поставленный себе на службу? Но совершенно точно — помимо управления памятью должны быть символы, работающие и с другими когнитивными качествами!

«Цветочек» на руке сломался, треугольники поползли, складываясь в стилизованный кулак с оттопыренным большим пальцем. Значит, правильно.

— О-у-кей, — протянул он, разглядывая росчерк на коре, не решаясь прикоснуться, — много энергии на пиро вызвали взрыв, а для воспламенения понадобились совсем крохи сил. Этому же, как я полагаю, сил не нужно вовсе, так? И-эх, инструкцию быть хоть какую!

Заколдованный круг, блин. Умом он прекрасно понимал, что раньше знал куда больше и о юнан, и об их породе. Да даже, наверное, технику безопасности и правила применения знал! Знал, да забыл. И мемо, как следует из названия, вполне способна вернуть память или её часть, на место.

Но... Опасно! Все предыдущие завитушки в той или иной мере касались термодинамики и высвобождения либо перенаправления энергии. Та же пиро попросту собирала энергию с распределённой площади и фокусировала в точке. Гидро, надо полагать, творила грязь с поверхностным натяжением, из-за чего влага из воздуха конденсировалась куда охотнее.

Мемо — память. Но какое её качество? Проводя параллели, высвобождение или перенаправление — что с памятью может сделать мемо? Вернёт полностью? Или вытрет как грязную классную доску, оставляя беспомысливого овоща, в духе...

«Я же таким и проснулся! — Резко толкнулось в груди, и он аккуратно, как гранату со взведённой чекой, положил кусок коры на пол. — Если я-предыдущий так доэкспериментировался...»

Нет. Слишком велик риск. Слишком высоки ставки. Неизвестно, кем он был раньше, но личность, сложившаяся за время непрерывной памяти, чувствовала себя достаточно настоящей, чтобы категорически не желать уничтожения.

— Когда буду знать больше, — кивнул он себе и отложил «записку» к вороху таких же, с символами, выведенными машинально, но так и не распознанными. Что-то, возможно, было бредом, недостойным даже названия, что-то — вполне работало. Голова хоть и пустая, а пальцы — помнят.

Ладно, что там с окнами? Или провалами. Или порталами — если быть совсем восторженным идиотом. Он видел их со школы, кажется.

— Смешно, — каркнул он, чтобы хоть чуть разогнать тишину пещеры, — школу и окна я помню, оказывается. А где всё остальное?

Остального было меньше. Ощутимо так. Фактически, настолько, что доступная память казалась навязанным образом, внедрённой в голову легендой, призванной заткнуть дыры и ответить на наиболее насущные вопросы.

Но портал под лестнице он помнил. Окошко висело в воздухе на уровне груди школьника, демонстрировало ровно такой же потылок лестничного пролёта, что и скрывало. Но тренированный взгляд вычленил разность. По ту сторону всё было чуточку иначе. Бетон не серый, а голубоватый, пыль чуть светлее, расстояние меж ступеньками другое.

Если заглядывать в окошко под достаточно острым углом, можно разглядеть больше — линолеумная плитка вместо паркета, стены зелёные, а не охра...

Должно быть, размер окошка и берёг людей — как ни крути, жертва должна влезть в окно целиком, чтобы оказаться на той стороне. А в примерно восемьдесят сантиметров влезть мог разве что скукожившийся семиклашка.

Другое такое окошко висело в двух метрах над мостовой аккуратно напротив библиотеки, мимо которой он ходил ежедневно.

Ещё одно — на стройке.

Дома — как нарочно — точно рядом с краем крыши. Сделай шаг — и до земли никто не полетит.

В подворотнях, в парках, на улицах и аллеях — окошек хватало. Реальность этого самого Бурга напоминала этакую фантазмагорическую аллюзию на кусок сыра.

Откуда и как появлялись окошки, неизвестно. Но они не нагтели, и не раскрывались непосредственно на мостовой или проезжей части. Иначе, наверное, их бы быстро заметили и уже не смогли игнорировать, ласково приговаривая про малолетних фантазёров. Но, надо думать, какое-то объяснение помимо «просто так» тоже есть.

В результате убыток населения в провалах окошек не превышал статической погрешности, большая часть мелких окон так никого через себя и не пропустила в силу разности габаритов, а совсем большие располагались в тайных, хорошо спрятанных местах.

Одно, совсем крохотное, располагалось в кабинете ОБЖ, чуть-чуть левее пандуса для мела. Если промахнуться, то легко можно лишиться либо тряпки, либо совсем свежего мелового бруска. Преподаватель ещё сердился, кричал на них, считая, что школьники по какой-то причине издеваются...

А он, видя непосредственного виновника ситуации, молчал. И молчал лет, наверное, с пяти, когда в первый и единственный раз поделился с кем-то наблюдениями. Девочку звали, кажется, Римма, и она с первого дня их знакомства дала понять, что власть во дворе — она. Сначала отлупила внука местного генерала Трибы — за то, что тот, по её мнению, спрятал игрушки. Потом старшего брата этого самого внука, истошно голося, чтобы ей возвернули потерю. Попытки объяснить, что и деревянные кинжалы, и игрушечная плечевая кисть попросту закатились в небольшое окошко рядом с песочницей... Таких слов он до сих пор не слышал, но запомнил — и вечером с ним провели такую беседу, что неделю сидеть не мог.

Мысль засунуть в окошко руку и достать потерю ему пришла в голову гораздо позже. Когда уже сложилась стойкая ассоциация: окошки — это плохо. Другие их не видят, но если говорить, может попасть. Так что... Да, надо притворяться. Приспосабливаться.

Ненавидеть окошки, в которых то и дело пропадают вещи, люди и домашние животные. Терпеть, учиться. Радовать родителей хорошими отметками, знаниями. Навыками. На девятый день рождения ему торжественно преподнесли полуметровый пенал с плечевой кистью и толстый рулон спецбумаги. И первым же символом, выведенным густой тушью был...

Память сжалась пружиной и швырнула его на пятнадцать лет вперёд, не давая подсмотреть ненужное.

Окошек всё больше, и это уже не смешно. Провалы подчас распаиваются чуть ли не под носом — прямо на глазах реальность чуть теснится, и в лицо веет запахами чужой реальности. Но ему всё равно. Неразрешённый кризис самоидентичности наградил лишь кучей комплексов да замкнутостью. Спасибо школе, спасибо Римме, спасибо тем девушкам,

что называли посредственностью.

Один из. Средний рост, серый взгляд. Ничего особенного. Ничем не выделяющийся. Такой же как все. Это сводило с ума и заботило гораздо сильнее, чем новое окно, в этот раз нагло распахнувшееся прямо перед ним. На автомате обогнув провал, он двинулся дальше, размышляя о собственной никчемности — и споткнулся. Кашляющий лай заградительной системы вдруг захлебнулся и смолк, послышался страшный, вынимающий душу вой, и запад побелел, наливаясь нестерпимым свечением.

Она самая, пятьдесят мегатонн, поражающих факторов столько, что... Спасибо урокам безопасности жизнедеятельности. Мысли заметались в бесплодных поисках спасения, а ноги точно так же, как и до этого развернулись и одним толчком отправили его в провал...

— Вот значит как, — пробормотал он, стирая с ладони мемо.

Воспоминание яркое, сильное. И цельное. Слишком цельное, чёрт. Будто на него кто-то наложил Уро, и я до конца не уверен, бред это или вполне допустимая практика консервации воспоминаний. Может, это как тот сон с братом? Образ из книги или подсмотренного кинофильма? Не вяжется что-то в складывающейся хронологии, а спросить не у кого. Окошек в ближайших окрестностях найти не удалось, значит, сбежать не получится.

Но место восстановления, этакий игровой респавн, гроб, дверь... Как ни крути, а точно сказать не получится — ни сколько времени прошло, ни чем оно было забито. Факт: после той эвакуации прошёл не день и, надо думать, не одно окошко. Потому что в мире, где он доживал последний курс мастера юнан, не пахло ни даркнетом, ни, тем паче, Семипалатинском.

Паноптикум какой-то.

Пик, пик, пи-и-и-ик!

— Здравствуйте.

Анжелика умолкла, таращась пустыми зрачками-стекляшками в кадр. Сегодня, видимо, её кто-то призвал к порядку — наорал даже, наверное. Во всяком случае, розовый пуловер сменился скучным клетчатым пиджаком, а из всей косметики лишь губы тронуты неяркой помадой

— Не молчи! — Зашипели из-за кадра.

Что-то с ней происходит. Неприятное, наверное, раз она всеми силами то демонстрирует протест, то выходит в эфир, накачавшись успокоительным до полной индифферентности. И нет, не алкоголем.

— М-да. — Ведущая наклонила голову, потрянула рыжими мелкими кудряшками, вдохнула...

— В эфире программа «Время», с вами Анжелика Свифт и главные события дня!

Заиграл промежуточный секундный джангл, но голос из-за кадра почему-то услышали и зрители.

— Соберись, тряпка!

Ведущая недовольно поджала губы, собираясь спорить, но бонусная секунда уж истекла — пришлось работать.

Встряхнувшись, журналистка профессионально затараторила:

— Антинаучно или от лукавого? Зачем в спецзаказ для Бункера включен высокотехнологичный гроб. Мнения экспертов и духовенства разделились.

— Мама, я дома. Министр чрезвычайных ситуаций сделал официальное заявление: после завершения строительства «Колыбели» он, как и его предшественник, собирается уйти служить в знаменитый храм Матери.

— Что такое АСММ и как они спасут человечество. Ледокол «Панарин» с атомной станцией малой мощности больше суток снабжает энергией Мурманск. Напоминаем, что из-за теракта город оказался отрезан от линий электроснабжения и телекоммуникаций.

— Бэкдор по тендеру. Специалисты отдела «К» обнаружили ряд уязвимостей в компьютерах отечественного производства, поставляемых госорганам и оборонным предприятиям.

— Служить и защищать! Выпускники четвёртого поколения сегодня дают присягу.

Перебивки сменились панорамой студии. Анжелика с покрасневшими глазами резко шмыгнула носом и отклеилась от комма. Отодвинула его дрожащей рукой по стеклянной столешнице.

— Главная новость дня: в Радиосити-2 совершено покушение на Розу, известную также как «Спасительница».

Оставьте ваши комментарий:

Васисуалий : *что там за движ с этим Бункером? Постоянно упоминают — бункер то, бункер сё. А по существу ни слова.*

> **Shutiha Gitara** : *так Солнце рванёт, не слышал, что ли? Правительство собирается переждать взрыв под землёй.*

>> **Васисуалий** : *в смысле переждать? А мы? Или на нас пофигу?*

> > > **Thou shalt** : Да не слушай ты этого балбеса. Бункер затребовала та самая «Спасительница», в которую сегодня стреляли. Правительство его строит в обмен на её услуги.

> > > > **BiVal** : Не стреляли. Не успели.

> > > > **Boogho Sapiens** : бред какой-то. Она же спасительница. Если она не успеет закончить работу в срок, нам всем каюк!

> > > > > **Pneumi Volba** : мало ли что там в бошках у психов. Как бы ты ни был полезен обществу, всегда найдётся удод, решивший, что ты полезнее мёртвым, чем живым.

Секта свидетелей сыра : ахахаха! Идиоты-закупщики! Я им тыщу раз говорил — ну нет в Федерации своего железа! Не-ту! Всё, что якобы производится на территории — это сборка из вражеских комплектующих! Нашего тут только камни да твердотельники — и те по чужим технологиям на чужих конвейерах.

... Развернуть обсуждение (7320 комментариев)...

«Чёртова машина угнетения», — зло бормотала Лера, торопясь домой. И, вроде, рановато для материнских инстинктов, но дома ребёнок один целый день. И в прошлый раз его скука обернулась огромными неприятностями, хотя прошло всего ничего. Что этот талант способен учинить за целый день безделья — страшно подумать!

Но, вроде, обошлось же? И даже дом стоит на месте, и ничего не взорвалось! Не взорвалось же? Вздохнув, она сверилась с коммом и затопала на свой родной четвёртый этаж. До плановой продувки ещё целых восемь минут, время есть. И тут же комм снова завибрировал. Глянув на экранчик, она с трудом сдержала истерический смех. Пятнадцать! Скоты, пятнадцать пунктов рейтинга за «сотрудничество с органами госбезопасности»! Рейтинг, конечно, считается по прогрессивной формуле, и чем он выше, тем тяжелее набирается, но пятнадцать пунктов! На её уровне это пяток отловленных хулиганов. Или те же пятнадцать жалоб на бездельников-коммунальщиков. И всё за одну беседу!

«Пойти к тому дедугану в контору, что ли? — она задумчиво попинала ящик с напшлёпкой рейтинга-60, — оперативно работают, шельма.»

Загремела ключами.

— Динь, ау?

— Всё в порядке! — напряжённо донеслось из глубины квартиры. — Я не безобразил!

— Умничка. Иди помоги.

— Но у меня урок...

— Денис Бусловских! — с каким-то странным удовольствием рявкнула девушка, — немедленно поставь на паузу и помоги матери!

— Ой.

Из комнаты тут же показалась взъерошенная голова, вопросительно блеснула глазёнками.

— На кухню, — велела она, сбрасывая тяжёлый плащ.

— Сей момент! — малец крикнул, принимая тяжёлую рейтинговую посылку, но тут же умчался по коридору прочь.

— Умница.

Лера, словно продолжая игру в строгую мать, сохранила на лице постную мину всё время, пока качала педалью дезактивирующую смесь, отмывала обувь и щитки, потом мыла руки под уже нормальной водой. И лишь после этого позволила себе улыбнуться и, обернувшись ко всё это время наблюдающему малышу, похлопала того по маковке.

— Ну, как дела? Чем день занимался?

— Э... Ну...

— Что?

— Ничего, — он отвёл глаза. — А что это за коробка?

— Посылка в честь взятого пятого десятка. Снова.

— И что, так каждый десяток?

— Угу. — Переодевшись в лёгкое домашнее, Лера направилась на кухню, прикидывая, где у неё фамильная фомка лежала. — Если опять слетишь и опять наберёшь — снова пришлют.

— Но... Разве это не нечестно?

— Было бы ради чего напрягаться, — фомка нашлась, верхняя доска с треском отошла, и Лера достала из ящика две глухие пластиковые бутылки с дезом, четыре запаянных вакуумных пайка, пачку батареек и скидочный купон на доставку готовой еды.

— Но можно же так и прыгать вокруг какой-нибудь цифры, и...

— Можно. Но лучше рейтинг хранить и копить. Вспомни, сколько ехали чинить кондей — поломанный тобой, между прочим.

— Я же уже извинился! — набычился малец, — я же не знал, что... эй!

— Хватит кукситься. — Лера отняла кулак от макушки Дини. — Ты извинился, я не злюсь, все дела. Но, скажем, если ты его сломаешь сейчас, то приедут уже через пару часов. Понимаешь?

— За порчу же спишут.

— Спишут. Но ты мне зубы не заговаривай. Что там у тебя произошло?

Он отвел взгляд.

— Говори давай.

— Да ничего! Просто...

— Что?

— Да глупые они там! — вдруг закричал Диня. — Учат всякой фигне, ещё и объясняют как умственно отсталым! Я же с первого раза всё понял и выучил, зачем мне по десятому разу...

— Стоп. Ты в телешколе сидел?

— Ну... Да. Ты же сказала делом заняться. — рассудительно заметил мальчик. — А дети учиться должны.

Не ожидая ничего хорошего, она полезла в админку телешколы, нашла там учётку своего подопечного и уставилась на отметки. Ну, что. Читать-писать умеет, в уме считает... быстро.

— Динь, а Динь? — невзначай поинтересовалась она.

— Да?

— А ты случаем не использовал во время обучения... чего-нибудь? — она в последний момент сообразила подобрать эвфемизм.

— Ты имеешь в виду мои... — она сделала страшные глаза и набрала на комме текст. Сунула под нос мальчику, — а, нет! Я же понимаю!

Он понимает, угу. Поэтому считает в уме в среднем вчетверо быстрее сверстников. Совсем не подозрительно, правда?

Лера задумалась, как бы сделать внушение, но при этом не попасться на недомолвках. Родную берлогу она, конечно, уже проверила — жучков, вроде, нет, камер тоже — но Лисовский уже объяснил популярно, что следить за гражданами можно и вовсе без использования спецсредств. Например, камерами дорожной службы с высоким разрешением! И нет, в басни о способностях силовиков читать по губам она не верила... не верила же?

«Да тут и не знаешь уже, чем верить, — ожесточенно прикусила губу она, — скотина Глас со своими технологиями пост-мортем! Раз сумел разговорить труп, то мало ли... может, уже и не такое умеет!»

Значит, по губам отпадает. Набирать на экране? Спасибо, нет. Всё те же камеры, и неизвестно ещё, что от чего может отразиться. В общем...

— Не выделяйся, — отчетливо произнесла она, тарашась мальчику в глаза. — нам это не нужно. Понял?

— Но там ску-у-учно! — недовольно пробормотал Диня. — А я всегда считал в уме быстро! Умножение индийской решёткой, степени и корни «лесенкой». Это же легко!

— Покажи, — велела она.

Сбросила задание со «звёздочкой» на планшет и в упор уставилась на приёмыша, готова в любой момент стукнуть ему по маковке, стоит лишь «поплыть» силуэту.

Прошли десять секунд. Пятнадцать. Ничего.

Двадцать.

— Всё! — Диня протянул планшет с решённой задачей. — Проверь.

— Да что тут... И как ты это решаешь?

— Ну, я же сказал, — терпеливо, как непонятливому ребёнку пояснил малец, — разбиваем задачу на набор алгоритмов. Сложение в уме даже обезьяна осилит, а умножение и степени я математическими приёмами решаю.

— Хм.

Она дала ещё одну задачу. Посложнее.

В этот раз Диня даже планшета не касался. Наоборот, отложив девайс в сторонку, он прикрыл глаза и, шевеля в воздухе пальцами, что-то заговорил одними губами.

Спустя минуту вписал готовый ответ.

— Хм, — Лера поджала губы и, не найдя ничего криминального, выдала беспроегрешный вариант, — будешь финики?

— Буду! — с Дениса тут же слетел флёр малолетнего гения.

— Жуй тогда. А я пока с администрацией пообщаюсь.

Оставив мальчика на кухне, она прошла в комнату, с ногами залезла на кресло и открыла почту. Заголовок «безобразное поведение на уроке», отправитель — телешкола.

— Принять меры, говорите? — промурлыкала она, ещё раз по диагонали пробегая взглядом полный возмущений текст записки родителю. — Я сейчас приму меры.

Набрав «тупые дебилы!», она остановилась, пытаясь придумать, что бы написать ещё. Снова застучала ноготками по стеклу комма.

— Йо, — она вздрогнула, когда из наушника послышался полузабытый голос.

— Фиг ли надо?

— У тебя обращение некорректное. Невежливое.

— Это я им ещё сдерживаюсь.

— Ну так и пиши тогда сдержанно. «Глубокоуважаемые ущербы», например. Или «мои недалёкие друзья».

— Гр-р-р. — Она стёрла первую строчку. — Тебе что надо-то?

— Бункер до ума доводят, радуюсь. Хочешь поглазеть?

— Не особо. — Призналась она. — В новостях про него такие жуткие слухи ходят, что у тебя там чуть ли не магия какая-то. От одного взгляда на стены с ума сойти можно.

— Как интере-е-есно. — Мурлыкнул Глас. — Что ещё?

— Ничего. Мне вообще нет дела до твоих увлечений. Повторюсь: чего хотел?

— Я узнал немного про нашего совместного знакомого.

— Кого?

— Розу, разумеется! Кого же ещё!

— Пардон?

Лера даже растерялась. «Роза» — это её псевдоним в мирке «Экзюпери» плюс совместное прозвище в деле спасения планеты.

— Видишь ли, Роза не знает, как уследить за тенью.

— Ты бредишь?

— Она смотрит на контуры, — продолжил гнуть своё Глас, — а надо на консистентность!

— Э... — Она вскочила из кресла и понеслась на кухню и с удовольствием вlepила затрещину ставшему са-а-амую чуточку прозрачным мальцу. — Ты жулик, зараза! Отдавай сласти!

— Я н-н-н...

— Ага. Новое поколение, да?

— Точно, — хихикнул Глас, — формула. Насаждение «спящих» агентов, сама понимаешь.

— Ты сжульничал! — Объявила она. — Сказал, что честно всё решил, когда сам... сам... ты понял!

— Неправда! — в глазах мальчика блеснули слёзы. — Я сам решал! Если бы...

— Ладно. Корень квадратный из семисот тридцати.

— Ам-м-м... двадцать семь с хвостиком.

— За руку взял и держишься. Если увижу, что...

Диня послушно взял её за руку, поглядывая с ощутимой враждебностью.

— Триста двенадцать на шестьдесят пять.

— Двадцать... эээ... Ноль на конце. Двадцать тысяч двести восемьдесят.

— Скорость падения тела с восьмидесяти метров у самой земли.

— Же-тэ-квадрат пополам... Тридцать девять, почти сорок метров в секунду.

— Ладно. — Она вернула ему пастилку. — Но чтобы дома больше не смел... ты понял.

— Да я просто...

— Что «просто»?

— Болтал.

— С кем?

— Это... ну... Я не знаю, как тебе объяснить. Окошко, понимаешь?

— Вроде твоего?

— Да! Только оно маленькое, и можно через него переговариваться.

— А со мной почему не поговоришь?

Он надулся. Отвернулся даже.

— Диня?

— Ты злая. — засопел он. — Занятая постоянно, а теперь и дерёшься.

— Дай ему наушник, а? — вдруг попросил Глас. — Я объясню ему популярно.

— Не нужно. — Лера качнула головой и села рядом с мальчиком на корточки. —

Послушай...

Она подмедлила, судорожно подбирая слова.

— То, что... ты можешь. И умеешь. Это не плохо, понимаешь? Но если...

— Да я понимаю, — невесело хмыкнул он. — По коду обратно к месту приписки. Ты не думай, я знаю. Слишком уж характерно это выглядит. Но я узнавал! Окошки открывать никто не может! Это моя способность!

— ... которая, возможно, однажды может спасти жизнь.

Лера согласно кивнула.

— Способность твоя необычная, да. Но давай договоримся, ладно? Если захочешь снова

открыть это своё «окошко» — спроси меня сначала. Или хотя бы найди место, которое не просматривается через окно!

— Но там же пустырь! Кто увидит?

— Увидят! — Смотри сам. — Покопавшись в памяти мирки, она выудила одну из записей Лисовского — арест очередного «вольного художника», снятый с высоким качеством в 60 fps.

— И что?

— Знаешь это аггло?

— Центр, — посомневавшись, ответил Диня.

— А знаешь, откуда снимали?

— Откуда?

— Из Путиловки.

— Ой. — Диня прижал ладошку ко рту и покраснел.

— Вот тебе и «ой». Окна у нас выходят не только на пустырь, но и на центр в том числе.

Имей в виду, ладно?

Погладив мальчика по голове и оставив его наедине с планшетом и сладостями, Лера вернулась в комнату. Открыла почтовый клиент с недописанным письмом.

Завершила:

«... и не позволю вам сделать из талантливого мальчика очередной неразумный овощ! С уважением, опекун Дениса, Бусловских Валерия.»

Отправила — и завела самопальный мессенджер их шайки. Поминки, даже сетевые, никто не отменял.

Киберкрайм занимается преступлениями в киберпространстве. И нечего ему делать в мире реальном — такова была позиция и Ка, и министра, в своё время выделившего подразделение в автономию из единого аппарата госбезопасности. Неплохая идея, на самом деле — люди разные все, и кому-то ну никак не даётся физическая подготовка, зато в информационном поле он царь и бог. Дай такому хорошую машину, толстый канал связи и гарантирую безопасность от встречных атак — и останется только засылать оперативников на вычисленные адреса.

Так что идеальный отдел «К» должен состоять сплошь из сутулых ботанов с отсутствующей мускулатурой, но крайне шустрыми мозгами и ещё более шустрыми пальцами. По идее. По факту же всё немного не так. И ботаны в подавляющем большинстве сидят по ту сторону баррикад, а меж офисных перегородок сидят подтянутые молодые люди, не брезгующие спортзалом и правильным питанием... И Хант, разумеется. Человека, менее уместного здесь, и представить сложно.

Но ладно население. Люди разные, всё правильно. Функционал! «К» — белые хакеры, специалисты по информационной безопасности, живые калькуляторы. Их полномочия начинаются и заканчиваются экраном и клавиатурой. Так в уставе департамента написано! Не силовики и точка на этом.

«Как мы пришли к такому? — вяло спросил себя Хантер, отодвигая клавиатуру и прикладываясь к чашке с ГМО-бульоном. — Меня же сманивали сюда, обещая неспешную работу для пенсионера...»

Текучка завершена, скучная, унылая. Идеальная маскировка реального положения дел. Экс-чистовик, живущий вчетверо быстрее нормального человека, разбирает корреспонденцию и обращения социально активных граждан. Единственный, кто способен управиться в срок — и согласно славянскому головотяпному менталитету — обязанный заниматься этим. Ибо, кто, если не...

Вежливые плечистые мальчики в костюмах-тройках и стильных очках. Симпатичные фигуристые девочки в юбках-карандашах, неуловимо пахнущие клубникой с бананом. Молодой начальник в «аквариуме», концентрированные бульоны по спецзаказу для единственного деда — ибо с его обменом веществ человеческой пищи ему определённно недостаточно. Стрёкот клавиш, негромкий гул кондиционеров, мурлыканье импортного «Партизана» с избранными произведениями из сокровищницы мировой классической музыки.

А с другой стороны — бронированные стены, двери со звукоизоляцией, глухие комнатухи-допросные, оружейная стойка с девятимиллиметровыми и еле заметные окружности систем скрытых потолочных турелей. Но это ладно, паранойя в государстве присутствует всегда. Логично даже в какой-то мере.

Но — промывка мозгов с помощью световых вспышек и ASMR-звука «вольным художникам» с целью выяснения контактов и поставщиков контрабандных трафаретов для QR. А в отдельной комнатухе и вовсе допрашивают труп, и это отдаёт таким бредом, что...

Одно время он не понимал, зачем клавиатура дублируется и на экране в том числе. Потом не мог понять логику «предложенок» — контекстуально всплывающих слов-подсказок. Но эта приبلуда тоже принадлежала тысячеликому Гласу, а его программные

наработки будто явились из сумрачного грядущего, где цена времени ещё выше, чем сейчас. Так что со временем подсказки становились всё внятнее, ядро нейросети обучалось, анализируя поступающие данные в закрытой локальной сети, и в какой-то момент сработал количественно-качественный переход. Теперь отчёты даже не приходилось набирать вручную — долби по пробелу, одобряя «предложенки», либо вовсе затребуй у НС шаблон по допросу, задержанию или переводу задержанного в лапы ФСИН. Таким образом, отчёт с Кипе Джулае и его глубокоуважаемом дяде не занял много времени. Расширенная копия под штамп «совершенно секретно» и отцензуренный бред для служебного пользования, сохранить, прикрепить штрих-код, отправить. Нейросеть не перепутает, и горемычного американца не будут судить за связь с террористами — только за хранение и изготовление порно с несовершеннолетними. Сделка есть сделка.

— Хотя несовершеннолетняя там... — Хантер откинулся на кресле, наблюдая за процентами верификации и отправки отчёта. — Моё почтение.

Он возмужал в окружении людей гибких, подвижных, напоминающих мангустов скорее, чем шкафоподобных спецназовцев. Скорость мышления, скорость движения, скорость исцеления. И это, разумеется, предъявляло требования к фигурам. Как в балете — никаких выдающихся форм, никакой переразвитой мускулатуры. Фигура, походящая на хлыст — что у юношей, что у девушек. И фото неглиже шестнадцатилетней девицы с четвёртым размером, вызвало одну понятную реакцию — зачем? Она что со всем этим богатством собирается делать?

— Не моё дело. — Отчёты зарегистрированы, запрос коллегам отправлен. Пора домой, значит.

Мониторы гасли один за другим — терминал с логами вычисления Гласа, «ледяной барьер», лив-фид из квартиры Бусловских. Последним светящимся остался дежурный — официальный бело-синий. Слишком уж часто он становился целью атак доморощенных хакеров, а потому мелочь в очередь на задержание не переводилась.

Вот и сейчас. Походя вернул обратно официальный логотип вместо «Министерства Чистоты», скинул в сеть дампы с историей доступа, прибил...

— Стоп.

В корне сервера опять появилась папка SD. Значит, террористы опять дают о себе знать.

— Что на этот раз? — Хантер закрутил колёсиком, перелистывая очередной слив. — Асмм, чертежи бункера, попытки вычислить Гласа... Ничего нового, в общем.

Вздыхнув, он грохнул папку целиком и, поднявшись, аккуратно поставил кресло на место. Рабочий день завершён. Стало быть, впереди ещё четыре относительных выходных, и на них уже предъявили требования.

— Чёрт бы их побрал.

Выйдя на лестничную клетку, Хантер поколебался. Честно признаться, тащиться через весь город домой было откровенно лениво, а через два лестничных пролёта ожидала мембрана в квартиру, куда имел доступ лишь он. Там не надо убирать, всё доставляют, все удобства под боком.

Минус один — случись вдруг что — и с места сдёрнут мгновенно, как наиболее близкорасположенного.

— Н-нет, пожалуй.

Он загрохотал ботинками, усилием воли держа себя в нормальном времени.

— Домой.

Мысль о том, что в случае чего его в любом случае сдёрнут с места — из служебной ли квартиры, или из родного дома, а там и вовсе через весь город нестись придётся — догнала его уже на улице.

— По барабану. — Хантер покосился на низкое свинцовое небо, закурил.

И, подняв повыше воротник плаща, зашагал в ночь, чувствуя себя не то героем нуарного детектива, не то идиотом ряженым.

Торговец снами. Так называли производителей и распространителей особой наркотической смеси, активно ходящей среди первых двух волн «чистовиков». Кто и как делал это — найти не удалось. Но Хантер всерьёз полагал, что научное крыло определённо приложило руку. Во всяком случае, физиологические данные изменённых у производителей точно были. Руководство учёбки относилось неодобрительно к употреблению разных веществ, но в целом смотрело сквозь пальцы. Наркотики зло, спору нет, но благодаря их анализу и появились сначала батончики-НЗ для чистовиков, а чуть позже — и полноценная диета, удовлетворяющая потребности организма разогнанного. Лекарства, опять же.

В общем, всё, что так или иначе попадает внутрь, началось с торговцев снами. И эти ребята никуда не делись до сих пор. Самопальная продукция со штемпелем «х4» вполне себе доступна, если знать, у кого спрашивать и чем платить. До инцидента Снайдера их бы ловили особо тщательно, ибо что это за позор — студенты силового департамента приобретают и потребляют запрещёнку — но сейчас приоритеты государства поменялись. С их точки зрения, настоящее зло переместилось в сеть. А то, что у диких теперь пайки из синт-мяса и эрзац-кофе, препараты типа «Б-290» — ну, зато статистика срывов и истерик в целом по палате почти нулевая!

Хантер остановился самых ворот учёбки, подобрал белую безликую упаковку, обнюхал. И, скомкав пластик, спрятал в карман.

Упаковка размером с небольшую шоколадку на четыре дольки. Отвратительный запах полыни-мутанта, растущей только в радиационных пятнах. Доза «сна» из расчёта на пятьдесят кило веса. Слишком большая для пятой волны, слишком незначительная для чистовика постарше.

Наклонившись, присмотрелся. Пятачок земли у ворот зацементирован во избежание, но пытливому глазу даже цемент может рассказать очень многое. Например, обувь тридцать четвёртого размера с явно пропечатанным носком. Кто-то взрослый, женщина или девушка, стояла здесь, под камерами и жевала полынную жвачку.

На вертикальных железных штырях нашёл и крохотный клочок серой ткани.

— Вот так, значит, да? — хмыкнул он, обнюхивая упаковку ещё раз.

Помимо горечи полыни нос уловил и запах танжерина. Вернее, вытяжки из очередного мутанта на основе благородного гибрида. Подсластитель, если угодно. А дикие никогда не добавляли подстаститель в экспортные «шоколадки», стало быть...

Он достал комм:

— Хантер. Код жёлтый, повторяю: код жёлтый. Рядом с учёбкой обнаружены следы диких. Нет, я не знаю, как они здесь оказались, и кого вздрючить за дырявые кордоны. Добро, ставьте наружку.

Всё время рапорта, он задумчиво разглядывал странный значок, выведенный мелом на кирпичной опоре ворот. Нечто вроде символа бесконечности, только почему-то с чешуёй и двумя парами глаз. Словно змея-мутант, зачем-то жующая собственный хвост.

Спрятав в карман комм, он протянул палец и осторожно коснулся значка. Отдёрнул руку, получив ощутимый укол электричеством.

— Где-то я уже видел этот знак, м-да.

И, толкнув ворота, зашагал по дорожке в отдельно стоящему зданию-инкубатору пятого поколения чистовиков.

Здесь была женщина из диких. Как она оказалась в аггло, еще предстояло выяснить. И, желательно, задержать. Потому как у Хантера к неизвестной визитёрше возникло ну очень много вопросов — и по поводу «сна», и по поводу способа проникновения. И, разумеется, по поводу этой змейки-бесконечности.

Споткнувшись на полушаге, он опять достал комм и, помахав настороженно шевельнувшимся в его сторону турелям-камерам, набрал ещё один номер.

— Хант на связи, да. Слушай, не в службу, а в дружбу — пробей нашу мать-одиночку, ладно? Меня очень интересует — не теряла ли она на днях ID-карточку где-нибудь в диких землях? Ага, спасибо. За мной должок.

Взрослыми изменёнными была лишь первая волна да часть второй. Далее набор вёлся уж из детишек-сирот с промытыми пропагандой мозгами. А, как ни крути, современность щедро этих сирот генерировала. Факт, что среди отпрысков героически погибших на службе или «в поле» тружеников Радиосити-2 оказался и кто-то значимый для диких... не удивлял. Происхождение сироты не имело значения до тех пор, пока он мог пережить «прививку». А была его мать дикой изначально или дезертировала из агломерации... да кому какая разница? Патрульные осмотрели, признали годным, направили куда следует. Добро пожаловать на службу.

Вздохнув, он толкнул дверь, поручкался с бездельником-игроманом на КПП, поднялся на четвёртый этаж. Приоткрыв дверь с лестницы, напряжённо позвал:

— Хоук?

Тишина ответом.

— Хоук, вы здесь?

Ни слова.

— Кхм... Марья Антоновна?

Та же реакция.

— Ф-фух. — Он выдохнул и отпустил тормоза, вернувшись в родную скорость.

Рванул по коридору, стараясь издавать как можно меньше шума.

«Как будто мне снова девятнадцать, и я бегаю от Ка», — непроизвольно хихикнул.

И тут же скорчив казённую постную физиономию, повернул ручку двери.

— Класс, встать. — Тут же послышался звонкий голосок дневального, видимо, по случаю дежурства, находящегося в той же скорости. — Гость!

— Садитесь. — Хантер прошёл к учительскому столу, опёрся на него, скрестив руки на груди. — Колмер, к доске.

Девочка с каре послушно поднялась.

— Расскажи мне, что знаешь о Дине. — Он внимательно обвёл взглядом притихшую аудиторию. Пустил пробный шар, — и диких.

«Попался! — Тот самый мальчонка, что в прошлый раз делал Колмер замечание. — Тебя-то мне, голубчик и надо».

Почти незаметная реакция. Почти. Только карие глаза на миг побелели, да зрачок расширился.

— Хотя погоди, — перебил он раскрывшую было рот Машутку. — Пускай нам о диких лучше расскажет твой друг. Ты, русский, как тебя?

— Субъект ноль пять три три шесть. Декстер.

— А старое имя?

— ...

— Смелее, — подбодрил его Хантер. — Все свои, нечего стесняться.

— Даня...

— Даня. Даниил или Данила?

— Даня, — отрезал кареглазый.

— Как Диня почти, да? К доске, Даня. Машутка, спасибо, отлично.

— Но я же ничего не сказала, — запротестовала девочка с каре.

— Ничего, ты умница. Спасибо. Антон, я жду.

— Ох, — кареглазый встал рядом с Хантером, вопросительно уставился снизу вверх. —

Что вам нужно?

— Сегодня, Антон, у нас новая тема. — Доверительным тоном поведал Хантер, — так что, будь любезен, расскажи нам о диких. О женщинах с запахом полыни и мандаринов. И, конечно, о роли серых бинтов.

Даня вздрогнул и с нескрываемой ненавистью уставился Хантеру в глаза.

— Мать? Сестра?

— Не ваше дело, — отчеканил мальчик.

— Как знать, Даня, как знать...

Комм кольнул бедро резким сигналом вибрации — пришло текстовое сообщение. Следовательно, подозрения касаяемо Бусловских подтвердились.

— Мне действительно нет дела до сталкерни, лазающей по агломерации, это компетенция рядовой полиции. Но если окажется, что твоя гостья причастна к исчезновению Дини, будь уверен — я её найду. Я уже знаю приметы, и стоит лишь мне дойти до дорожной службы — буду знать и как она выглядит. — Хантер навис над мальцом, приветливо улыбаясь. — Как считаешь, долго она по диким землям от чистовика пробегает?

— Света не при чём! — сломался Даня. — Она просто пришла меня навестить!

— Умничка, — похвалил Хантер. — Продолжай.

И Даня продолжил.

Неизвестный

Я живой — прямо сейчас? Или был жив тогда, до встречи с разорвавшими меня тварями? Или, быть может, буду позже?

В том мире, что до сих пор никак не отпустит память, существовала страна, подарившая всему миру искусство глупых мультиков, ещё более глупой музыки и откровенно дурацких изречений. Как бишь там было?.. Однажды во сне я, неизвестный, лицезрел себя собакой — радостно гавкающей за убегающими по шоссе шинами, и вовсе не считающая себя неизвестным. А потом я проснулся и понял, что я — это я, неизвестный. И теперь никак понять не могу, то ли я неизвестный, которому приснилось, что он гавкает за шинами, то ли это собаке что-то привиделось, и непонятно теперь — а вдруг это в самом деле сон собаки?

Ладно, кроме шуток. Я видел собственный полуобглоданный труп у самой границы гигантской пирро, не позволяющей пещере выстывать до нуля по ночам. Значит, тот я был по-настоящему, я лишь унаследовал его горький опыт и ненависть к пёстрым пятнам. И вспоминая о парадоксе корабля Тезея, я, наверное, уже и ненастоящий. Запасная флеш-карта для данных, ненастоящий чело...

«Цветочек» на запястье шевельнулся, на миг налился чернотой, и знакомый уже голос в памяти произнёс:

— Эпистрофи. Эпитахинси.

Я больше не рисковал писать прямо на камне. И мой импровизированный «счётчик Гейгера», и пирро явно научили беречься от любых материалов, способных в случае взрыва сильно навредить. И пусть фульгуритовая трубка до сих пор лежит неподалёку, готовая к новой зарядке газом, пусть ничего с моим писчим камнем не случилось — я больше не рискую.

Тем более, радиационное заражение я способен уловить собственными органами чувств. Писать же вполне можно на кусках древесины, чешуйках коры...

На верхней чешуйке два стилизованных треугольника смотрели влево, объединённые плавными обводами гидро. На нижней — её родная сестра, смотрящая вправо, объединённая аэро. Плавные обводы, резкие углы — соблюдая законы природы, мы, тем не менее, планируем некое насилие. Может быть, милосердная память, может быть, настройки местного репликационного центра — но я почти не помнил подробностей собственной гибели, а незаписанные юнан, если я их и выводил, из памяти выцвели почти полностью. Это некий механизм самозащиты, спасающий от возможных стрессовых расстройств, болевого шока и посмертного безумия. Логика простая — та жизнь закончилась, и тебе по хорошему лучше вовсе о ней не помнить.

Так-то оно, конечно, так. Но не имея ни клыков, ни когтей, ни хотя бы штанов, единственное, что позволит мне выжить здесь и сейчас — информация. Эти волшебные заклинания, замаскированные под якобы соблюдающие законы физики изящные формулы-обводы.

— Ладно, пробуем.

Я разметил аэро хицу в точности подобную собственному «цветочку» на писчем камне: расставил обломки обсидиана, кремния, солей селитры, несколько травинок с невычищенной белой дрянью, что чуть не растворила меня в прошлой жизни, фульгурит и крохотный кусочек янтаря.

Резанул себя по ладони острым куском обсидиана, почти уже не морщась от резкой боли. И, окунув в накопившуюся в ладони кровавую кляксу, вывел эпитахинси.

И крайне вовремя поднял перед лицом пострадавшую руку! Потому что камень, налившись ослепительным бело-голубым сиянием, взорвался! Меня отшвырнуло к стене, ладонь прошило насквозь несколькими каменными осколками — я еле успел наклонить голову, спасая глаза. И, чувствуя, как глаза заливают кровь с рассеченного лба, отключился, почти не чувствуя боли.

Новые юнан я не синтезировал в результате мозгового штурма, даже не выудил из прошлого. Тот голос, предлагавший полностью убрать воспоминания, всё же слукавил — события до смерти помнились отвратительно. Если что-то не успел нацарапать — скажи «прощай». Я бы забыл и гидро, и аэро, и пиро, не останься их силуэты в местах, где я их однажды проставил.

Гео я вовсе вспомнил уже отправляясь за провиантом. А ещё помнил, что если подняться повыше — можно различить несколько совсем гигантских юнан, надо полагать, берегущих местный биом от чего-то похуже, чем ледяной дождь, разумная плесень, радиационные всплески и далее по списку.

Так что память сделала ручкой. И, наверное, именно из-за этого я так старательно обращаю внимания на, казалось бы, незначительные детали, мелочи, символы. Там, в репликационной утробе, я увидел четыре символа. Два из них представляли собой нечто достаточно сложное, что поизучать бы, по-хорошему, дольше, чем несколько секунд перед напутственным пинком во враждебный мир. Но два попроще я запомнил — пара треугольников в основе плюс несколько росчерков.

В условиях дефицита информации оба символа я запомнил накрепко, несколько дней потратил на их воспроизведение. И вот они — водный реверс, воздушный аверс. Они нужны для того, чтобы...

— С добрым утром, что ли? — угрюмо поздоровался я со льющей на голову водой, конденсирующейся рядом со знакомой юнан.

Сел, старательно баюкая повреждённую руку. Уставился на чуть не убивший меня камень. Моргнул.

И бросился к нему, подбирая по пути бесполезный булыжник. Аккуратно постукивая, сбил сначала внешние края, потом разделил оставшийся шестиугольник на секторы.

В результате взрыва песчый камень как бы окрасился в разные цвета, разрушился и осыпался кое-где. Но если знать, куда смотреть, на что обращать внимание...

— Йони. — Я хлопнул ладонью по шестиугольнику. Мне тут же запорошило глаза и нос каменной пылью, заставляя старательно откашливаться. — Да когда я уже научусь осторожности?..

Ещё и пыль мерзкая — то ли мел, то ли ещё какая-то дрянь. Просто так проморгаться не вышло, пришлось наощупь ковылять к желобу под гидро и долго, старательно промывать здоровой рукой глаза. Заразы или растворённых в резервуаре вредных соединений не опасался уже. Потому что потихоньку понимал принципы местной полу-рунической волшбы. Гидро не создавало воду из ничего. Как и йони вспышку статического электричества. Пиро — излишки энергии...

Юнан — это что-то вроде доведённого до абсурда процесса оптимального использования окружающих ресурсов. Энергии, материи, даже пространства. При этом символы выверены с такой пугающей точностью, что понимаешь поневоле — их делал не

человек. Машина, быть может? Робот какой-нибудь?

— Я сам-то кто? — спросил я, таращась в отражение на водной глади. — Человек?..

Нет, я помню. Я дышу. Чувствую боль и эмоции. Но... Не маловато доводов? Смог бы человек, будь он хоть сто раз супером, в такие сроки освоить не просто написание символов — а выполнять их идеально? Потому как при малейших отступлениях от шаблона символы в лучшем случае не срабатывают, в худшем...

Покривившись, я промыл раны на лбу и пострадавшем предплечье. Замер.

— Но если... Бред?

Сжав кулак, я активировал «цветочек» и, прикоснувшись к уже нанесённым статисам на запястье, стёр их. По логике вещей, «заморозка» должна уничтожать время объекта, с которым контактирует. Именно так я выгадал несколько секунд в драке с гиенами. Проблема в том, что повреждения никуда не пропадают. Просто не выливается кровь, на обнажённую плоть не слетается зараза из воздуха и даже переломанные кости продолжают держаться будто целые.

В глазах потемнело от боли, когда вита перестала маскировать ощущения.

— Я... выживу... — прорычал я, до крови закусывая губу.

Может, я сплю. Может, я в каком-то выживастике с максимальным погружением. Но я уже попробовал местную смерть, и, честно говоря, не горю желанием повторить опыт. Так что кровью я не истеку. И от столбняка тоже не загнусь. Мотивация «назло», конечно, так себе, ибо коннотация, прямо скажем, негативная, но в отсутствие всех прочих...

Посему исходим из худшего. Это реальный мир. Настоящая экзопланета где-то у чёрта на куличках, куда меня непонятно как занесло. Спасения нет, рассчитывать приходится только на себя. Вокруг — этакая Австралия на стероидах...

— Австралия?..

А, да. Кажется, был такой материк, кажется. На моей родной планете. Как же её называли...

— Земля.

Встрепенувшись, я щёлкнул по «цветочку», активируя сохранение символов и, поколебавшись, окунул палец в рану.

— Эпи... — «строфи» или «тахинси»?

По логике вещей, если мне нужно ускорить заживление, а мои новые друзья из виты, нужно ускорение, да?

— Да. — Палец продолжил движение, выводя треугольники, смотрящие вправо.

Кровь хлынула из раны струёй. Я даже удивиться не успел, когда её тёмный, угрюмый цвет, сменился на яркий алый.

«Было венозное, — вяло подумал я. — Теперь...»

Пещера померкла, а бесконечная капель воды стихла.

— Да твою мать! — Заорал я, когда меня снова выпнули в холодные объятия вечернего воздуха, а за спиной с лязгом сомкнулись створки.

Пробежавшись по пещере, подновил уже погасшие символы, на всякий случай поставил «корону» по обе стороны от входа и только после этого сел на корточки над собственным трупом. На его предплечье до сих пор ярко светились угробившие его треугольнички.

Значит, сохранено?

Я обратился к «цветочку», забрался в виту. И — пусто.

— Почему?..

Татуировка на руке трупа тоже налилась тёмным, значит, сработала. Что-то сделала после активации, и...

— А где тогда?

В «началах волшебства», или операциях с физическими объектами — ничего. Значит, мои новые знакомцы не совсем оттуда. Вита — ну, понятно, пусто.

Тогда...

Присмотревшись к татуировке, я обратил внимание на обводы секторов. Первый, пятый и четвёртый выглядели словно подчёркнутые. То есть, если сравнивать это с игровым интерфейсом — способности разблокированы?

Первый и пятый — это понятно. Натура и вита. А четвёртый?

«Цветочек» исчез, сменившись одним-единственным известным мне юнан этой категории. В голове щёлкнуло и голос произнёс почти презрительно:

— Хроно.

— Время? Серьёзно?

Я схватил труп за ноги и потянул за собой, продолжая анализировать сложившуюся ситуацию.

Логика, действительно, есть. Сестрички «эпи» относятся, как я понимаю, к искажениям времени. Здорово, конечно, было бы, влияй они на меня как способности из комиксов, но в действительности они делают ровно то, зачем созданы.

— Блин, ну я тяжеленный же я!

Удалось сделать целых два шага.

— Труп здесь оставлять нельзя ни в коем случае. Иначе скоро здесь будут гости.

Вытащить его тоже не получится. Но, возвращаясь к эпитахинси...

— Звучит почти как «эпитафия», — пробормотал я, выводя сохранённую юнан на запястье и касаясь трупа.

Пока отходил, задел ногой покорёженный камень, и тот словно по волшебству, рассыпался на сектора, крайне похожие на мою татуировку. Будто дождавшись именно этого действия, каждый сектор засиял собственным светом. Но ярче всех, как и в моём случае, светились первый, пятый и четвёртый.

— Это...

Приготовившись нырнуть в случае чего в сторону, я осторожно коснулся первого сектора пальцем. Свечение «стекло» с него вверх, вспыхнуло, размазалось в плоскость, на которой засияли знакомые мне «элементальные» юнан.

— Хицу, да? Это не новая юнан или способ взаимодействия. Это, блин, планшет!

Я хмыкнул, и тут же подскочил от неожиданности, разворачиваясь — за спиной что-то захрустело, шевельнулось!

Замер, в непонимании таращась на останки — всё время, что я игрался с хицу, с трупом что-то происходило — он то ли стлевал, то ли разлагался с дикой скоростью. И в какой-то момент процесс уничтожил всё. Даже кости.

С негромким шорохом труп, оказавшийся пустой оболочкой, рассыпался в прах. А мгновением спустя заработала пара йони и гео — мельчайшие частички облепили образовавшийся контур, явно обрисовывая пылесборник, и... исчезли.

Хотя, как я понимаю, рассыпались до молекул, если не до атомов.

Вот, значит, что такое эпитахинси. Выступая троицей с эпистрофой и статис они создают что-то вроде управления временем объекта. Перемотка вперёд, полная остановка...

Царапнув предплечье осколком, я тут же активировал «цветочек» и нанёс крохотную эпистрофу, вкладывая тут самый минимум силы.

Рана затянулась на глазах.

— Страшная штука, — покачал головой я, убедившись в том, что новая юнан занесена и в татуировку и в «планшет».

Получается, эпитахинси действительно могла бы меня исцелить не хуже сестрички. Вложи я туда заряд поменьше и приготовившись отъедаться как следует. Ибо даже такая синтетическая «регенерация» определённо выдоит ресурсы организма досуха. Вместо этого я бахнул полный заряд и, разумеется, сосуды не выдержали. Хорошо хоть, заживо разлагаться не начал — а это было бы логично, учитывая природу юнан.

— Моя новая благодетель, — хмыкнул я. — кхм, умеренность!

Что станет с живой тканью, если время для неё полетит вскачь, я уже понял. А если рванёт назад? Царапины, рассечения, возможно, даже утраченные конечности или органы при разумном использовании можно вернуть. Но стоит понимать, что всё это не берётся из ниоткуда. Хорошо, если участок просто омолодит, вернёт клетки, ткани и жидкости в их исходное состояние. А если процесс на этом не остановится? Если все вышеперечисленное вернётся к совсем основам, вроде РНК или вовсе органическим соединениям? Я же рассыплюсь к чёрту!

— Понятно, — кивнул я, — почему эта дрянь не в секторе здоровья. Если что-нибудь из них поставить той же гиене на морду — последствия будут похлеще, чем от заряженной пиро.

Ну, во всяком случае, так мне думается. Может, гиена как скотина умная, тут же откусит себе место с юнан. Или она, как теневолок или светобелка, состоит из такой материи, которой время не страшно. Всякое может быть.

Хотя пиро их разметало — факт. Йони, надо думать, тоже сработает.

— Чего-то я определённо не понимаю, эх. Надо разбираться, без этого ни о каком выживании и речи быть не может.

В этот раз я не рисковал с аэро, вместо этого просто щедро выложил пары йони-пиро до «орешника» и «банана». Получилась этакая тропинка, о которую с характерным треском размазала очередная желающий цапнуть меня за мягкое место.

— Не нравится, скотина?

Парочку сдвоенных «бананов», немного орехов из тех, что зрели поближе к стволу. Спасибо белкам, это я хорошо запомнил.

Одно дерево привлекло моё внимание. Исключая откровенно инопланетную расцветку и фактуру коры, оно очень напоминало иву. А где ива, там полезная кора! Ядовитая, разумеется, но против этого у меня уже есть средство. Настороженно оглядевшись, я сложил добычу на землю и одним прыжком подскочил к дереву. Не теряя ни секунды, вывел гео, хлопнул ладонью, сразу за ним — эпитахинси для ускорения процесса.

И тут же скакнул обратно!

Прямо перед моим лицом с резким треском сработала йони. Знакомая уже пёстрая морда, которую невозможно разглядеть, сидела на пятой точке и трясла расплывающейся башкой.

— Нравится, дрянь? — усмехнулся я, подбирая добычу с земли.

Гиена заворчала, видимо, придя в себя. Исчезла.

Треск разнёсся точно за моей спиной. Хм. Похоже, методы перемещения у этой паскуды

точно такой же, как у белок — то есть, непространственный.

Добыча заняла обе руки, но это не помешало мне вежливо оттопырить два средних пальца и, продемонстрировав их, неторопливо отправиться домой в сопровождении то треска, то вспышек. Гиена определённо была голодна, и я её более чем устраивал в качестве ужина.

Страха не было — охранный контур я сделал от стены до стены, попасть сюда получится лишь каким-то чудом очутившись на самой тропе — тут единственный относительно чистый проход в моё логово. Но если на меня юнан не реагировали, то в случае чужака попасть на тропу означало получение термо-электрической оплеухи сразу с двух сторон. Вряд ли это её убьёт, раз до сих пор не смогло — видимо, заряд не слишком большой. Но отбросить, шокировать — это сколько угодно.

Проводив меня до самого входа в пещеру, гиена опять уселась на землю и мерзко захохотала, размазалась в расплывчатое пятно на земле и ринулась за мной.

Одновременно вспыхнули аэро и гео, и из пятна в пещеру покатались отдельно лапы, расплывчатая башка и рассечённое пополам туловище.

— Ух, мясо?!

А ещё шкура и жилы для создания хоть какой-то одежды, клыки и когти для оружия.

— Живём, братва!

Аэро связало и погасило запах крови в воздухе, а я потащил трофеи к костру. Вечер, похоже, ожидается замечательный!

— Вы не могли бы рассказать чуть-чуть подробнее о ваших планах?

— Нет. — Как полагается в таких случаях, контуры тела гостя размыты, не позволяя считать фигуру, лицо скрыто круглым пятном черноты, будто он прячется во тьме, а голос искажён. — Вас не должны касаться мои планы.

— Но вы же сами рассказали о возможной опасности...

— Неизбежной. — Поправил гость. — Не возможной. Если бы вы не транжирили время на разработку бесполезной оборонки, новых смартфонов и тому подобной идиотии, никак не двигающей человечество — вам не потребовалась бы моя помощь.

— Это... звучит оскорбительно, да и вы будто дистанцируете себя от человечества.

— Правда? — В искажённом голосе гостя опять просквозили холод и разочарование. — Но я не принёс вам никаких откровений. Может, слышали? Новая Зеландия вчера запустила на орбиту «Солар-Пейн», наблюдающий за светилом.

— Извините, нет.

— Запустила. В сети посмотрите, там вся информация в открытом доступе... Впервые за всё время существования космической программы. Кто мешал запустить его раньше? Хотя бы полгода назад. Или пока жареный петух не клюнет, вы не чешетесь? Кто мешал не засекречивать данные наблюдений за космосом, а дать их народу, потому что глобальные задачи не решаются одной NASA или любым другим госагентством? Вы все могли прийти к тем же умозаключениям, что и я — гораздо раньше. Полгода назад. Год. Два. В любом случае, времени у вас было бы куда больше, чем сейчас на хотя бы первую обкатку «колыбели».

— Простите, вы...

— Помолчите, — повысил голос гость, — я говорю вам — грядёт афтершок. Да, он будет слабее вспышки двенадцатого года. Но из-за вашего с Солнцем взаимного вращения удар придётся прямиком на планету. Знаете, что случится с ней после этого? Сначала сдует магнитосферу, после этого унесёт в открытый космос ничем не сдерживаемый воздух, вскипят океаны... Чудом выживших даже после этого уверенно добьёт космическая радиация. Из населённого живого мира Земля превратится в мёртвый шар. Возможно, когда-нибудь на него вернётся жизнь, раз уж планета в зелёной зоне обитаемости, но, полагаю, ни вы, ни я этого не увидим.

— Вам не кажется, что вы сгущаете краски?

— Скорее, я не описываю всего, — отрезал гость. — Или что же, вы думаете, мне бункер нужен, чтобы там отсидеться по ходу апокалипсиса?

— А разве нет?

— Тяжело иметь дело с необразованными людьми. — Гость сокрушённо вздохнул. — Я попробую объяснить понятнее. Если «колыбель» не работает как положено — в чём стоило бы убедиться по ходу минимум года тестов оборудования — никакой бункер не спасёт. Воздуха на поверхности не будет после вспышки, понимаете? Запаса не хватит надолго, после чего убежище превратится в могилу. Но и это ещё не всё! За последние сто лет напряжённость магнитного поля планеты упала на пять процентов, а в настоящее время скорость уменьшения возросла ещё сильнее, и вы знаете, кто в этом виноват.

— ... простите?

— Инцидент Снайдера, дорогуша. Потери техногенного характера — около двух процентов напряжённости за последние двадцать лет, обмен ударами — ещё около шести. Понимаете ли, возможно, в идеальных условиях вы смогли бы выстоять, но даже без угрозы афтершока, если ничего не делать, в лучшем случае, у вас осталось меньше двух тысяч лет, прежде чем естественное поле перестанет вас защищать!

— Меньше двух тысяч?.. — ведущая продолжила вежливо улыбаться, но в её глазах уже сквозило понимание.

— Могло быть больше, но благодарите идиотов с ядерными кнопками, укравших у вас около четырёхсот лет форы на поиск решения. Мне продолжить?

— Да, пожалуйста.

— Вы понимаете всю опасность увеличения радиационного фона? А он растёт уже сейчас, и чем дальше, тем быстрее, раз уж поверхность облучают как со стороны звезды, так и из открытого космоса. Помните статистику раковых больных? Дальше ожидайте проблем с сердцем — больше половины детей, появившихся после две тысячи пятисотого года будут страдать от сердечной недостаточности. К трёхтысячному году это число возрастет до восьмидесяти процентов. Но к тому моменту нежизнеспособных детей будет рождаться столько, что вы, возможно, возьмётесь за ум и начнёте работать в сторону развития медицины. К три тысячи пятисотому году ожидайте резкое снижение численности населения. Возможно, до миллионов, хотя я думаю — до тысяч. Ну а к моменту геомагнитной инверсии, когда полюса начнут меняться местами, от человечества не останется ровным счётом ни единой особи.

— И у вас есть этому доказательства?.. — слабым голосом уточнила ведущая.

— Доказательства? — гость хмыкнул. — Спросите у ваших учёных, какой сейчас люфт у северного магнитного полюса относительно открытия. Не вдаваясь в подробности, магнитосфера зависит от положения магнитных полюсов, а они не фиксированы на месте, время от времени меняются места. Во время процесса смены полюсов, геомагнитной инверсии, поле падает почти до нуля. Последняя инверсия была около восьмисот тысяч лет назад, и человечество как вид её не застало, но если считать, исходя из палеомагнитных данных, за 76 миллионов лет магнитные полюса менялись местами больше ста семидесяти раз. То есть, вы понимаете, да? В среднем каждые четыреста тысяч лет планета остаётся беззащитной, пока магнитосфера не вернётся в полном объёме. И раз магнитные полюса уже сместились на почти тысячу километров относительно стартовой точки...

— Я вас поняла. Но тогда какой смысл в бункере?

— Бункер — это компромисс, — даже в искажённом голосе гостя слышалась горечь. — то, что вы можете дать мне взамен желаемого. Что поделаеть, раз вы такие... убогие.

— Извините, — ведущая проигнорировала оскорбление. — Но чего вы хотели на самом деле?

— Медицину. Я готов был дать вам всё, что знаю в обмен на одну медицинскую технологию.

— Какую?

— Спасение жизни, разумеется, — скучным тоном ответил гость. — Исцеление и возвращение в строй человека после...

— «После»?

— Да вам-то какая разница? Вы же не эскулап. На планете вообще нет нормальных докторов. Не научили. Не подготовили. Зато изобрели бомбу побольше и коммы с шустрим

интернетом...

— И всё же? — не отставала ведущая, будто пытаясь отомстить за пару мгновений испуга перед камерами, — что именно должна лечить интересующая вас технология?

— Проникающие ранения в сердце. Простите, на этом всё.

Гость исчез прямо из-под камер, словно испарился. Лишь застучали по полу на мгновение повисшие в воздухе микрофоны-петлички и передатчики.

Ведущая с мгновение смотрела на исчезнувшую фигуру, приоткрыв рот, после чего взяла себя в руки и ослепительно улыбнулась в камеру:

— С вами была Ксения Березоцкая и её проект «особый гость». Сегодня в студии была самопровозглашённая спасительница планеты — Роза. Не переключайтесь, в следующей части мы обязательно обсудим её слова с экспертами и учёными. А пока — реклама!

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net